О. В. Хлевнюк

1937-й: Сталин, НКВД и советское общество

О НЕДОСТАТКАХ ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ И МЕРАХ ЛИКВИДАЦИИ ТРОЦКИСТСКИХ И ИНЫХ ДВУРУШНИКОВ

ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б)
3—5 МАРТА 1937 г.

О. В. Хлевнюк

1937-й: Сталин, НКВД и советское общество

Москва
Издательство
«Республика»
1992

ББК 63.3(2)716
Х55

$X\frac{0503020500-043}{079(02)-92}127-92$

ISBN 5—250—01537—9

О массовых репрессиях 30-х годов написано немало. Особый интерес к этим трагическим страницам советской истории объясняется прежде всего стремлением разоблачить сталинизм в прошлом и настоящем, не допустить его повторения. Общество добивается гарантий необратимости перемен и одну из них справедливо видит в категорическом осуждении преступлений Сталина, созданной при нем модели социально-экономического и политического устройства.

Уже несколько лет мы не воспринимаем как сенсацию самые разоблачительные и резкие материалы о сталинском терроре. Напечатаны многие лагерные мемуары, в том числе те, рукописями которых пользовался Солженицын при подготовке книги «Архипелаг ГУЛАГ», изданной миллионными тиражами.

Приоткрылись архивы и из многочисленных документальных публикаций, прежде всего в журнале «Известия ЦК КПСС», в подробностях можно узнать о том, как готовили дела в застенках НКВД, как «репетировали» политические процессы 30-х годов. Постепенно увеличивается список исследовательских работ по этой проблеме, причем издаются они не только в центре, но и на местах[1]. И уже появляется искушение заявить: «Все ясно!», «Все известно!»

[1] См.: *Курицын В. М.* 1937 год: истоки и практика культа// Реабилитирован посмертно. М., 1988; *Некрасов В.* Генрих Ягода// Советская милиция. 1990. № 1; *Его же.* Николай Ежов//Там же.

А между тем, история сталинизма, и прежде всего его наиболее мрачных страниц, остается предметом острых споров и противостояния. Периодически активизируются и всерьез заявляют свои права силы, зовущие общество вспять, в лоно «героических времен», когда в стране был «хозяин», а значит — «порядок». Кумир ревнителей прошлого — Сталин, пусть несколько «улучшенный», но именно он. Их лозунг можно было бы сформулировать так: «Назад к сталинизму с человеческим лицом!»

Что же служит питательной средой подобных настроений? Страна «вышла из берегов» и попала в круговорот проблем: конфликты и противостояние ухудшают положение, а это, в свою очередь, порождает новые потрясения. По законам любой революции после «звездного часа» свободы и феерических надежд должна произойти стабилизация власти. Без этого невозможны не только реформы, но и просто существование общества. Нынешнее же поколение помнит и испытало на себе только одну сильную власть — недемократический государственный социализм. Отсюда и ностальгия по строгим, но «справедливым» временам, когда все были бедны, но якобы равны, когда казалось, что все ясно и абсолютно предсказуемо.

Что же удержало нас сегодня от возвращения к «неосталинизму»? Другим стал мир? Верно, но и в этом другом мире время от времени, пусть не навсегда (но ведь и Сталин был не навсегда), устанавливаются самые жестокие диктатуры. Другими стали мы? Августовские события 1991 г. показали, что это — главное. И в

1990. № 2; *Его же.* Лаврентий Берия//Там же. 1990. № 3; *Викторов Б. А.* Без грифа «секретно». М., 1990; Расплата. Прокурорские судьбы. М., 1990; 37-й на Урале. Свердловск, 1990; *Багаутдинов Ф.* По закону 1934 года. Казань, 1990; Они не молчали. М., 1991, и др.

это «другие», несомненно, входит наш страшный исторический опыт, полное разоблачение сталинизма и созданной в 30—50-е годы системы. История все же коечему нас научила. Неприятие террористических форм государственности, ужас простого человека перед всесилием и беспощадностью карательной машины — самый понятный, эмоциональный, а поэтому сильный аргумент против диктатуры.

Что же делать в такой ситуации сторонникам движения вспять? С одной стороны, они стараются не слишком конкретизировать черты того прошлого, к которому призывают. С другой — в меру своих сил и способностей пытаются навести тень: не так, мол, плохо было, мешали лишь отдельные недостатки, ошибки. Прежде всего подобным образом они пытаются «облагородить» самый уязвимый пункт желаемого ими прошлого — массовые беззакония и террор. Делается это поразному. Одни, признавая под напором фактов наличие сталинских преступлений, пытаются оправдать их вражеским окружением, плохим влиянием на вождя соратников, излишним «вдохновением» органов НКВД, которые, размахнувшись в святом негодовании против действительных врагов, несколько перестарались. Но появляются и такие, кому не нужны уже даже эти «фиговые листки». Прямо объявляя реабилитации жертв сталинизма фальсифицированными, они призывают возродить в правах и взять на вооружение сталинскую теорию и практику «обострения классовой борьбы», железной рукой расправиться с новым поколением «врагов народа».

Как это часто бывает, позиции сталинистов объективно укрепляют их противники с другого крайнего фланга, те, кто в ожесточенности политических страстей ставит знак равенства между преступным руководством и поколением людей, честно выполнявших свой долг перед Родиной. Для них история последних семи десяти-

летий — это единый поток, в котором не существовало различных течений. Зловещие выступления на митингах с требованием: «Смерть врагам!» они воспринимают как единственный символ эпохи, забывая или не зная о тех, чей голос не донесли до нас официальные источники.

Конечно, людей, для которых история — лишь разменная монета в политических комбинациях, вряд ли можно в чем-либо убедить. Однако сумятица и историческая малообразованность поразили за долгие годы фальсификаций и умолчания широкие слои общества. Немалую вину за это несут и историки. Любой внимательный читатель и исследователь без труда сформулирует огромное количество вопросов, которые, несмотря на определенный прогресс в историографии за последние годы, остались без ответа. Наши знания еще слишком общи и приблизительны, а поэтому допускают многочисленность трактовок, прямых передержек и откровенных спекуляций. В полной мере это можно отнести и к проблеме массовых репрессий. Несмотря на обилие данных, до сих пор отсутствует ответ, например, на ключевой вопрос: сколько же было репрессированных? Не знаем мы, каким был и как действовал аппарат карательных органов, что представлял собой ГУЛАГ с экономической точки зрения, кто и как конкретно направлял террор сверху, на что рассчитывали его организаторы и т. д.

В ряду непроясненных проблем есть и такая: сопротивление репрессиям, нравственный и политический выбор действующих лиц трагических событий. Справедливо возложив главную ответственность за преступления на сильнейшего — государство, мы все же нередко слишком категоричны в утверждениях о всеобщей покорности, неведении и казенном единомыслии. Вряд ли верно сводить все многообразие потоков общественной жизни даже того тяжелейшего времени лишь к широ-

ковещательным кампаниям поддержки приговоров против «врагов народа», судить об умонастроениях конца 30-х годов исключительно по гнусным митингам и выступлениям в газетах. Такое упрощение исторической реальности не только оставляет без ответа многие существенные вопросы, например об источниках жизнеспособности общества, будущего очищения его от деформаций, оно глубоко несправедливо к памяти тех, кто, как мог, сопротивлялся. Подобное упрощение, по существу, лишает нас важнейших нравственных опор, обедняет демократическую культуру, устои которой всегда поддерживались примером людей, в самые тяжелые времена находивших в себе силы жить по совести. Извлечение их имен из небытия, полноправное включение в нашу историю — такое же условие очищения общества, как и разоблачение преступников.

Часто приходится слышать: сопротивление — это слишком громкое слово, потому что в большинстве своем даже те, кто помогал жертвам репрессий и отказывался участвовать в беззаконных делах, верили Сталину, относили преступления на счет органов НКВД или тех же «пробравшихся на руководящие посты врагов народа». Наверное, в немалой мере такие утверждения справедливы. Люди, выступавшие против произвола, нередко действительно плохо понимали суть происходившего, были наивны в стремлении к справедливости и в вере в неведение вождя. Но разве это умаляет значение их в полном смысле этого слова смертельно опасных поступков? Объективно честная позиция, попытки противостоять подлости и насилию, независимо от того, насколько эти действия осознавались как антисталинские, были сопротивлением репрессивной политике правительства. Да и кроме того, факты свидетельствуют, что многие в 30-е годы хорошо разбирались в сути происходившего, знали истинную цену Сталину, ясно представляли, кто является инициатором террора.

В ряде случаев против намерений Сталина провести «большую чистку» выступали высокопоставленные государственные и партийные деятели. Сегодня уже трудно выяснить, что двигало каждым из них: инстинкт ли самосохранения, нежелание предавать друзей и близких или принципиальное несогласие с ужесточением репрессий. Но в любом случае факты эти необходимо знать и учитывать при изучении истории 30-х годов.

Некоторые страницы сопротивления репрессиям «снизу» и «сверху» и составляют один из предметов рассмотрения в этой книге. Приведенными в ней сведениями, конечно, не исчерпывается данная тема. Работа построена в основном на материалах партийных архивов — документах ЦК ВКП(б) и местных организаций. Это неизбежно предопределило определенный угол рассмотрения вопроса. В будущем же, когда станут вполне доступными другие архивы, прежде всего НКВД, проблема, несомненно, будет освещаться более полно и основательно. Однако имеющиеся факты, думается, уже сейчас позволяют оспорить упрощающие прошлое стереотипы, уточнить некоторые оценки, а значит, яснее представить один из самых сложных и трагических периодов нашей истории.

ПОЧЕМУ НКВД ОПОЗДАЛ НА ЧЕТЫРЕ ГОДА

25 сентября 1936 г. Сталин и Жданов, отдыхавшие в Сочи, отправили в Москву телеграмму, знаменовавшую приближение событий, которые народ вскоре назовет «ежовщиной». Через несколько часов члены Политбюро прочитали следующий текст: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года» [1].

Спустя пять месяцев формула об опоздании НКВД на четыре года была повторена в резолюции известного февральско-мартовского Пленума: «Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все факты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что с разоблачением этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на 4 года» [2]. Неоднократно обыгрывалась эта формула и на многочисленных политических процессах 1936—1938 гг. Подсудимые по заранее подготовленному сценарию в один голос признавались, что именно в 1932—1933 гг. оформились многочисленные «подпольные организации» и «центры», произошла консолидация «контрреволюционных сил».

[1] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 39.
[2] Там же. 1989. № 3. С. 138.

Понять, зачем Сталину понадобилась версия об опоздании ОГПУ — НКВД, несложно. Обвинив наркомат и его руководство в провале работы (целых четыре года беспрепятственно действовало множество «врагов»!), он добивался от карательных органов и их новых руководителей большей активности и беспощадности. Гораздо менее понятно, на первый взгляд, почему был назван срок четыре года и возникновение мифических контрреволюционных центров отнесено к 1932—1933 гг. Взял ли Сталин эту дату произвольно или, может быть, воспользовался тем, что на рубеже первой и второй пятилеток действительно происходили какие-то критические события? Означало ли заявление об опоздании, что вождь уже четыре года как был готов начать «большую чистку»? А если был готов, то почему не начал?

КРИЗИС НА РУБЕЖЕ ПЯТИЛЕТОК

Подготавливая массовые репрессии, Сталин и его помощники не случайно вспомнили о 1932 г. Это был действительно один из наиболее сложных периодов и в истории страны, и в политической биографии самого Сталина. Начинался этот год с кризиса, который породила избранная в конце 20-х годов модель социально-экономического развития. Подорванное коллективизацией сельское хозяйство находилось в критическом состоянии. Страна недоедала, в ряде районов начинался голод. Из месяца в месяц падала производительность труда в промышленности и не в последнюю очередь потому, что голодные рабочие просто не могли нормально трудиться. Совершенно расстроились финансы. Огромный дефицит бюджета правительство латало за счет повышения цен на потребительские товары и расширения сети коммерческой торговли, а это вело к дальнейшему снижению уровня жизни.

Доведенные до крайней нужды люди начали роптать. Волнения охватили многие деревни. Крестьяне массами снимались с насиженных мест и бежали из колхозов, часть из которых просто развалилась. Весной 1932 г. в связи со снижением норм карточного снабжения хлебом начались антиправительственные выступления в городах. Наиболее широкий резонанс получили апрельские события в ряде текстильных районов Ивановской промышленной области. Возмущенные снижением и без того скудных пайков (в Вичуге, например, некоторым группам рабочих в течение нескольких месяцев не выдавали положенную муку, а дети вместо 100 г хлеба в день получали 60), текстильщики забастовали и вышли на улицы. Выступления подавили силой, арестовав на предприятиях многих зачинщиков и «очистив» города области от «вражеских элементов».

Все эти события заставили руководство страны пойти на некоторые послабления, в частности в отношении крестьян. Им разрешили продавать излишки продуктов на рынке по свободным ценам. Однако было уже поздно. Кризис приобрел хронический характер. С осени 1932 г. многие районы страны охватил жесточайший голод, счет жертв которого шел на миллионы. Распространились случаи людоедства. Спутником голода стал тиф, поразивший не только сельские местности, но и ряд крупных городов. По стране прокатились голодные бунты. Крестьяне пытались бежать в города, где хлеб выдавали по карточкам. Резко увеличилось количество беспризорных детей.

Удержаться тогда у власти сталинское руководство сумело лишь при помощи самых жестоких репрессий. Из колхозов до последнего зерна насильно вывозили хлеб, нередко обрекая крестьян на голодную смерть. Всех недовольных арестовывали и высылали. Голодающие районы оцепили заградительными отрядами. Скитающихся в поисках куска хлеба людей — «бродяг», по

официальной терминологии, собирали в специальные лагеря и посылали на тяжелые работы. «Закручивание гаек» коснулось даже рабочих, к которым власти обычно относились более лояльно, чем к крестьянам. По закону, изданному в ноябре 1932 г., за один прогул рабочих увольняли, лишали карточек и квартир. И это зимой в голодающей стране! Чисткой городов и выселением «чуждых, дезорганизаторских элементов» сопровождалось введение паспортной системы, начавшееся в первые месяцы 1933 г. Одновременно резко сокращалось количество горожан и рабочих, которых централизованно снабжали продовольствием. О масштабах выселения и снятия со снабжения дают представление такие цифры: за год, с 1932-го по 1933-й, численность населения, получавшего от государства хлеб, уменьшилась с 40,3 до 39 млн.

Страна находилась в крайне тяжелом положении, и это усиливало возмущение народа политикой правительства. Недовольство усугублялось тем, что его пик пришелся на период завершения первой пятилетки, когда настало время «платить по векселям», выданным сталинским руководством в конце 20-х годов. Советские люди еще помнили, как, поднимая общество на «большой скачок» и расправляясь с призывавшими к осторожности «правыми», Сталин и его единомышленники радужно рисовали перспективы народного благосостояния и процветания колхозного строя. Многими энтузиастами первой пятилетки двигала уверенность, что «через четыре года здесь будет город-сад!». Тем горше было разочарование. Подорванная «скачками» страна не только голодала, она переставала верить.

Признавая распространение подобных настроений, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев писал в декабре 1932 г. в журнале «Большевик»: «Подлинного характера наших трудностей не понимают многие и особенно — недостаточно подготовленные молодые лю-

ди. Они рассуждают примерно так: «Строим новые заводы и фабрики, создаем и укрепляем колхозы, по всем отраслям строительства двигаемся вперед, а сунешься в кооператив — ничего нет... Некоторые молодые товарищи думают, что социализм можно построить без трудностей». «На предприятиях,— продолжал Косарев,— некоторые комсомольцы плетутся в хвосте отсталых настроений, поддакивают враждебным элементам, вместе с ними по косточкам перемывают Советскую власть и смакуют контрреволюционные анекдоты о продовольственных затруднениях» [1].

Понятно, что высказывания Косарева, в целом отражая наличие серьезных проблем в социальном самочувствии общества, все же, мягко говоря, неполно отражали действительность. Далеко не везде и не всегда дело ограничивалось анекдотами. Время от времени в разных районах страны вспыхивали голодные забастовки и бунты. А отрицательное отношение к власти приобретало все большую устойчивость даже в тех слоях общества, которые традиционно считались социальной базой режима — в рабочем классе. «Отрицательные настроения по всем прослойкам транспортников носят массовый характер,— сообщало, например, руководство транспортного отдела ГПУ Украины в начале 1933 г.— В основном они базируются на неудовлетворительном снабжении, проводящемся нажиме в хлебозаготовительной кампании... и на несвоевременной выдаче зарплаты» [2]. Типичными в этом сообщении были названы такие высказывания: «На селе у крестьян забирают хлеб до последнего зерна. Это форменный грабеж» (рабочий станции Комаровцы Гайворонского района Матковский); «Разве мы боролись за то, чтобы на сегодняшний день так жилось рабочим и крестьянам? Везде бюрократизм и волокита. Крестьян разогнали, отобрали у них

[1] Большевик. 1932. № 23—24. С. 36, 46.
[2] ЦПА. Ф. 17. Оп. 120. Д. 94. Л. 108.

все последнее. Если что получится, то я опять возьму винтовку и буду бить гадов, которые сидят на ответственных постах и довели страну до такого состояния» (слесарь вагоноремонтного завода в Днепропетровске, бывший красный партизан Калашников); «От профанов, сидящих у власти, ничего хорошего ожидать нельзя. Нас ожидает ужас, которого не видело еще человечество» (инженер станции Иловайское Грошев); «Довольно нам очки втирать. Народ голодает. Рабочий класс прекрасно все видит и за вами больше не пойдет» (выступление слесаря станции Криничная Дебальцевского района Маркова на рабочем собрании).

Усиление антиправительственных и антипартийных настроений особенно чутко улавливали рядовые члены ВКП(б). Они попадали в сложное положение. С одной стороны, существовали такие понятия, как партийный долг, принадлежность к правящей партии, с другой — эти люди не понаслышке знали, что такое полуголодное существование, очереди, тяжелые условия труда, беззакония и произвол. Справляться с этой противоречивостью каждый пытался по-своему. Большинство предпочитали полностью подчиниться генеральной линии, не обременяя себя излишними сомнениями и мучительными раздумьями. Были и такие, кто пытался раскрыть глаза московским вождям. В столицу Сталину шли письма, подобные тому, что написала в начале 1933 г. член ВКП(б) с 1925 г. Туркман: «Дети голодные. Нет своевременной выплаты зарплаты. С хлебом хронические перебои. Ударники получают по полкило печенья или хамсы. Больно за то, что страна богатая, что по дешевке отправляются экспортом продукты, а хозяин страны ходит голодным».

Однако в партии оставалось немало принципиальных противников Сталина и его политики. Они видели выход из положения в смене партийного руководства и отказе от сталинских авантюр. Многие думали так же,

как студент Московского электротехнического института, член партии с 1925 г. П. М. Луговской. На собрании, посвященном итогам сентябрьского (1932 г.) Пленума ЦК партии, он заявил, что темпы пятилетки были определены неверно и ее нужно было выполнять в 6—7 лет, что необходимо сократить экспорт и улучшить снабжение рабочих, накормить голодающих крестьян, которые в поисках хлеба разъезжаются по Союзу. Более решительные прямо требовали убрать Сталина и его сторонников. Так, член партии с 1920 г. сотрудник Института советского права И. Р. Теряев в конце 1932 г. заявил в контрольной комиссии, что «рабочие и крестьяне загнаны в тупик по вине руководства партии, против которого он будет вести борьбу вместе с честными коммунистами». А работница фабрики «Москвашвей» № 9 кандидат партии Багаева принесла в цех бюллетень XV съезда ВКП(б), где было напечатано ленинское «Письмо к съезду» с критикой Сталина. Предлагая коллегам прочитать этот документ, она добавляла: «Вот почему страну довели до голода». Кстати, этот эпизод стоит запомнить. Вместе с фактами, которые еще будут приведены, он позволяет утверждать, что ленинское «Письмо к съезду» было широко известно в стране в 30-е годы. О нем знали многие коммунисты и часто использовали как аргумент в критике Сталина.

Распространенным методом обличения вождя было и сравнение его с Лениным. К такому методу в начале 1933 г. прибег Н. Д. Демидов из Северного края и поплатился за это партийным билетом. Член партии с 1919 г., участник гражданской войны, он работал заведующим учебной частью сельскохозяйственной школы. В 1929 г. Демидов получил выговор за «отрицание классовой борьбы в связи с коллективизацией». И вот теперь, спустя четыре года, лишился билета за то, что говорил учащимся школы: «Сталин, в отличие от Ленина, не ориентирует партию на несколько лет вперед, а дает дирек-

тивы уже после совершившегося факта... В отношении Сталина нет гарантий, что он не изменит рабочему классу, как это было с вождями II Интернационала, Каменевым и Зиновьевым»[1].

Ряд членов партии в это время попытались сорганизоваться и вести целенаправленную антисталинскую пропаганду в ВКП(б). Наиболее широкую известность приобрели материалы так называемого Союза марксистов-ленинцев, идейным вдохновителем которого стал М. Н. Рютин. Именно он подготовил в 1932 г. документ под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и обращение «Ко всем членам ВКП(б)». В обращении, в частности, говорилось: «Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис. С помощью обмана, клеветы и одурачивання партийных лиц, с помощью невероятных насилий п террора... Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру...

Авантюристическпе темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение реальной заработной платы рабочих и служащих, непосильные открытые и замаскированные палоги, инфляцию, рост цен и падение стоимости червонца; авантюристическая коллективизация с помощью невероятных насилий, террора... привели всю страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревне, так и в городах...

Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики...»[2]

---

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 120. Д. 106. Л. 52.

[2] Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 106.

О содержании рютинских документов, личности самого Рютина и его сторонников, обстоятельствах разгрома Союза марксистов-ленинцев в последнее время написано много [1]. По ряду вопросов, например об идентичности первоначальному рютинскому тексту тех копий, которые сохранились до наших дней в архивах КГБ, существуют разногласия. Рукописи и судьба Рютина, несомненно, еще будут изучаться. Для нашей же темы достаточно отметить, что в 1932 г. были подготовлены, распространялись среди старых членов партии и получали у них определенную поддержку антисталинские документы.

В ответ на волнения в партии Сталин принял свои обычные меры. В 1932—1933 гг. прокатилась новая волна репрессий против коммунистов. Преследованиям подвергались все недовольные, откровенно высказывающие свои взгляды, а в ряде случаев и просто «распространители слухов», обронившие в неподходящей компании неосторожное слово. С конца 1932 г. началась чистка партии, целью которой было подавление малейшей оппозиционности, подчинение коммунистов воле вождя.

Ядро репрессивных мероприятий против инакомыслящих в партии составляли ряд громких дел. Большая группа членов ВКП(б), в том числе бывшие лидеры оппозиции Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев, были привлечены к уголовной ответственности по делу Союза марксистов-ленинцев. 38 человек в конце 1932 — начале 1933 г. были арестованы по сфабрикованному делу так называемой антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других («бухаринская школа»). Среди них — известные обществоведы, ученики и сторонники Бухарина в период его борьбы со Сталиным в конце 20-х годов, а также один из ведущих деятелей «правого

[1] См.: О деле так называемого «Союза марксистов-ленинцев»//Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 103—115; М. Н. Рютин// Там же. 1990. № 3. С. 150—178.

уклона» — Н. А. Угланов, занимавший до 1929 г. пост секретаря московского комитета партии[1]. На январском (1933 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) была подвергнута разгромному осуждению так называемая антипартийная группировка Эйсмонта, Толмачева, Смирнова. Неодобрительные разговоры этих старых членов партии о сталинской политике, ставшие известными вождю благодаря доносу, были квалифицированы как свидетельство существования «подпольной фракционной группы». К этому же делу пристегнули тогда бывших лидеров «правого уклона» М. П. Томского и А. И. Рыкова. Их обвинили в связях с «антипартийными группировками» и пригрозили, что «при продолжении их нынешнего поведения к ним будут применены суровые меры партийных взысканий»[2].

От этих громких московских дел кругами пошли по стране разоблачения помельче. Местные ГПУ, получив соответствующие установки, изобретали свои «контрреволюционные группы», в ряде случаев связывая их с московскими «заговорщиками».

Несколько лет спустя, на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), новый нарком внутренних дел Ежов вспомнил о репрессиях 1932—1933 гг. «Можно ли было вскрыть уже тогда контрреволюционные организации троцкистов, зиновьевцев? — вопрошал он и уверенно отвечал: — Утверждаю, что уже тогда бы можно было вскрыть всю работу центра...» Действительно, при знакомстве с делами, заведенными на рубеже первой и второй пятилеток, создается впечатление: тогда проводилась своеобразная генеральная репетиция процессов, которые будут сфабрикованы в период «большого террора». Те же методы фабрикации из частных

[1] См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 30—48.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. М., 1985. Т. 6. С. 33 (далее — КПСС в резолюциях...).

встреч и разговоров «за чаем» «контрреволюционных групп» и «центров», те же обвинения в терроризме. Так почему же не «вскрыли» тогда «всю работу центра»? Чего не хватило? Изобретательности Ягоды? Он знал свое дело не хуже Ежова, и это подтвердили фальшивки, состряпанные в 1932—1933 гг. Решительности Сталина? Он был настроен тогда, пожалуй, не менее решительно, чем четыре года спустя.

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно составить небольшую хронику событий того периода.

7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли написанный Сталиным закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» — знаменитый закон «о пяти колосках», по которому даже за незначительные хищения применялся расстрел и лишь в редком случае грозило десятилетнее тюремное заключение. В октябре коллегия ОГПУ приговорила к различным срокам тюрьмы и ссылки участников Союза марксистов-ленинцев. Осенью и зимой 1932/33 г. под руководством Сталина проводилась безжалостная кампания хлебозаготовок. Из голодающих деревень вывозился хлеб, добываемый путем повальных обысков и насилия.

Массовые репрессии и высылка применялись не только по отношению к крестьянам, но и к местным партийным работникам, которые, по мнению Москвы, не проявили необходимой твердости и рвения в конфискации хлеба. В ряде случаев распоряжения по таким делам Сталин делал лично. Неумолимым оставался он и к многочисленным сигналам о сотнях тысяч голодных смертей, массах беженцев. В ответ — распоряжения ужесточить репрессии.

В ночь на 9 ноября покончила с собой жена Сталина Н. С. Аллилуева. Причиной самоубийства было скорее всего нервное перенапряжение, и это в какой-то мере

характеризует состояние в тот период самого Сталина. В январе 1933 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин выступил с крайне резкой речью, призвав развернуть беспощадную борьбу против классовых врагов. Он вновь заявил, что по мере успехов социализма классовая борьба будет обостряться и «на этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов» [1]. Кстати, по уровню «теоретического осмысления» действительности январский (1933 г.) Пленум ЦК ВКП(б) вполне может претендовать на роль «законного родителя» февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК. Сам Сталин излагал на обоих пленумах практически одинаковые идеи. И не случайно в выступлениях многих ораторов, поднимавшихся на трибуну в феврале — марте 1937 г., неоднократно цитировались сталинские речи января 1933 г. как пример прозорливости и бдительного предупреждения об опасности всеобщего вредительства.

В общем, личной решительности развернуться всерьез в 1932—1933 гг. у Сталина хватало. Ожесточенные призывы судить, расстреливать, уничтожать, гнать из партии были в тот период наиболее употребимыми выражениями его политического словаря. И все же переступить ту грань, которая была преодолена в 1937 г., Сталин пока не мог. Обрушив репрессии на часть крестьянства, городского населения, партии, он не стал объявлять, опираясь на ближайших единомышленников и карательные органы, войну всему обществу, партии, армии, что сделал через несколько лет. Причин этой относительной приостановки было, по всей вероятности, несколько.

---

[1] *Сталин И. В.* Соч. Т. 13. С. 212.

Прежде всего, слишком сложной и взрывоопасной оставалась ситуация в обществе, и новые потрясения могли вызвать непредсказуемую реакцию. Приходилось считаться и с тем фактом, что далеко не все решения центра безоговорочно принимались на местах. Отражением этого были многочисленные выступления крестьян и рабочих, недовольство местных руководителей, многие из которых хотя и не решались на активные антисталинские действия, осуждали вождя за ошибки, за разжигание неоправданной конфронтации с крестьянством.

Особенно ярко проявились эти настроения во время проведения чрезвычайных хлебозаготовок осенью 1932 г. Тотальная продразверстка, конфискация всего хлеба, которую требовали осуществить руководители страны, первое время проходила со скрипом. Ряд местных партийных и советских работников пытались не допустить окончательного развала производительных сил деревни, спасти крестьян от голода и для этого формировали, вопреки приказам, необходимые продовольственные и посевные фонды в колхозах. Некоторые из них заявляли: «Если мы сделаем крепкий напор на хлеб, то мы можем вызвать серьезные осложнения». Председатель Николаевского городского Совета на Украине Вишневецкий подготовил документ под названием «Выводы о проведении сельскохозяйственных кампаний». В нем говорилось, что все беды сельского хозяйства происходят от хлебозаготовок. «Хлебозаготовительный план 1932 г.,— писал Вишневецкий,— глубже по сравнению с 1931 г. затронул внутрихозяйственные ресурсы всех секторов сельского хозяйства. Это привело к полному нарушению хлебного баланса по внутриколхозному сектору и обострило питание населения в наиболее напряженный период весеннего сева» [1].

---

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 26. Д. 66. Л. 20.

Для проведения хлебозаготовок по сталинскому варианту правительству пришлось высылать в основные зерновые районы страны комиссии с чрезвычайными полномочиями. Они сняли с работы, арестовали многих руководителей-коммунистов. 7 декабря 1932 г. за подписью Сталина на места был разослан циркуляр, в котором он объявлял таких руководителей «обманщиками партии и жуликами» и требовал «немедля арестовать и наградить их по заслугам, то есть дать им от 5 до 10 лет тюремного заключения каждому» [1].

Не меньше усилий руководству страны пришлось приложить для претворения в жизнь закона от 7 августа 1932 г. об ответственности за хищения государственной собственности. Этот документ был одним из самых любимых детищ Сталина. Не жалела сил для его прославления и официальная пропаганда. Кстати, в 1937 г. был специально отмечен пятилетний «юбилей» закона. В передовой «Правды», посвященной этому событию, утверждалось, что «исторический закон живет и действует», являясь примером осуществления «классовой бдительности». «Его сила, его глубочайший смысл,— утверждал автор передовицы,— сохранятся на многие, многие годы вперед». И этот «замечательный» и «исторический» закон на местах первое время всячески саботировали.

Небывалая жестокость санкций — расстрел или в лучшем случае десятилетнее заключение за любые, пусть самые незначительные хищения — вызывала повсеместно критику. Тем более что репрессии были направлены главным образом против голодающих крестьян, которые при помощи «хищений» пытались спастись от смерти. Классовый враг, писал по этому поводу журнал «Советская юстиция», «прибегал к посылке на поля малолетних, инвалидов, стариков и старух...» [2].

[1] Урок дает история. М., 1989. С. 173.
[2] Советская юстиция. 1934. № 2. С. 9.

Неудивительно поэтому, что работники юстиции всеми правдами и неправдами пытались не применять закон. «Иной раз,— говорил об этом на январском (1933 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) народный комиссар юстиции Н. В. Крыленко,— приходится сталкиваться не только с непониманием, но с прямым нежеланием жестко применять этот закон. Один народный судья мне прямо сказал: «У меня рука не поднимается, чтобы на десять лет закатать человека за кражу четырех колес». Мы сталкиваемся тут,— продолжал Крыленко,— с глубоким, впитанным с молоком матери предрассудком и традициями старых форм правовой буржуазной мысли, что этак нельзя, что обязательно судить должно, не исходя из политических указаний партии и правительства, а из соображений «высшей справедливости». При этом Крыленко жаловался не только на местные суды, но и на Верховный суд, Президиум ВЦИК, где, по его словам, существовало такое же отношение к применению закона от 7 августа: «что вот, мол, не нужен расстрел». В результате на 1 января 1933 г. по закону было осуждено около 55 тыс. человек, а к расстрелу приговорено 2,1 тыс., причем приведен приговор в исполнение в тысяче случаев. И это при том, что, по сталинскому замыслу, именно расстрел, а не тюремное заключение, должен был применяться, как правило.

Меры против вольнодумцев, предпочитавших руководствоваться «соображениями высшей справедливости», были приняты быстро и энергично. Правда, это вызвало массовые перегибы и осуждение невиновных. Но «перегиб» в те времена традиционно ценился выше, чем «недогиб».

В борьбе за закон от 7 августа власти столкнулись не только с противодействием судей, но и с глухим сопротивлением народных масс. Закон, естественно, был абсолютно непопулярен, и на этой почве, как обычно, сформировалась своеобразная круговая порука. Даже

среди комсомольцев, как писал Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев, встречалось немало тех, кто, став свидетелем кражи, «отворачивались, делая вид, что не видели», проходили мимо «с равнодушием постороннего человека»[1]. Характерно, что заявления о хищениях имущества в подавляющем большинстве случаев раскрывались по инициативе должностных лиц. «Актив (т. е. граждане-энтузиасты, обычно горячо откликавшиеся на всякие кампании) не втянут и не организован в борьбе с хищениями»[2],— писал по этому поводу журнал «Советская юстиция».

Все эти факты и штрихи, конечно, не могут заменить целостную картину состояния общества на рубеже пятилеток. Мы пока не знаем, какие настроения существовали тогда в армии или, скажем, в НКВД. На февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме партии Ягода, оправдываясь под градом обвинений в отсутствии бдительности и опоздании с выкорчевыванием врагов, говорил, что в 1932—1933 гг. «целый ряд чекистов... имели такие настроения и считали, что можно успокоиться... Некоторые чекисты приходили ко мне и говорили: никакой не может быть речи о контрреволюции». Не доверять этим словам бывшего наркома НКВД нет причин. И до 1932 г., и после него руководство партии, судя даже по отдельным отрывочным фактам, сталкивалось со строптивостью в органах, особенно по вопросу о массовости репрессий. И хотя с недовольными расправлялись быстро, не учитывать определенной опасности даже умеренной фронды со стороны чекистов Сталин не мог.

Но самым существенным фактором, определяющим поведение вождя, являлась, конечно, позиция высшего руководства партии — Политбюро и ЦК. До поры до времени это были реально действующие органы. И безусловно, поддержка ими Сталина вовсе не означала, что

[1] Большевик. 1932. № 23—24. С. 44.
[2] Советская юстиция. 1932. № 34. С. 3.

в определенный момент в ответ на слишком значительные претензии генсека они не смогут проявить характер. Конечно, среди соратников Сталина не было либералов. В условиях же кризиса, поставившего под вопрос прочность самой власти, все они еще больше сплотились вокруг вождя и поддержали ужесточение чрезвычайно репрессивной политики. Но была ли эта поддержка беспредельной?

В декабре 1936 г. в журнале «Социалистический вестник», издававшемся меньшевиками за рубежом, появилась статья «Как подготавливался московский процесс». Ее автор, пожелавший остаться неизвестным, утверждал: «Среди предсмертных заветов Ленина едва ли есть хотя бы один, за который так цепко не держалось бы наше «партруководство», как за его настоятельный совет не повторять ошибки якобинцев — не вступать на путь взаимного самоистребления. Считалось аксиомой, что в борьбе с партийной оппозицией можно идти на многое — только не на расстрелы... Впервые вопрос о смертной казни за участие во внутрипартийной оппозиционной деятельности встал в связи с делом Рютина... Вопрос о его судьбе решался в Политбюро, так как ГПУ (конечно, по указанию Сталина) высказалось за смертную казнь, а Рютин принадлежал к старым и заслуженным партийным деятелям, в отношении которых завет Ленина применение казней не разрешал. Передают, что дебаты носили весьма напряженный характер. Сталин поддерживал настроение ГПУ... Наиболее определенно против казни говорил Киров, которому и удалось увлечь за собой большинство членов Политбюро. Сталин был достаточно осторожен, чтобы не доводить дело до острого конфликта» [1].

Спустя более чем двадцать лет известный меньшевик Б. Николаевский признался, что анонимным автором «Социалистического вестника» был он. Николаевский

[1] Социалистический вестник. 1936. № 23—24. С. 20—21.

заявил также — и это имеет принципиальное значение,— что статья написана на основе рассказов Н. И. Бухарина, с которым автор встречался в марте — апреле 1936 г. в Париже. Несмотря на отсутствие четких доказательств, многие историки считают свидетельства Николаевского достоверными и широко используют их для реконструкции политических процессов середины 30-х годов. Так, автор известной биографии Бухарина С. Коэн, ссылаясь на Николаевского, пишет, что рютинское дело продемонстрировало наличие умеренного крыла в Политбюро, которое сопротивлялось попыткам Сталина приобрести еще большую власть. Споры о судьбе Рютина, по мнению Коэна, явились «поворотным пунктом политического развития 30-х гг.». Именно тогда, считает исследователь, Сталин принял «твердое решение избавиться от всех ограничений, которыми связывали ему руки тогдашняя большевистская партия, ее руководящие кадры и политические традиции» [1].

Пока мы не располагаем никакими документами, подтверждающими или отрицающими достоверность споров в Политбюро о приговоре Рютину. Нет сведений и о том, что Сталин сталкивался в этот период с какой-либо умеренной группой в руководстве партии. Однако многие косвенные данные свидетельствуют, что в 1932—1933 гг., во-первых, сохранялся запрет на крайние меры против старой партийной гвардии, даже если она давно, как говорил Сталин, выпала из тележки власти. Во-вторых, существовала относительная самостоятельность суждений отдельных членов Политбюро. И, наконец, в-третьих, в верхах партии постепенно усиливались настроения в пользу смягчения политического режима, выведения общества из состояния периодических кризисов и острой конфронтации.

Начать можно с того, что приговоры в отношении осужденных партийных оппозиционеров высшего ранга

[1] *Коэн С.* Бухарин. М., 1988. С. 410—411.

были тогда, особенно по меркам конца 30-х годов, мягкими. Больше всех пострадал Рютин — десять лет тюремного заключения. Многие же отделались небольшими сроками или ссылкой, причем некоторые, например, Зиновьев, Каменев, Угланов, буквально через несколько месяцев получили свободу, заплатив за это традиционным покаянием и публичным признанием правильности сталинской политики. В январе 1933 г. Пленум ЦК ВКП(б) не только призвал к усилению бдительности перед лицом активизировавшихся классовых врагов, но и пошел на уступки умеренности: были снижены темпы наращивания индустриального производства, принято решение об увеличении вложений в легкую промышленность, а Сталин в своей речи на пленуме пообещал впредь не «подхлестывать» страну. Взаимодействие чрезвычайной практики и тенденций к смягчению политики наблюдалось на протяжении всего 1933 г. С одной стороны, при помощи администрирования и репрессий «наводился порядок» в сельском хозяйстве, промышленности, осуществлялась паспортизация населения, шла чистка в партии. С другой, были сделаны попытки ввести репрессии в некое контролируемое и предсказуемое русло, постепенно укреплялась тенденция к использованию не только административных, но и экономических рычагов регулирования хозяйственной жизни.

О настроениях, которые сталкивались в это время в высших эшелонах власти, в какой-то мере может свидетельствовать конфликт, разгоревшийся в Политбюро в августе 1933 г. В это время проходил и широко освещался в печати процесс над работниками ряда хозяйственных учреждений и харьковского завода «Коммунар» по делу о некомплектной отгрузке комбайнов. Суду был придан явно демонстративный характер. Руководителям предприятий и хозяйственных организаций на примере подсудимых пригрозили, напомнив об ответственности за срыв распоряжений руководства. «Каж-

дая директива правительства,— сказал в заключение своей двухчасовой речи на процессе государственный обвинитель, заместитель Генерального прокурора СССР А. Вышинский,— есть оперативный приказ, подлежащий безоговорочному исполнению сверху донизу. Только при таком исполнении, только такая дисциплина обеспечат Союзу ССР полную победу на фронте построения социалистического хозяйства и общества» [1]. Стремясь придать этому конкретному случаю как можно более широкий смысл, Вышинский заявил также: «Процесс дает нам основание для постановки общих вопросов работы советских хозяйственных организаций... Я говорю о Наркомземе Союза... я говорю о Наркомтяжпроме... я говорю о республиканских органах. Я очень сожалею, что обстоятельства ведения предварительного следствия не позволили нам посадить на скамью подсудимых основных руководителей Укрсельмаша... и заставили нас дело о них выделить, чтобы не задерживать всего процесса» [2].

Эти прямые угрозы в адрес хозяйственных органов возмутили их руководителей — наркома тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе и наркома земледелия Я. А. Яковлева. В отсутствие Сталина, отдыхавшего на юге, на заседании Политбюро они добились резолюции, осуждающей выступление Вышинского. Прокурору было указано на недопустимость заявлений, компрометирующих Наркомтяжпром и Наркомзем в целом. Буквально на следующий день, скорее всего из письма Молотова, об этих событиях на Политбюро узнал Сталин. Реакция его была крайне раздражительной. «Выходку Серго насчет Вышинского считаю хулиганством. Как ты мог ему уступить? Ясно, что Серго хотел своим протестом сорвать кампанию СНК и ЦК за комплектность. В чем дело? Подвел Каганович? Видимо, он под-

[1] Правда. 1933. 23 августа.
[2] Там же.

вел. И не только он» [1],— написал Сталин Молотову сразу же после получения информации об инциденте.

Прошло еще десять дней, и тема конфликта с Орджоникидзе возникла в переписке Сталина с Молотовым вновь. «Поведение Серго (и Яковлева) в истории о «комплектности продукции» нельзя назвать иначе, как антипартийным, так как оно имеет своей объективной целью защиту реакционных элементов партии *против* ЦК ВКП(б),— писал Сталин.— В самом деле: вся страна воет от некомплектности продукции; партия начала кампанию за комплектность, открытую печатную и карательную кампанию; вынесен уже приговор врагам партии, нагло и злобно нарушающим решения партии и правительства, а Серго (и Яковлев), который несет ответственность за эти нарушения, вместо того чтобы каяться в своих грехах, предпринимает удар против прокурора! Для чего? Конечно, не для того, чтобы обуздать реакционных нарушителей решений партии, а для того, чтобы поддержать их морально, оправдать их в глазах общественного мнения партии и опорочить таким образом развертывающуюся кампанию партии, т. е. опорочить практическую линию ЦК. Я написал Кагановичу, что против моего ожидания он оказался в этом деле в лагере реакционных элементов партии» [2].

Описанный конфликт во многих отношениях примечателен и позволяет сделать ряд наблюдений по поводу реального соотношения сил и механизма власти в начале второй пятилетки. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что Политбюро рассматривало достаточно принципиальный вопрос (а руководители партии не могли не понимать, что Вышинский согласовал свое выступление со Сталиным) без ведома вождя, а по инициативе одного из своих членов — Орджоникидзе и при этом приняло решение, заведомо противоречащее на-

[1] Коммунист. 1990. № 11. С. 105.
[2] Там же. С. 106.

строениям Сталина. Совершенно очевидно сквозь строки данного конфликта прочитывается наличие в Политбюро различных настроений. С одной стороны, Молотов, хотя и «уступивший», по словам Сталина, Орджоникидзе, но явно, судя по тону сталинского обращения, поддерживающий жесткую линию. С другой — Орджоникидзе. А посередине — Каганович, который «подвел», и «не только он». В общем, каждый из членов Политбюро может позволить себе пока выбирать определенную позицию: высказать несогласие, поддержать или промолчать.

Должен считаться с таким положением в Политбюро и сам Сталин. Несмотря на крайнюю раздраженность, он не требует прямо пересмотреть принятое решение (кстати, это так и не произошло), а добивается своего окольными путями, посылает письма и нацеливает на определенные действия своих самых решительных сторонников — Молотова и Кагановича. Причем и им он ничего не приказывает, а лишь демонстрирует озабоченность и скорбь, мягко пеняет на уступчивость соратников отказавшемуся «каяться в своих грехах» Орджоникидзе. Сталин — вождь, его уже называют хозяином сами члены Политбюро («От хозяина по-прежнему получаем регулярные и частые директивы»,— писал еще в 1932 г. Каганович в одном из писем, адресованных Орджоникидзе). Сталин недоволен и уже может позволить себе высказать это недовольство крайне резко (еще несколько лет назад вождь не смел столь раздражительно клеймить нужного ему Серго, даже если бывал недоволен им). Но все же Сталин еще не решается затевать прямой конфликт в Политбюро. Он знает, что может, а что пока делать рискованно. Его цель — освободиться от необходимости таких расчетов.

Но прежде чем это произойдет и Сталин окончательно утвердится в качестве абсолютного вождя-диктатора, ему придется еще несколько лет маневрировать. Одним

из самых серьезных маневров на этом пути была своеобразная «оттепель» 1934 г., отражавшая, в конечном счете, наличие в стране и партии сильных умеренных антирепрессивных настроений.

ОТ XVII СЪЕЗДА ВКП(б) ДО УБИЙСТВА КИРОВА

После XX съезда КПСС специально созданная комиссия изучала обстоятельства убийства Кирова. Материалы, полученные тогда, до сих пор не опубликованы. Однако некоторые члены комиссии рассказали о результатах расследования, и эти данные наряду с воспоминаниями старых большевиков — участников съезда попали в книги историков и мемуары [1].

Если отвлечься от многочисленных расхождений в этих свидетельствах, то в целом из них складывается следующая картина. Во время XVII съезда ВКП(б) ряд высокопоставленных партийных деятелей (фамилии называют самые разные — Косиора, Эйхе, Шеболдаева, Орджоникидзе, Петровского и т. д.) обсуждали планы замены Сталина на посту Генерального секретаря ЦК Кировым. Киров отказался, а об этих разговорах стало известно Сталину. При выборах ЦК на XVII съезде партии, по свидетельству некоторых членов счетной комиссии, против Сталина проголосовали многие делегаты (цифры опять же называют разные — от 270 до 300). Сталин, узнав об этом, приказал изъять бюллетени, в которых была вычеркнута его фамилия, и публично на съезде объявить, что против него подано всего три голоса.

---

[1] *Медведев Р. А.* О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 294—296; *Антонов-Овсеенко А. В.* Сталин и его время//Вопросы истории. 1989. № 4. С. 93—94; № 6. С. 101—102; Мемуары Н. С. Хрущева//Вопросы истории. 1990. № 3. С. 77—78.

Вряд ли следует доказывать, что все эти факты имеют принципиальное значение. Если они верны, то мы получаем, в частности, и достаточно серьезное дополнительное доказательство существования оппозиции сталинской политике в партии. Однако следует признать, что пока нет документов, при помощи которых можно было бы отвергнуть или окончательно подтвердить все эти сведения. И все же имеющиеся на сегодняшний день бесспорные данные позволяют утверждать, что на XVII съезде проявились и были закреплены умеренные настроения определенных кругов руководства партии. XVII съезд, несомненно, знаменовал новый этап в развитии «генеральной линии», означавший если не осуждение, то негласное преодоление сталинской политики «скачков», основанной на широком применении насилия и репрессий.

Для подтверждения этих положений обратимся сначала к самому простому и доступному источнику — стенограмме XVII съезда партии. При вдумчивом и внимательном ее прочтении невозможно не заметить, что от всякого рода собраний, проходивших на рубеже пятилеток, да и от XVI съезда партии, XVII съезд отличался прежде всего относительным миролюбием, сравнительной сдержанностью формулировок, меньшей ориентированностью на обострение классовой борьбы. Стыдливо, можно сказать, полунамеками, но все же были осуждены недавние эксцессы в деревне, приведшие к голоду во многих районах страны. «Надо прямо и совершенно определенно сказать, что репрессии были в эти прорывные годы решающим методом «руководства» многих партийных организаций Украины...— говорил об этом второй секретарь ЦК КП(б)У П. П. Постышев.— А ведь враг этим методом «руководства» пользовался, и очень широко пользовался, для того чтобы восстанавливать отдельные группы колхозников и единоличников против колхозного строительства, против партии и со-

ветской власти»[1]. Съезд окончательно закрепил и новую линию в экономической политике. Утвержденный на нем второй пятилетний план исходил из значительного сокращения темпов прироста промышленной продукции. Фактически состоялся отказ от авантюристических «больших скачков», была признана необходимость более сбалансированного развития экономики.

На съезде получили возможность выступить известные в стране лидеры прошлых оппозиций — Каменев, Зиновьев, Преображенский, Ломинадзе, Томский, Рыков. Обычно, обращая внимание на этот факт, многие авторы пишут лишь о том, что выступления политических противников Сталина демонстрировали победу вождя и утверждение его единоличного лидерства в партии. В значительной степени это — правда, однако не вся. Действительно, многие бывшие оппозиционеры на съезде в основном каялись, обильно пересыпая свои речи безвкусными здравицами в честь вождя. Но сам по себе факт их выхода на трибуну съезда демонстрировал также новую политику замирения в ВКП(б), которую Сталин назвал «необычной идейно-политической и организационной сплоченностью рядов нашей партии»[2]. Многие из лидеров инакомыслящих, еще в 1932—1933 гг. преследуемые в уголовном порядке, были окончательно реабилитированы, получили работу и, отойдя от политики, приобрели, казалось, достаточно прочное положение в обществе. В партии это воспринималось как многообещающее начало, открывающее дорогу постепенной реабилитации рядовых оппозиционеров, прекращению репрессий и чисток.

Скорее всего, всерьез поверили в прочность нового курса и сами бывшие оппозиционеры. Иначе трудно по-

---

[1] XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 67 (далее — XVII съезд ВКП(б)...).

[2] Там же. С. 259.

нять, почему некоторые из них позволили себе на XVII съезде проявить некоторую строптивость и самостоятельность. Ведь вопреки распространенному мнению об общей бесцветной покорности всех кающихся оппозиционеров внимательное прочтение стенограммы съезда убеждает, что фактически таковой не было. Не было ее, на что обратил внимание О. Р. Лацис [1], в выступлении Н. И. Бухарина, которое по существу противоречило внешнеполитическому разделу отчетного доклада Сталина. Сталин вновь много говорил о предательстве социал-демократов, угрозе СССР со стороны всего капиталистического мира и относительной слабости фашизма в Германии. А Бухарин страстно, с фактами в руках доказывал: Советскому Союзу нужно опасаться прежде всего Гитлера. Не было бездумной покорности и в выступлении известного теоретика троцкистской оппозиции Е. А. Преображенского. «Как я должен был бы поступить, если бы я вернулся в партию? — игриво, судя по стенограмме, зафиксировавшей «смех» в зале, говорил он.— Я должен был бы поступить, как поступали рабочие, когда еще был жив Ленин. Не все они разбирались в сложных теоретических вопросах и в теоретических спорах, где мы, «большие умники», выступали против Ленина. Бывало, видишь, что приятель голосует за Ленина в таком теоретическом вопросе, спрашиваешь: «Почему же ты голосуешь за Ленина?» Он отвечает: «Голосуй всегда с Ильичем, не ошибешься». (Смех)... Я, вернувшись в партию, должен был поступить именно так, как рядовой пролетарий мне тогда советовал. Если у тебя не поворачивается язык говорить все в деталях так, как говорит партия, ты все же должен идти с партией, должен говорить, как и все, не надо умничать, должен больше верить партии, поступать

[1] *Лацис О. Р.* Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М., 1990. С. 324—325.

так, как советовал тот рабочий. Ведь понимал же я, что партия в основном права»[1].

Эти слова Преображенского и реакция на них в зале очень любопытны. Совершенно очевидно, что Преображенский просто высмеивал насаждаемое в партии единомыслие по принципу личной преданности вождю. И это поняли делегаты, смеявшиеся там, где, казалось бы, нужно аплодировать. В самом деле, Преображенский откровенно формулирует «кредо» сталинской партии: главное — не умничать, а верить вождю, а в зале — «смех»! Помимо прочего свидетельствовал этот смех о том, что в руководстве ВКП(б) еще оставались люди, способные понять иронию Преображенского. Думаю, что, возникни подобная ситуация на следующем, XVIII съезде в 1939 г., делегаты приняли бы тезис о слепой преданности вождю аплодисментами и здравицами в честь Сталина. А пока, на XVII съезде, Сталину пришлось даже предпринимать некоторые усилия, чтобы преодолеть неловкость, возникшую в связи с откровениями Преображенского. Выступивший вскоре после него секретарь Уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков, скорее всего получив соответствующие инструкции, заявил: «...мне кажется, здесь в корне неправильно и неуместно было заявление Преображенского, когда он говорил о том, что ему надо было поступать так же, как поступил рабочий, который будто бы слепо голосовал за тезисы товарища Ленина. Неверно, что программа, выдвигаемая Лениным и Сталиным, когда-то принималась рабочими, голосующими за эти тезисы, слепо. Рабочие голосовали за тезисы Ленина — Сталина как раньше, так и теперь горячо и убежденно... Но когда выходит на трибуну человек, претендующий на определенный теоретический уровень, и говорит о том, что ему надо было бы тогда слепо голосовать за тезисы, то

[1] XVII съезд ВКП(б)... С. 239.

разрешите вам откровенно заявить, что здесь выражена целиком и полностью бесхребетность гнилого интеллигентика»[1].

В общем, подводя итоги этим крайне беглым и отрывочным наблюдениям, можно утверждать, что в работе XVII съезда партии проявились настроения умеренности, смены откровенно террористической политики предшествующих годов на более сбалансированный и предсказуемый курс. «...Основные трудности уже остались позади»[2] — такими словами завершил свое выступление на съезде С. М. Киров. Под ними, несомненно, могли подписаться и многие другие делегаты, сотни тысяч коммунистов, десятки миллионов граждан СССР. Люди надеялись на лучшие времена, стремились быстрее порвать с недавними преступлениями и ошибками. Одни связывали эти свои надежды со Сталиным, веря в его способность повернуть курс и не видя иных кандидатур па «пост» вождя. Другие считали, что Сталин должен уйти. И на XVII съезде партии вполне могла состояться попытка легальными методами убрать Сталина, забаллотировать его при выборах в ЦК. Кстати, проведенное повторное изучение документов XVII съезда выявило исчезновение 166 бюллетеней для голосования делегатов[3].

Вполне возможно, что именно в этих бюллетенях было вычеркнуто имя Сталина.

Но если факт существования антисталинских акций на XVII съезде еще предстоит доказывать, то о наличии заметных изменений в послесъездовской политической линии можно говорить с полной уверенностью. Определенное «потепление» в 1934 г. в той или иной мере затронуло все области социально-экономической жизни. Окончательно утвердился поворот к более сбалансиро-

[1] XVII съезд ВКП(б)... С. 245.
[2] Там же. С. 259.
[3] См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 114—121.

вапной экономической политике. Не только на словах, но и на деле были снижены вложения в капитальное строительство, прекратилось составление нереальных народнохозяйственных планов. Руководители хозяйственных наркоматов, и прежде всего Наркомтяжпрома, стали активнее применять экономические методы стимулирования роста производства.

Своеобразным символом, лабораторией этих поисков был тогда экономический эксперимент на Макеевском металлургическом заводе. Проводил его по личному поручению Орджоникидзе руководитель этого предприятия Г. В. Гвахария. Еще в 1928 г. он был исключен из партии и выслан в Казахстан за принадлежность к троцкистской оппозиции. В 1930 г. в ВКП(б) его восстановили, а в 1933 г. назначили директором завода. Под его руководством макеевцы после долгих опытов разработали свою систему так называемого агрегатно-бригадного хозрасчета. Ее смысл заключался в эффективном материальном стимулировании результатов труда. Макеевский завод добился значительных экономических показателей.

Эксперимент украинских металлургов был, пожалуй, широко известным, но не единственным примером действенности экономических методов управления, использования хотя бы элементов хозрасчета. Поэтому окончательно как «левацкие» были отброшены тогда идеи прямого продуктообмена. Зато много говорили о роли денег, хозрасчета, необходимости укрепления рубля. В ноябре 1934 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение принципиальной важности — отменить с 1935 г. карточки на хлеб. Обосновывая необходимость этой реформы, Сталин заявил на пленуме: «Денежное хозяйство — это один из тех немногих буржуазных аппаратов экономики, который мы, социалисты, должны использовать до дна... Деньги пойдут в ход, пойдет мода на деньги, чего не было у нас давно, и денежное хозяйство укрепится...

Некоторый более или менее устойчивый курс рубля должен быть, если хотите, чтобы наше планирование было не канцелярским, а реальным». За подобное прозрение вождя, еще в 1930 г. склонявшегося к идее бестоварности и продуктообмена, страна заплатила высокую цену: истощением народного хозяйства, непомерными индустриальными амбициями, миллионами голодных смертей, небывалым снижением уровня жизни населения. Но теперь, в конце 1934 г., казалось, все это позади. Впереди же — перспективы полновесного рубля, сбалансированного экономического развития, сытости. Вселяло надежды на лучшее и другое решение ноябрьского Пленума — о ликвидации политотделов МТС в сельском хозяйстве. Эти чрезвычайные органы управления, созданные в 1933 г., когда колхозы буквально разваливались под гнетом голода и тотальной продразверстки, были символом административно-репрессивной системы руководства. Железной рукой работники политотделов почти два года «наводили порядок» в деревне. И вот теперь их ликвидировали. Наступало время, которое некоторые исследователи назовут в будущем «колхозным неонэпом»,— период относительных послаблений крестьянству, прекращения откровенной конфронтации с ним.

В конечном счете в основе относительно умеренного курса, наметившегося в 1934 г., лежало признание значимости личного интереса, важности материальных стимулов к труду. Процветавшие в годы первой пятилетки проповедь аскетизма, призывы к жертвенности и подозрительное отношение к высоким заработкам явно сменялись идеологией «культурной и зажиточной жизни». Вместо мифических городов-садов, обещанных в начале первой пятилетки, советским людям предлагали теперь в качестве перспективы вполне осязаемый набор потребительских благ: комнату, необходимые мебельные принадлежности, одежду, сносное питание, возможность более разнообразного проведения досуга. Стремление к

достижению этого потребительского стандарта все более активно использовали как способ мотивации трудовой деятельности.

«Красная Россия становится розовой» — под таким заголовком поместила 18 ноября 1934 г. сообщение своего московского корреспондента американская газета «Балтимор сан». (Эта статья была замечена в Москве и включена в сводку выдержек зарубежной печати, которые регулярно готовили тогда для высших руководителей страны.) Среди фактов, призванных доказать это порозовение, автор называл не только перемены в управлении колхозами и промышленными предприятиями, но и распространение сдельной оплаты труда, отмену партмаксимума, увеличение ассортимента потребительских товаров, в том числе чулок из искусственного шелка, которые до недавнего времени числили в «идеологически невыдержанных», распространение тенниса, ранее порицаемого как «буржуазный спорт», джаза и фокстрота. Все эти на первый взгляд малосущественные штрихи повседневности, отмеченные иностранцем главным образом в Москве, действительно воспринимались тогда как знак перемен не только за границей, но и внутри страны. Причем многие из таких нововведений становились предметом споров между ортодоксальными приверженцами «героического периода первой пятилетки» и большинством, склонным к «культурной и зажиточной жизни». Чего стоили, например, дебаты вокруг танцев и джаза!

Долгое время эта, как и другие, сфера досуговой культуры находилась под жестким идеологическим контролем. Стремясь подчинить все силы общества единой цели — строительству политически монолитного индустриального гиганта, вожди страны и их идеологи не допускали и мысли о возможности существования хотя бы островков неполитизированной повседневности. Культура и досуг подлежали такому же огосударствле-

нию и коллективизации, как экономика. Всякие попытки сохранить «хутора» личных неидеологизированных культурных запросов воспринимались как вражеское воздействие. Это касалось всего. Даже танцев. Идеологи новой культуры призывали создать свой, советский танец, «в котором ощущалась бы могучая индустрия, темпы наших дней, лозунги, мысли, чувства наших дней» [1]. Зарубежные заимствования, например фокстрот, клеймились как «танцы деградирующей буржуазии», «кровные братья кокаина и рулетки» [2].

Ничего хорошего из этих проектов, конечно, не получилось. А советские люди, и особенно молодежь, устав от мелочной регламентации и заорганизованности, все настойчивее тянулись к «запретному плоду». Власти пошли на уступки. Выдвижение в качестве перспективы социалистического строительства достижения «культурной и зажиточной жизни» сопровождалось некоторыми послаблениями в одной из самых ортодоксально неприступных крепостей — культурно-идеологической. «Еще недавно музыкальный критик, увидев во сне саксофон или Утесова, просыпался в холодном поту и бежал в «Советское искусство» признавать свои ошибки... А сейчас? Сейчас от «моей Маши» нет житья. Куда ни пойдешь, она всюду сидит у самовара... Джаз Утесова, джаз Ренского, джаз Скоморовского, джаз Березовского, английский джаз, чехословацкий джаз, женский джаз, джаз лилипутов» — этот пассаж из «Комсомольской правды» от 27 октября 1934 г. дает некоторое представление о завоеваниях «чуждой культуры» в период «потепления» 1934 г.

Как обычно после долгого подавления «запретный плод» «поедали» судорожно-торопливо, без приборов, а нередко причавкивая. В ряде мест под танцы стали занимать читальные и лекционные залы, конкурсами ис-

[1] Советское искусство. 1926. № 10. С. 22.
[2] Там же.

полнителей румбы, фокстрота и чарльстона были переполнены программы клубов, парков и профсоюзных садов. Многих здравомыслящих людей эти «суррогаты культуры» пугали не меньше, чем бездумно идеологизированные образцы официально предписанного досуга. Однако немало было и тех, кто критиковал новые формы времяпровождения, так сказать, с левых позиций. «Это не просто случайное явление,— писал один из них в «Комсомольскую правду»,— а плановый очередной трюк классового врага в нашей стране, это тормоз ликвидации пережитков капитализма в сознании людей... Джаз кинотеатра «Центральный» 75 процентов номеров исполняет фокстроты» [1]. Но времена несколько изменились, и корреспондент газеты авторитетно разъяснил поборнику идеологической чистоты, что пора отбросить «пошлость нарочитого аскетизма, еще так недавно считавшуюся хорошим советским тоном».

Постепенное улучшение условий жизни, попытки скорректировать экономический курс, тверже опереться на материальные стимулы, разбудить инициативу не могли не сопровождаться некоторым смягчением репрессивной политики. «...Должен отметить еще одну черту, которая бросается в глаза: исчезновение страха,— рассказывал тогда, после пятинедельного пребывания в СССР, сотрудник нью-йоркской газеты «Форвертс» М. Хиной.— Прежнего кошмарного страха нет ни перед ГПУ, ни тем меньше перед милицией. Это исчезновение страха наблюдается прежде всего среди интеллигенции и прежних нэпманов и кустарей. Не видно его и среди широкой массы обывателей. Исключение в этом отношении составляют коммунисты, еще не прошедшие чистки. Но после чистки и коммунисты становятся откровеннее. Бросается в глаза изменение отношения к интеллигенции как к социальному слою. За ней уха-

[1] Комсомольская правда. 1934. 30 мая.

живают, ее обхаживают, ее подкупают. Она нужна»[1].

Насколько был точен в своих наблюдениях иностранный гость? Конечно, говорить о некоем расцвете демократии и законности в 1934 г. не приходится. Как и прежде, правда, в меньших масштабах, чем в предшествующие годы, производились аресты по политическим мотивам. Принимались новые жесткие законы, как, например, постановление ЦИК СССР от 8 июня 1934 г., предусматривающее, в частности, что в случае побега или перелета за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, совместно с ним проживающие или находящиеся на иждивении к моменту совершения преступления, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные места Сибири сроком на пять лет. И все же политическая обстановка в стране, особенно по сравнению с предшествующими годами, была относительно спокойной.

Впервые за долгое время общество не лихорадили широковещательные политические суды над «вредителями» и «шпионами», слабели репрессии в постепенно оправлявшейся от голода деревне, власти в ряде случаев пресекали гонения на интеллигенцию, брали под защиту хозяйственных руководителей. Так, 2 июня 1934 г. Прокуратура СССР издала распоряжение, призванное пресечь нарушения законности в отношении специалистов и хозяйственников. Привлечение их к уголовной ответственности по делам, связанным с производственной деятельностью, регулировалось отныне четкими, существенно ограничивающими возможность произвола правилами. Возбуждение подобных дел могло происходить «исключительно и только с разрешения краевого (областного) прокурора или республиканского прокурора в республиках, где нет областного деления» и при обязательном согласовании с соответствующими хозяй-

[1] Социалистический вестник. 1934. № 19. С. 14.

ственными организациями. Разбирательство по этим делам разрешалось вести исключительно следователям, что должно было обеспечить основательность расследования и его законный ход. Для укрепления авторитета инженерно-технических работников, пресечения «недопустимого и безосновательного дергания» специалистов в распоряжение прокуратуры был вписан такой пункт: «Разрешить органам расследования вызов хозяйственников и ИТР для допроса только с санкции соответствующего прокурора и с таким расчетом, чтобы эти вызовы не были связаны с отрывом от производства. За ненужный вызов хозяйственников или специалистов несет ответственность лично прокурор» [1].

Подобные циркуляры, несомненно, смягчали обстановку на местах, усиливали позиции сторонников умеренного курса. Как новый знак перемен, свидетельство намерений руководства отказаться от прежней политики репрессий было воспринято и в стране, и зарубежными наблюдателями постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел.

В 20-е годы в СССР наряду с Объединенным государственным управлением (печально известным ОГПУ) существовали республиканские наркоматы внутренних дел. Время от времени между этими двумя ведомствами возникали трения, тем более, что их функции, особенно в отношении руководства местами лишения свободы, до определенной степени пересекались. В 1930 г. по требованию Сталина, недовольного претензиями НКВД, особенно наркома внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачева, эта структура была упразднена. Часть функций бывших НКВД передали советским органам, а ОГПУ осталось безраздельным хозяином на поприще карательной политики. В течение нескольких лет активной

---

[1] Советская юстиция. 1934. № 19. С. 21.

«борьбы с врагами» Государственное политическое управление превратилось в глазах народа в одиозный символ насилия и произвола. Поэтому в ходе преобразований 1934 г. было решено реформировать и карательные органы.

В соответствии с постановлением ЦИК СССР от 10 июля ОГПУ вошло как одно из подразделений во вновь созданный Наркомат внутренних дел СССР, чисто внешне как бы растворилось среди других многочисленных и менее одиозных управлений: рабоче-крестьянской милиции, пограничной и внутренней охраны, пожарной охраны, отдела актов гражданского состояния, административно-хозяйственного. Одновременно вновь созданный НКВД лишался судебных функций; дела по расследуемым наркоматом и его местными органами преступлениям по окончании следствия было предписано «направлять в судебные органы по подсудности в установленном законом порядке». Упразднялась судебная коллегия ОГПУ, а полномочия созданного при наркоме внутренних дел аналогичного органа — Особого совещания — были несколько сокращены.

Все эти перемены преподносились пропагандой, да и воспринимались народом, как знак определенной демократизации, гарантии укрепления роли закона. «Правительство Союза,— комментировала решение от 10 июля редактируемая Н. И. Бухариным газета «Известия»,— постановило организовать Наркомвнудел СССР, влив в него ОГПУ и изъяв судебные дела. Это значит, что враги внутри страны в основном разгромлены и разбиты; это значит, что борьба, которая еще отнюдь не кончена, будет продолжаться, но в значительной мере уже другими методами; это значит, что в огромной степени возрастает роль революционной законности, точных, фиксированных законом правил; это значит, что возрастает роль судебных учреждений, которые разбирают дела согласно определенным нормам

судопроизводства... Теперь враги разбиты, поражены, обезглавлены, рассеяны в решающих пунктах борьбы, а пролетарская диктатура меняет характер своих методов борьбы, переходя в значительной мере к методам судопроизводства и в гораздо большей степени опираясь на точные формулы революционного закона»[1].

Действительно, решения о реформах в карательных органах, как и другие преобразования 1934 г., могли стать началом упрочения законности. Но могли и не стать. Последнее слово в этом вопросе было за высшим руководством страны, и прежде всего за Сталиным. А его, как показали последующие события, вовсе не устраивало смягчение политического курса, умиротворение партии и страны в целом. Сталин ждал (а может быть, и готовил) лишь повод для резкой смены курса, завершения последнего этапа своей, сталинской, революции сверху.

...1 декабря 1934 г. в Ленинграде для обсуждения решений ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) намечалось провести собрание партийного актива. Докладчик — первый секретарь обкома С. М. Киров спешно (пленум завершился лишь 28 ноября) готовил свое выступление. «Промышленность неплохая. Сельское хозяйство. Сомкнуть их товарооборотом. Прямой продуктообмен — рано. Товарооборот не использован, а между тем... без товарооборота... Укрепление хозрасчета... Роль денег... Новый стимул вперед»[2],— набрасывал он конспект предполагаемого доклада. Однако незадолго до начала актива в Смольном некто Л. Николаев застрелил Кирова. И этот выстрел положил конец «потеплению» 1934 г.

---

[1] Известия. 1934. 11 июля.
[2] ЦПА. Ф. 80. Оп. 18. Д. 171. Л. 5, 7.

ПОСЛЕ ВЫСТРЕЛА В СМОЛЬНОМ

Уже много лет по поводу причастности Сталина к убийству Кирова ведутся споры. И до сих пор сторонники двух крайних точек зрения — и те, кто убежден, что именно Сталин был организатором этого преступления, и те, кто отрицает это,— не располагают фактами, при помощи которых можно было бы окончательно прояснить вопрос. Скорее всего таких фактов и не существует. Ведь политические убийства готовятся в строжайшей тайне и приказы о них не оформляются на бланке с печатью. Но одно можно утверждать твердо: Сталин в полной мере использовал выстрел в Смольном для собственных политических целей. После 1 декабря 1934 г. он сделал решительный шаг на пути завершения революции сверху и утверждения своего единовластия.

Всего через несколько часов после смерти Кирова Сталин собственноручно подготовил постановление ЦИК СССР, получившее название «закона от 1 декабря». Этот чрезвычайный акт, введенный в действие фактически единовластным решением Сталина, так и не утвержденный даже формально сессией ЦИК СССР, предписывал заканчивать следствие по делам о террористических организациях и террористических актах в десятидневный срок, рассматривать их в суде без участия обвинения и защиты, не допускать кассационного обжалования и ходатайств о помиловании, а приговоры о расстреле приводить в исполнение немедленно после их оглашения.

Создав таким образом «правовой механизм» для скорой расправы с неугодными, Сталин сделал следующий шаг — обвинил в убийстве Кирова своих бывших политических противников — зиновьевцев. «Сталин,— свидетельствовал позже Ежов,— как сейчас помню, вызвал меня и Косарева и говорит: «Ищите убийц сре-

ди зиновьевцев»[1]. Эта версия была столь невероятной и не подтверждаемой никакими фактами, что ее разработка столкнулась с противодействием даже в НКВД. «Я должен сказать, что в это не верили чекисты и на всякий случай страховали себя еще кое-где и по другой линии, по линии иностранной, возможно, там что-нибудь выскочит»[2],— рассказывал позже тот же Ежов. Однако Сталин настаивал на своем. Подчинив ведение следствия контролю работников ЦК, он, по словам Ежова, позвонил Ягоде и пригрозил: «Смотрите, морду набьем»[3]. В НКВД вынуждены были подчиниться и, отбросив все остальные версии, принять на вооружение сталинскую: Кирова убили зиновьевцы.

Уже через несколько дней после убийства Кирова начались аресты бывших сторонников зиновьевской оппозиции. 16 декабря были арестованы Каменев и Зиновьев. 28—29 декабря в Ленинграде выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР приговорила к расстрелу 14 человек, обвиненных в непосредственной организации убийства Кирова. В приговоре утверждалось, что все они, включая убийцу Николаева, были «активными участниками зиновьевской антисоветской группы в Ленинграде» и спустя несколько лет, потеряв надежду на поддержку масс, организовали «подпольную террористическую контрреволюционную группу», во главе которой стоял так называемый «Ленинградский центр». 9 января 1935 г. в Особом совещании при НКВД СССР рассматривалось уголовное дело мифической «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других». По нему проходили 77 человек, в том числе видные деятели партии. Все они были осуждены на разные сро-

---

[1] Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 69.
[2] Там же.
[3] Там же.

ки тюрьмы и ссылки [1]. А еще через неделю — 16 января — от 5 до 10 лет заключения получили 19 человек, проходивших по делу так называемого «Московского центра» во главе с Зиновьевым и Каменевым. Все эти процессы были грубо сфабрикованы. Никаких доказательств причастности бывших оппозиционеров к убийце Кирова Николаеву не существовало. Сталин жестоко и цинично расправился со старыми политическими соперниками. Но аресты верхушки сторонников Зиновьева стали лишь первым мероприятием новой кампании политического террора.

Сразу же после осуждения Зиновьева и Каменева при личном участии Сталина было подготовлено и разослано на места закрытое письмо ЦК ВКП(б) «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова». В нем категорически утверждалось, что террористический акт против Кирова был подготовлен ленинградской группой зиновьевцев, именовавшей себя «Ленинградским центром». Их идейным вдохновителем объявлялся «Московский центр» зиновьевцев, во главе которого стояли якобы Каменев и Зиновьев. Оба этих «центра» были объявлены в письме «по сути дела замаскированной формой белогвардейской организации, вполне заслуживающей того, чтобы с ее членами обращались, как с белогвардейцами» [2]. Разъяснять же в 30-е годы, как обычно поступали с белогвардейцами, никому не требовалось.

Обрушив основной удар против зиновьевцев, Сталин тем не менее напомнил в письме, что в истории партии существовали и другие «антипартийные группировки»: троцкисты, «демократические централисты», «рабочая оппозиция», правые уклонисты, праволевацкие уроды [3]. Так были названы адреса, по которым пред-

[1] См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 39.
[2] Там же. 1989. № 8. С. 99.
[3] См.: там же. С. 100.

стояло разыскивать врагов и вредителей в будущем. Местные органы должны были поставить под подозрение всех коммунистов, кто когда-либо выступал против сталинского руководства, проявлял малейшее инакомыслие.

Все эти установки не остались лишь призывами, а активно претворялись в жизнь. Уже 26 января 1935 г. Сталин подписал постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о высылке из Ленинграда на север Сибири и в Якутию сроком на 3—4 года 663 бывших сторонников Зиновьева. Еще одна группа «оппозиционеров» переводилась из Ленинграда на работу в другие районы[1]. Аналогичная операция готовилась повсеместно. Так, 17 января 1935 г. Политбюро ЦК Компартии Украины поручило секретариату разработать вопрос о переброске бывших активных троцкистов и зиновьевцев из крупных промышленных центров — Донбасса, Харькова, Днепропетровска, Киева, Одессы. Помимо этого местным партийным организациям было дано задание изучить материалы дел исключенных из партии во время чисток, составить списки изгнанных из ВКП(б) в 1926—1928 гг. за принадлежность «к троцкистскому и троцкистско-зиновьевскому блоку». Выполняя это решение, бюро Одесского обкома, например, 3 февраля 1935 г. постановило мобилизовать дополнительно для работы над партийными архивами за 1933—1934 гг. не менее десяти «политически проверенных работников». Списки на подозрительных одесские руководители решили составлять из нескольких граф. В одной, на основании архивных «изысканий», фиксировать бывшие прегрешения. В другой — и здесь уже не обойтись без помощи НКВД — записывать, «где находится сейчас, чем занимается и как ведет себя». В третьей, заключительной, выносить приговор: высылать, «изолиро-

[1] См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 85.

вать» (изящно-бюрократическое обозначение ареста) или применять другие санкции. Аналогичная «подготовительная работа» проводилась повсеместно. И чем тщательней она была, тем меньше шансов затеряться, спастись от преследований оставалось у каждого, кто хоть однажды «запятнал» себя малейшим несогласием с «генеральной линией».

Как и следовало ожидать, удар, направленный первоначально против бывших сторонников Зиновьева и Каменева, обрушился вскоре и на представителей других оппозиционных в прошлом групп. Так, в марте—апреле 1935 г. в Москве Особым совещанием при НКВД СССР ряд известных деятелей партии (А. Г. Шляпников, С. П. Медведев, С. И. Масленников и др.) были осуждены по сфальсифицированному делу так называемой московской контрреволюционной организации — группы «рабочей оппозиции». Фактически они пострадали за то, что в 1921 г. во время дискуссии по материалам X съезда партии поддерживали платформу «рабочей оппозиции».

Волна террора, организованного сразу же после убийства Кирова, захватила не только членов партии. Из Ленинграда и Москвы выселяли так называемый социально чуждый элемент — уцелевших представителей дворянства, буржуазии и т. д. Повсеместно раскрывались всевозможные «контрреволюционные» и «террористические» заговоры. По подсчетам В. Маслова и Н. Чистякова, в декабре 1934 г. только по закону от 1 декабря был репрессирован 6501 человек [1].

Усиление репрессий сопровождалось мощной пропагандистской кампанией. От советских людей требовали бдительности, непримиримости к многочисленным врагам. Одной из целей этой кампании была окончательная дискредитация оппозиций и уклонов, сущест-

[1] См.: Коммунист. 1990. № 10. С. 105.

вовавших в разное время в партии. Из сознания людей, которые привыкли считать, что, несмотря на ошибки и прегрешения, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков и даже сосланный за границу Троцкий сыграли немалую роль в осуществлении революции, были близкими соратниками Ленина, постепенно, но все более настойчиво выбивали эти мысли. Им внушали, что все оппозиционеры изначально — враги партии, что ни о каких их заслугах не может быть и речи, что в истории революции и социалистического строительства всегда было лишь два вождя — Ленин и его верный ученик и преемник Сталин. Пропаганда этих идей рассматривалась как одна из основных задач. В закрытом письме ЦК ВКП(б) от 18 января 1935 г. говорилось: «Нельзя забывать, что знание и понимание истории нашей партии является важнейшим средством, необходимым для того, чтобы обеспечить полностью революционную бдительность членов партии» [1].

Для воспитания этой «бдительности», ненависти к инакомыслящим, абсолютной преданности вождю и «генеральной линии» в срочном порядке была организована проработка переписанной по-сталински истории партии. Ее втолковывали в кружках, на многочисленных лекциях и докладах, политзанятиях. Из библиотек изымались книги «врагов» и просто литература, которая хоть как-то расходилась с новыми версиями исторических событий. Вычищались музейные экспозиции.

Все это накладывало значительный отпечаток на общественное сознание. Убийство Кирова и сопровождавшие его политические «заморозки» остались в памяти довоенного поколения как один из поворотных пунктов в истории страны. Люди испытывали тогда разные чувства. К скорби и одновременно ненависти по отношению к врагам призывал траур, объявленный в стра-

[1] Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 100.

не, многочисленные траурные заседания и митинги, демонстрации. В глубине души люди прятали испуг, ощущение приближавшейся опасности, непонимание. Однако из общего молчания пробивались голоса тех, кто пытался объективно оценить обстановку, порой демонстрируя удивительную проницательность.

Прежде всего далеко не все оценивали обрушившийся на общество террор как адекватную реакцию на убийство Кирова, выражали недовольство излишней кровожадностью властей. Инженера станции Волховстрой Кировской железной дороги В. В. Полестинова арестовали за заявление: «Сколько за него (Кирова.— *О. Х.*) людей убивали... убивают пачками». Кандидат в члены ВКП(б) И. И. Осокин был исключен тогда Чусовским райкомом Свердловской области из партии за такие высказывания:«Нужно было не применять этого террора, а проверить их (имеются в виду осужденные зиновьевцы.— *О. Х.*) на практической работе, на низовой. А потом ведь эта группа — меньшинство, и она не могла ничего сделать» [1]. Еще более определенно и жестко высказывался техник акмолинской дистанции пути Омской железной дороги комсомолец Трофименко: «Сколько перестреляли народу, что сам Киров этого не стоит».

Неоднозначным было отношение к смерти Кирова и вообще к покушениям на вождей. При несомненном преобладании настроений жалости и скорби в обществе, где шла настоящая война государства против своих граждан, а поэтому было немало обиженных и обездоленных, проявлялись и прямо противоположные чувства. «Мало убили одного, нужно было больше», «Убили Кирова, нужно убить и Сталина», «Кирова убили — это ладно, но если бы убили Сталина, я, так и быть, пожертвовал бы один день и отработал на это дело» — такие

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3966. Л. 93.

высказывания рабочих-железнодорожников, зафиксированные в отчетах начала 1935 г., были в определенной мере типичными. В небольших количествах, как свидетельствуют документы, они существовали почти повсюду. Так, рабочие затона «Октябрьская революция» в Уфе: кандидат в члены ВКП(б) с 1932 г. токарь А. А. Есин, бывший красный партизан токарь Е. М. Белянкин, член ВКП(б) с 1925 г. слесарь П. А. Цинарев были осуждены к большим срокам заключения за то, что во время траурного митинга 3 декабря 1934 г. открыто заявляли: «Одну собаку Кирова убили, осталась одна собака Сталин» и т. д. В это же время в Казахстане были осуждены работники Гурьевского порта Г. Ф. Чуреев, М. Н. Коннов, А. П. Толстов. Они говорили рабочим: «Хорошо было бы, если бы убили и Сталина» [1]. Подобные примеры можно продолжать.

Выявившийся в связи с убийством Кирова всплеск антисталинских настроений проявлялся не только в пожеланиях сократить век вождя. Вновь, как обычно в критические моменты, усилилось осуждение сталинской политики, противопоставление Сталина и Ленина. Ряд коммунистов и беспартийных пострадали тогда за открытые высказывания типа: «Если был бы Ленин, было бы лучше». По стране ходил и был зафиксирован во многих оперативных сводках такой анекдот: «Почему Ленин ходил в ботинках, а Сталин ходит в сапогах? Ленин вел дело с обходом трудностей и болота, а Сталин ходит в сапогах и народ ведет прямо — без всяких обходов».

В очередной раз коммунисты стали вспоминать ленинское «Письмо к съезду» и предложения о смещении Сталина с поста генсека. Так, на кустовом партсобрании станции Коченево Новосибирского отделения Томской железной дороги член бюро райкома ВКП(б) Ба-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 120. Д. 171. Л. 40.

тов, делавший доклад о контрреволюционной деятельности зиновьевцев, заявил: «Борьба между Зиновьевым, Каменевым и другими с партийным руководством возникла после смерти Владимира Ильича Ленина, оставившего свое завещание, в котором он дает отрицательную характеристику тов. Сталину». Между прочим, заявление Батова участники собрания приняли как должное, как общеизвестную констатацию. И лишь на следующий день кто-то решил перестраховаться, и Батова за упоминание ленинского завещания срочно исключили из партии.

Несмотря на энергичные усилия пропаганды опорочить опальных вождей, представить их второстепенными фигурами в революции и возвеличить Сталина, люди в ряде случаев передавали друг другу свое понимание истории партии, тем более что многие еще помнили иное отношение к ныне проклинаемым лидерам бывших оппозиций. На Московско-Донецкой железной дороге комсомолец С. Барботин убеждал своих коллег: «Тов. Троцкий — заслуженный деятель революции и он авторитетен так же, как и Ленин. Сталин был малоизвестным человеком, не являлся авторитетом для партии». А механик парохода «Мудьюг» Северного морского флота Политер рассказывал рабочим в столовой: «Мы в бытность в отряде латышских стрелков по охране Кремля знали как авторитет тт. Ленина, Зиновьева, Бухарина, а о Сталине мы и понятия не имели» [1].

Далеко не все в стране поверили, что Кирова убили террористы-зиновьевцы. Несмотря на веские официальные разъяснения, многочисленные суды, на которых обвиняемые сознавались в «преступлениях», проработки письма ЦК и митинги, в обществе циркулировали самые разные слухи и суждения. По секрету передавали друг другу, например, такую новость: Киро-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 120. Д. 174. Л. 110.

ва-де убил ревнивый муж, у которого ленинградский секретарь увел жену.

Но было немало и куда более проницательных и справедливых суждений. Многие не поверили в виновность зиновьевцев, считали, что Сталин воспользовался убийством Кирова, чтобы свести счеты с бывшими оппонентами, отвлечь внимание от многочисленных проблем. «Троцкий и Зиновьев стали теперь ватой, которой прикрывают всякие болячки» — за такие слова был исключен из комсомола работник паровозного депо Москва-1 Лонкин.

Встречались тогда и прямые утверждения о причастности Сталина к убийству Кирова. Так, бывший член партии рабочий завода «Вано Стуруа» Каспийского пароходства Трущенко доказывал товарищам по работе: «Убить Кирова поручил Сталин, так как у них были политические разногласия, и Сталин решил его изъять». Трущенко был немедленно арестован. А в партийной организации запорожской городской электростанции во время обсуждения закрытого письма ЦК член партии с 1925 г. Г. И. Покора говорил примерно то же, что и Трущенко, обвиняя ЦК ВКП(б) в «злодейском убийстве товарища Кирова по политическим мотивам».

Преувеличивать степень распространенности подобных высказываний, осведомленности населения страны в истинном положении вещей, конечно, не приходится. Подавляющее большинство советских людей не очень разбирались в происходивших событиях и скорее интуитивно ощущали, что близки новые потрясения и невзгоды. «Сколько теперь прольется крови»,— вырвалось в те дни у члена ВКП(б), работника вагонного депо Москва-Павелецкая Ленского. Слова эти стоили ему партийного билета. «Мягкотелость» и боязнь крови были не в моде. Сталину в преддверии новых «боев» требовались твердые и неколеблющиеся сторонники.

ШАГ ВПЕРЕД, ПОЛШАГА НАЗАД

Новые испытания, постигшие советское общество после убийства Кирова, навсегда остались в памяти довоенного поколения как точка отсчета массового террора начала 1937 г. И все же размах, свойственный 1937—1938 гг., репрессии приобрели не сразу. Сталин и его помощники втягивали страну в «большую чистку» постепенно, используя для этого любые возможности и ломая возникавшее противодействие.

Не успели отгреметь процессы над «террористами», как началась кампания проверки партийных документов. Инициатором ее проведения вновь был Сталин. В мае 1935 г. под его диктовку подготовили и разослали на места письмо ЦК ВКП(б) о беспорядках в учете, выдаче и хранении партийных документов. В письме выдвигалось требование навести порядок в партийном хозяйстве и исключить возможность проникновения в партию чуждых элементов [1]. Формально намеченное мероприятие предполагало проверку наличия и подлинности партийных билетов и учетных карточек. Однако фактически под нажимом руководства партии проверка превратилась в чистку с массовым применением арестов.

Для достижения этих целей проведение проверки было поручено не только партийным органам, но и НКВД. О характере их взаимодействия свидетельствовали докладные, которые начальники местных управлений НКВД посылали в Москву руководившему чисткой Ежову. «В соответствии с директивами НКВД СССР,— докладывали белорусские чекисты,— были даны специальные указания местным органам НКВД о

[1] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971. Т. 4. Кн. 2. С. 284.

пересмотре имеющихся материалов в отношении членов партии, проходивших по разным делам, по заявлениям рабочих, колхозников и по групповым агентурным делам... Все эти данные было предложено передать соответствующим партийным организациям и во всех случаях, когда будут разоблачены явные враги и подозрительные, немедленно арестовывать их и следствием устанавливать пути и каналы прихода этих людей в партию и практическое использование ими своего пребывания в партии в контрреволюционных и шпионских целях» [1]. Помимо сбора компрометирующих материалов на коммунистов (а только НКВД Украины всего за несколько месяцев — к декабрю 1935 г. предоставил партийным органам такие досье на 17 368 человек) чекисты брали на учет всех исключенных из партии и организовывали за ними агентурное наблюдение. Многие из потерявших в ходе чистки партийный билет под разными предлогами были арестованы. По неполным данным, только на 1 декабря 1935 г. в связи с проверкой партдокументов были арестованы 15 218 человек и «разоблачено свыше 100 вражеских организаций и групп». Всего за время кампании проверки документов было отобрано 249 тыс. партийных билетов [2].

Еще одна волна репрессий прокатилась по стране в связи с организацией стахановского движения. Это соревнование за повышение производительности труда, начавшееся в сентябре 1935 г. с рекорда донецкого шахтера А. Стаханова, позволило во многих случаях улучшить положение дел на производстве. Однако в ходе движения возникло и немало проблем, усугубленных безграмотной политикой правительства. Руководство страны ошибочно решило, что новое движение свидетельствует о возможности очередного «большого скач-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 120. Д. 181. Л. 44.

[2] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 2. С. 285.

ка» — резкого одновременного повышения производительности труда. На предприятиях начали проводить «сплошную стахановизацию», требовать, чтобы достижения отдельных рабочих-маяков превращались в норму для целых коллективов. Сделать же это было невозможно, ибо стахановцам для рекордов готовили особые условия. Подхлестывание «сплошной стахановизации» породило массовую штурмовщину и дезорганизацию.

«Козлами отпущения» за этот провал Сталин сделал так называемых «саботажников» и «консерваторов» из хозяйственных руководителей, которые якобы не перестроились и мешали работать стахановцам. Он объявил также, что дальнейшее развитие движения зависит от решительности борьбы с врагами. Их искали повсюду: и среди рабочих и, особенно, среди инженерно-технических работников. Поводом для преследования могло стать неосторожное слово в адрес стахановцев, производственные неполадки, невыполнение плана. Технические, организационные проблемы оценивались как политические. «Товарищ Сталин,— разъяснял журнал Наркомата юстиции «Советская юстиция»,— говорил, что стахановское движение является в основе своей глубоко революционным, а поэтому Прокуратура Республики считает, что сознательный срыв стахановского движения является действием контрреволюционным» [1].

Какими-либо обобщающими данными о количестве осужденных за «саботаж стахановского движения» мы не располагаем. Но, судя по отдельным фактам, счет шел на десятки тысяч. Так, только в Свердловской области к концу ноября, то есть всего за два месяца, по «стахановским» делам было осуждено 47 человек [2].

Вместе с тем и в 1935-м и в первой половине 1936 г. наряду с усилением террора наблюдалась другая тен-

[1] Советская юстиция. 1936. № 1. С. 3.
[2] Там же. № 4. С. 3.

денция — попытки притормозить его, сгладить особенно болезненные последствия произвола.

Сколько-нибудь заметное существование этой тенденции было возможно прежде всего потому, что к развертыванию массовых репрессий в варианте 1937 г. пока не был готов сам Сталин. Об этом свидетельствовали и его публичные выступления, в которых он давал повод надеяться на смягчение репрессивной политики, и постепенные, осторожные практические действия. Скорее всего Сталина сдерживало опасение подорвать сравнительно успешное развитие народного хозяйства страны на основе принятого в годы второй пятилетки умеренного экономического курса. Могли играть свою роль и внешнеполитические расчеты на сотрудничество с западными демократиями. Несомненно, Сталин сталкивался с противодействием репрессивной политике в части партийного и государственного аппарата.

Совершенно определенно пытались предотвратить репрессии Орджоникидзе и его сотрудники в Наркомате тяжелой промышленности СССР. Более подробно об этом будет рассказано ниже. Пока же отметим, что Орджоникидзе — член Политбюро и один из самых популярных в стране и партии вождей — мог стать серьезным препятствием на пути сталинских планов.

При всей скудости имеющихся источников можно обнаружить факты недовольства усилением репрессий и со стороны части партийных руководителей. В 1935—1936 гг. партийные органы на местах нередко принимали решения, осуждающие репрессии. (В 1937 г. таких решений практически не было.) Так, 2 июня 1935 г. бюро Азово-Черноморского крайкома рассмотрело вопрос о Богаевском районе. В одобренной резолюции говорилось: «Признать, что установленные уполномоченным КПК факты об огульных и массовых репрессиях, примененных в течение последних трех

месяцев к четверти всего состава районной организации, означают подмену партийной линии, направленной на сплочение актива, выращивание и воспитание людей, чуждым партии администрированием»[1]. 27 августа 1935 г. факты массовой чистки учительских кадров в Псковском округе обсуждались на секретариате Ленинградского обкома ВКП(б). В принятом решении категорически запрещалось проведение массовых чисток педагогического персонала, а их организаторам пригрозили строжайшими мерами ответственности[2]. Подобные примеры можно продолжать. Конечно, их многочисленность вовсе не свидетельствует о том, что в партийном аппарате формировалась сколько-нибудь серьезная оппозиция сталинскому руководству. Однако вывод о стремлении части партийных работников предупредить неконтролируемый шквал репрессий эти факты сделать позволяют.

Дополнительным аргументом в пользу такого вывода может служить широкое осуждение в партии так называемых перегибов при проверке партдокументов. Эта кампания, которую практически превратили в метод чистки и репрессий, покалечила судьбы многих людей. Исключенных из ВКП(б) арестовывали, увольняли с работы, выселяли из квартир. Нередко гонения обрушивались на родных и близких. Были известны случаи, когда из школы изгоняли детей коммунистов, потерявших партбилет.

Произвол местных партийных работников и чекистов временами приобретал вопиющие масштабы. Например, П. С. Никитенко из Астраханского района Донецкой области был осужден на пять лет лишь за то, что в свое время при вступлении в партию скрыл, что является сыном кулака. Тот же срок и за подобную же «вину» получил и В. М. Гродский из Одесской об-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2205. Л. 5 об.
[2] Там же. Д. 2778. Л. 47.

ласти, отец которого был экономом у помещика. Подобные факты приобрели широкое распространение и вызывали недовольство, поэтому ЦК КП(б)У вынужден был 10 декабря 1935 г. направить секретарям обкомов, горкомов и райкомов партии письмо, запрещавшее привлекать к судебной ответственности лиц, в отношении которых вопрос исчерпывается исключением из партии [1].

В конце января 1936 г. проблему «перегибов» при проверке документов рассматривали уже в Москве на заседании отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). Общий настрой совещания в значительной мере отразился в выступлении секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе. Он доложил, что из исключенных в крае 6 тыс. человек настоящими врагами, подлежащими высылке, признаны 500. Не ставя под сомнение жестокие меры в отношении этих пятисот, Эйхе тем не менее настаивал на недопустимости репрессий к остальным 5,5 тыс. исключенных за пассивность, нарушение Устава при приеме, сокрытие социального происхождения. «Если мы будем относиться к этой группе как к врагам партии, это кроме вреда ничего не принесет... Для чего делать из них врагов?» — спрашивал Эйхе, требуя дать директиву, осуждающую «перегибы» [2]. Вероятно, под давлением со стороны местных работников, более тесно связанных с рядовыми партийцами, руководство ВКП(б) предприняло очередной маневр и осудило крайности. Однако очень быстро, вслед за полушагом отступления, был сделан новый шаг навстречу массовому террору.

Начался обмен партдокументов и опять появились многочисленные «перегибы». В Ново-Тарьяльском районе Горьковского края исключили из партии

[1] Цит. по: *Васильев В.* 30-е годы на Украине//Коммунист. 1990. № 17. С. 79.

[2] ЦПА. Ф. 17. Оп. 120. Д. 240. Л. 36—37.

учительницу Андрееву, получившую билет еще в 1919 г. В свое время гражданская война разделила семью Андреевой. Сама она воевала на стороне красных, братья ушли к белым, и Андреева, кстати, никогда не скрывала этого. И вот, через пятнадцать лет, при обмене документов, местные власти решили проявить бдительность и вспомнили об андреевских братьях-белогвардейцах. Несчастную женщину исключили из партии, арестовали, выбросили из квартиры. Через пять дней ее выпустили, но на работе восстанавливать отказались.

Достаточно широкую известность получили тогда многочисленные случаи самоубийств на почве репрессий. Так, в Ярмолинецком районе Винницкой области покончил с собой ошибочно исключенный из партии Таран. В Феодосии были исключены из партии супруги Штюмпфель — коммунисты-эмигранты, спасавшиеся в СССР от преследований фашистов. Попав в безвыходное положение, лишившись работы и последних надежд, глава семьи убил ребенка, отравил жену и покончил с собой [1].

Понятно, подобные факты накаляли общественное мнение. И для того чтобы притупить возмущение, скрыть свою причастность к произволу, московское руководство вновь отступило, обвинив в «перегибах» местные власти. В июне 1936 г. огульные исключения из партии и «бюрократическое отношение» к разбору заявлений пострадавших было осуждено на Пленуме ЦК ВКП(б). А 24 июня ЦК направил партийным организациям письмо «Об ошибках при рассмотрении апелляций исключенных из партии во время проверки и обмена партийных документов». В нем запрещалось исключать из партии за так называемую пассивность и увольнять с работы лиц, хотя и исключенных из ВКП(б), но не совершивших никаких враждебных власти поступков.

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 120. Д. 243. Л. 11—12.

Совершенно очевидно: все это — полумеры. Вопрос же о массовых арестах по политическим мотивам вообще не ставился. Но сами по себе маневры сталинского руководства в значительной степени свидетельствовали о существовании сознательного или, чаще, стихийного противодействия репрессивному курсу. Причем решались на это противодействие не только рядовые граждане и члены партии, но должностные лица, которым осуществление репрессий вменялось в обязанность. Так, уже в начале 1935 г., когда после убийства Кирова явно обозначилась линия на усиление террора, неожиданно стали «бунтовать» некоторые судебные работники на местах.

Нередко судьи, игнорируя официальные установки об ужесточении репрессий, применяли по делам «о контрреволюционной агитации» условное осуждение или приговаривали обвиняемых к исправительно-трудовым работам. В конце февраля 1935 г. Президиум Верховного суда СССР вынужден был даже дать указание: «Категорически запретить применение исправительно-трудовых работ и условного осуждения к лицам, осужденным по этого рода делам». Однако, несмотря на это, практика смягчения санкций за «контрреволюционную, террористическую агитацию» продолжалась.

Те судьи, кто не потерял совесть, старались, как могли, помочь невинно пострадавшим. Характерный случай произошел в конце 1935 — начале 1936 г. в Саратове. Некто Фоменко был привлечен к ответственности за надругательство над портретом Сталина. Однако спецколлегия местного суда оправдала его. В Верховном суде РСФСР решение отменили, сославшись на недооценку политического характера дела. В Саратове вынуждены были подчиниться, и Фоменко получил три года. Но когда новая кассационная жалоба попала в Верховный суд, видимо, к более совестливому юристу, Фоменко вновь оправдали. Дальнейшая судьба этого

человека сложилась трагически, потому что в дело вмешались руководители ЦК ВКП(б), используя его как повод для наказания «либеральствующих» судей. Наряду с саратовскими юристами в недопустимой мягкости были обвинены служащие ленинградского областного суда, главсуда Немецкой республики и спецколлегии суда Азово-Черноморского края. Последние провинились, в частности, в том, что не усмотрели состава преступления в действиях некоего Васицкого, заявлявшего: «Если убьют вождей, то жизнь будет лучше».

Суды и прокуратура Азово-Черноморского края вообще неоднократно вызывали раздражение руководства в Москве своей независимой позицией. Так, в августе 1936 г. начальник секретного политического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР Г. Молчанов направил в ЦК ВКП(б) на имя Ежова, курировавшего деятельность карательных органов, докладную записку о недочетах в работе судов и прокуратуры Азово-Черноморского края [1]. Он писал, что в ряде случаев местные прокуроры отказывались выдавать сотрудникам НКВД санкции на арест. Например, 16 июля 1936 г. перед краевой прокуратурой был поставлен вопрос об аресте студента индустриального рабфака в Ростове-на-Дону П. Т. Козлова, который на партийно-комсомольском собрании, защищая товарища, прорабатываемого за «троцкистскую выходку», заявил: «Троцкий имеет колоссальные заслуги перед страной... он один из популярнейших вождей революции... он еще в 1905 году был председателем Петербургского Совета рабочих депутатов». Дело попало к помощнику прокурора по спецсектору Старцеву, и он отказался санкционировать арест за «контрреволюционную троцкистскую вылазку». «Ведь занимал же Троцкий должности, о которых говорил Козлов на собрании»,— доказывал Старцев сотрудникам НКВД.

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 120. Д. 171. Л. 180—185.

Требуя призвать азово-черноморских юристов к порядку, Молчанов приводил также факты о прекращении дел и освобождении арестованных органами НКВД в спецколлегии краевого суда. Подобный конфликт возник, например, вокруг дела С. И. Худоерко. Чекисты арестовали его за принадлежность к баптистской секте и высказывания недовольства тяжелым положением деревни, квалифицировав все это по известной 58-й статье. Однако суд со следствием не согласился, охарактеризовав действия Худоерко как «отсталые колхозные настроения».

Аналогичные попытки судебных и прокурорских работников на местах ввести действия НКВД хоть в какие-то рамки законности наблюдались не только в Азово-Черноморском крае. В январе 1936 г. заместитель наркома внутренних дел СССР Я. Агранов направил Ежову спецсообщение УНКВД по Челябинской области, в котором, в частности, утверждалось, что облсуд и прокуратура «не понимают политического значения быстрого рассмотрения дел по контрреволюционным группам, занимавшимся саботажем, вредительством и срывом сельскохозяйственных политкампаний, затягивая рассмотрение этих дел путем систематической волокиты и доследований, что лишало эти дела всякого политического эффекта». Местные работники обвинялись в том, что «систематически выхолащивают политическую сущность контрреволюционных дел... путем переквалификации преступлений без всякого на то основания», «выносят чрезвычайно мягкие приговоры».

Склонность к смягчению репрессий и большему соблюдению законности испытывали в то время не только местные работники юстиции, но и некоторые их руководители в Москве. На свой страх и риск, случалось, они пытались изменить к лучшему положение в правоохранительных органах, притормозить расползание произвола. В конце концов все эти попытки завершались

ничем. Однако они служили сдерживающим фактором в эскалации массового террора. Например, в июле 1935 г. председатель Верховного суда СССР А. Н. Винокуров направил на места директивное письмо, в котором осуждалась практика необоснованного привлечения к судебной ответственности «огромного количества людей». «Судебные работники,— говорилось в письме,— должны помнить, что они ответственны за каждый неправильный приговор, за каждое неправильное судебное решение... Оценка деятельности судов должна измеряться не числом рассмотренных дел, а теми результатами, какие судебная работа принесла делу развития социалистического строительства, поднятию культурного уровня населения и пр.». Винокуров требовал прекратить массовые необоснованные привлечения к судебной ответственности, чтобы «сохранить людей для нужд социалистического строительства, сохранить кадры», а в тех районах, где было допущено массовое противозаконие, «приступить к пересмотру дел с целью возвращения на социалистическое строительство лиц, необоснованно осужденных» [1].

Однако директиве этой была суждена недолгая жизнь. Через несколько недель письмо было признано политически вредным в партгруппе Президиума ЦИК, опротестовано Прокуратурой республики и изъято из обращения [2].

Преодоление сопротивления отдельных должностных лиц, вычищение из карательных органов слишком самостоятельных и склонных к «либерализму» работников — лишь одна сторона подготовки к «большому террору». Возможно, не меньше, а даже больше усилий тратило сталинское руководство на то, чтобы выкорчевать малейшее инакомыслие в обществе, создать такую мораль-

[1] ЦПА. Ф. 78. Оп. 6. Д. 86. Л. 133—135.

[2] См. там же. Л. 132; Советское государство и право. 1965. № 3. С. 25—26.

ную обстановку, когда репрессии воспринимались бы рядовыми гражданами не только как должное, но и как необходимое. Чтобы люди не только ни на минуту не усомнились в справедливости сталинской политики, но и своими руками как можно более активно и добросовестно помогали проводить ее в жизнь.

Достижению этих целей мешала прежде всего независимость мысли, сохранявшаяся, несмотря на активные чистки, как в партии, так и в обществе. О ее существовании свидетельствуют многочисленные дела против инакомыслящих, которыми занималось НКВД в 1935—1936 гг. Вот некоторые типичные примеры.

В Ленинском районе Киевской области был арестован член ВКП(б) с 1925 г. заведующий отделом райкома партии Д. Д. Заволока. При аресте у него изъяли дневники, там были такие записи: «Принципы большевизма не таковы, и не так их понимал вождь партии Ленин, как их сейчас понимают теперешние «вожди»... Подлая манера заниматься самокритикой и не признавать своих ошибок. Какая цена тому руководству, которое не видит гибели от своих поступков... Думают строить социализм не живыми людьми, а какими-то механизмами, которые для себя абсолютно ничего не потребуют». Член партии Н. С. Сизаров из Вичуги, Ивановской области, попал в НКВД потому, что открыто заявлял: «Положение рабочего класса в СССР похоже на положение рабочих в фашистской Германии, если бы в СССР допустили свободу слова, печати для мелкобуржуазных партий, то это дало бы возможность больше критиковать руководство ВКП(б), что в СССР не допускается существование других, кроме коммунистической, партий, потому что СССР чувствует свою слабость».

Крестьянин колхоза «Буденовец» Шереметьевского района Татарской автономной республики Д. П. Башуров в начале 1936 г. написал критические заметки по поводу «Политэкономии», выпущенной тогда Партиз-

датом. Этот шестидесятилетний колхозник был, судя по всему, человеком незаурядным. Еще до революции, не примыкая ни к каким политическим партиям, он преследовался полицией за хранение и распространение нелегальной литературы. После революции Башуров, подобно многим другим образованным и энергичным крестьянам, стал «культурным хозяином», получал много меда со своей насеки, написал статью о разведении пчел для специального журнала. Коллективизация, разрушение производительных сил деревни заставили Башурова о многом задуматься. Результаты этих раздумий он и сформулировал, разбирая официальный курс политической экономии. Его мысли удивительно точны, прекрасно выражены. Пример Башурова — еще одно свидетельство того, какой невосполнимый урон понесла страна, лишившись наиболее творческой, думающей части населения.

По поводу утверждений авторов «Политэкономии» о преимуществах крупных хозяйств в аграрном секторе, нежизнеспособности мелкого крестьянского производства Башуров заметил: «Эта выдержка имела бы некоторое значение в пропагандистско-агитационной литературе, но уж никак не в научной, так как нельзя же считать обоснованием этого положения ту теплично-суровую искусственность, с которой у нас строились эти крупные хозяйства, что современный строй в СССР сплотили репрессиями и заставляют голодным куском работать в этих хозяйствах. Разве не совхозы гирями болтаются на шее у государства? И какова рентабельность МТС, чем держатся колхозы? И это называется строительством социализма и тем более преимуществом крупного перед мелким хозяйством. И приглашать па такой путь земледельцев других стран?» Чрезвычайно современны, прекрасно вписываются в наши сегодняшние споры и рассуждения мысли Башурова по поводу проведения коллективизации: «Если в бурное время рево-

люции препятствия нередко брались штурмом, то нельзя думать, чтобы этот прием был везде одинаково хорош для достижения поставленной цели, также нельзя думать, что иного и лучше принятого пути быть не может... Штурмуя мелкокрестьянское земледелие и ликвидируя его примитивное хозяйство во время коллективизации, а также при ликвидации кулачества как класса, была вышиблена на произвол судьбы и погибла в концлагерях масса середняцкого крестьянства, попавшая туда оттого, что применялся штурм, чем принизилось качество населения СССР». О порядках, сложившихся в колхозах, Башуров писал: «Неудовлетворительная оплата, палочная дисциплина, жестокие наказания — все это превращает человека в какой-то придаток грубой грохочущей машины, атрофируя все задатки человечности: волю, энергию и интеллектуальность, так как все эти качества человека мешают ему в беспрекословном выполнении приказов часто грубых, нечестных и нередко неумных распорядителей сельского хозяйства. Такая постановка дела крайне принижает и угнетает личность человека». Что же, по мнению Башурова, необходимо было делать? «Предоставить трудящимся, рабочим и крестьянам в их полное распоряжение объекты труда и орудия производства»,— писал он и добавлял, что регулирование труда и обмен товарами будет производиться добровольными союзами через своих представителей [1].

Эти вполне естественные и разумные мысли в 30-е годы считались государственным преступлением. Полтора года спустя Башуров был арестован и расстрелян. Во многом это — типичный финал подобного рода дел. И каждый новый арест мыслящих, самостоятельных людей ослаблял потенциал сопротивляемости общества сталинскому произволу и соответственно укреплял социальную базу сталинизма.

[1] *Багаутдинов Ф.* По закону 1934 года. Казань, 1990. С. 65—71.

Одним из методов расширения этой социальной базы и обеспечения массовой поддержки репрессий стала активная пропаганда идей абсолютного приоритета интересов государства над нормами человеческой морали, семейного, товарищеского долга. Сотрудничество с властями в подавлении «врагов народа» преподносилось как действие патриотическое и однозначно благородное. В качестве примера для подражания на щит поднимались легендарные образы «героев-разоблачителей», подобных Павлику Морозову. (Характерная деталь: в 1935—1936 гг. Политбюро несколько раз рассматривало вопрос об установке памятника Морозову в Москве возле Красной площади.) Буквально каждый день требовательно и настойчиво советских людей призывали к бдительности, разъясняя, что ее отсутствие — одно из самых тяжких прегрешений перед партией и государством. Широкомасштабные пропагандистские мероприятия, многочисленные митинги, где каждый должен был проголосовать за смертную казнь, собрания-проработки, на которых приходилось обличать своих товарищей, каяться, клясться в преданности и непримиримости, постепенно расшатывали нравственные тормоза.

Столь массированная пропагандистская обработка общества проводилась не от хорошей жизни. Следовавшие одна за другой репрессивные акции демонстрировали властям не только постепенное приучение общества к обыденности террора, но и сохранение очагов стихийного нравственного сопротивления ему. Временами продуманные, казалось бы, до мелочей разоблачительно-проработочные кампании «омрачались» выступлениями в защиту осужденных, попытками помочь им самим или их близким. Общественная мораль все еще нередко открыто отвергала образцы «павликоморозовского синдрома», столь тщательно культивируемого властями.

Характерная история, подтверждающая этот факт, произошла в 1935 г. в коллективе ленинградского тор-

гового порта «Экспортлес». Рабкор-комсомолец Н. Максимов разоблачил здесь группу расхитителей, в числе которых был и его отец. Трудно сказать, в чем конкретно провинился Максимов-старший, однако срок, который он получил,— всего пять лет, при действующем законе от 7 августа, предусматривавшем расстрел или десятилетнее заключение за хищение соцсобственности,— свидетельствует скорее в пользу незначительности преступления. Потеряв основного кормильца, семья — мать и две сестренки — оказалась на иждивении у сына-рабкора. Однако заработков молодого парня явно не хватало, а товарищи по работе и соседи отвернулись от него. «Совесть твоя где? Разве можно отца так? Урод, уродище! У животных детеныши родителей жалеют, а ты... Что за люди, господи! Деревянные какие, без сердец»,— бросила Максимову соседка, закрывая перед ним свою дверь. Отчаявшийся комсомолец обратился в газету. В редакции «Комсомольской правды» случай сочли важным и поместили большой материал о нем в рубрике «Заметки о морали». «Николай Максимов,— разъясняла редакция,— поступил вопреки неписаным законам старой, устоявшейся, во многом еще непреодоленной нами морали буржуазного общества. Он разоблачил отца, вредившего новому обществу... исполнив этим свой комсомольский долг» [1].

Для того чтобы заставить так же исполнить свой «долг» других комсомольцев, и не только их, и потребовались те самые четыре года, на которые опоздал НКВД.

[1] Комсомольская правда. 1935. 18 сентября.

ПОДГОТОВКА ФЕВРАЛЬСКО-МАРТОВСКОГО ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б)

Летом 1936 г. Сталин начал непосредственную подготовку к тем событиям, которые навсегда войдут в нашу историю под названием «1937 год». В июне он дал указание органам НКВД организовать новый политический процесс, на этот раз — над троцкистами и зиновьевцами вместе [1]. 29 июля ЦК ВКП(б) одобрил закрытое письмо о террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока. Его составили на основании данных, выбитых на допросах Зиновьева, Каменева, Бакаева, Евдокимова, Мрачковского и других видных деятелей партии, которых в камерах НКВД днем и ночью готовили для выведения на открытый процесс. Из этих показаний следовало, что НКВД вскрыл ряд террористических групп троцкистов и зиновьевцев, готовивших убийство вождей партии и государства. В связи с этим троцкисты и зиновьевцы были объявлены в письме злейшими врагами Советской власти. ЦК призвал всех коммунистов к повышению бдительности «на любом участке и во всякой обстановке». «Неотъемлемым качеством каждого большевика,— говорилось в заключительной части документа,— в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован» [2].

Не успели на местах обсудить закрытое письмо ЦК и выявить очередную «порцию» «врагов народа», как из центра подоспел новый сигнал: в августе в Москве был проведен процесс по делу так называемого

[1] См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 84.
[2] Там же. С. 100—115.

«антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Всех 16 подсудимых — среди них Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева, Мрачковского, Тер-Ваганяна, Смирнова — приговорили к расстрелу за проведение мифической антисоветской, шпионской, вредительской и террористической деятельности, причастность к убийству Кирова и подготовку ликвидации других руководителей страны. Суд этот сопровождался мощной пропагандистской кампанией, проведением многочисленных митингов, собраний, на которых принимались резолюции в поддержку расстрела, произносились клятвы верности вождю и яростные, на грани нецензурности, проклятия «бешеным собакам» — троцкистам и зиновьевцам. По стране прокатилась волна новых арестов.

Подготовив соответствующую почву, Сталин решил нанести новый удар и усилить репрессии при помощи смены руководства НКВД. 25 сентября 1936 г., как уже говорилось, он послал из Сочи в Москву телеграмму с требованием заменить Ягоду Ежовым и наверстать отставание в разоблачении врагов. Уже на следующий день послушное Политбюро ЦК ВКП(б) выполнило требования Сталина, а 29 сентября приняло постановление «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам», под которым Сталин поставил свою подпись. В постановлении говорилось: «До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз, и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе. В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закон-

чено, и не только подследственных... дела которых еще не закончены, но и тех, которые были раньше высланы» [1]. Так был дан сигнал к тотальному уничтожению бывших оппозиционеров, подобно тому как в недалеком прошлом ставились задачи ликвидации неугодных власти классов. Новая установка означала: каждый, в чьей биографии когда-нибудь было хоть малейшее «пятнышко», мог без труда попасть в разряд «врагов народа».

Сталин упрямо, шаг за шагом, вел дело к «большой чистке». Ему уже было недостаточно крови бывших политических оппонентов и абсолютной послушности напуганных расстрелами оппозиционеров ЦК. Молох репрессий затягивал все новые и новые слои общества, террор из избирательного превращался во всеобщий.

НА ЧТО РАССЧИТЫВАЛ СТАЛИН?

Чем больше узнаем мы о результатах массовых репрессий, их невероятной громадности и жестокости, тем чаще звучит вопрос: для чего, во имя каких целей были пролиты эти реки крови, на что рассчитывал Сталин?

Долгое время непреложной истиной считалось, что жертвами репрессий были тогда действительно враги. Приверженцы этой точки зрения существуют и сегодня. Правда, наиболее умные из них под напором очевидных фактов и разоблачений последнего времени «перестроились» и признают, что наряду с «врагами» пострадали и честные люди. Просто «врагов», дескать, было много, а поэтому Сталин и карательные органы не сумели рассчитать силу своего удара и, размахнув-

[1] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 39.

шись в святой ненависти слишком широко, задели невиновных. Подтекст здесь простой: какой уж спрос с дерущихся, а тем более за правое дело. Справедливо отвергая подобные аргументы, многие антисталинисты, к сожалению, нередко впадают в другую крайность. Не желая ничего объяснять, они рассматривают любые попытки понять репрессии как стремление оправдать их. Но поскольку конкретные факты преступлений приходится все равно как-то истолковывать, постольку все сводится в этом случае к размышлениям о психической неполноценности Сталина, палаческой натуре его приближенных или изначальной преступности большевизма. А с другой стороны, уже и иные объяснения на подхвате — происки темных сил, заговор жидомасонов.

На самом деле исходной точкой серьезного разговора о причинах репрессий может быть лишь безусловное признание: это было преступление, при помощи которого Сталин рассчитывал решить реально существовавшие проблемы, достичь вполне конкретных политических и социально-экономических целей, преодолеть противоречия избранной модели общественного развития. При помощи репрессий Сталин, во-первых, укреплял свои политические позиции как единоличный вождь и диктатор, а во-вторых, решал все те проблемы, которые в демократическом обществе преодолеваются путем применения политических, экономических и лишь в крайнем случае административно-репрессивных мер.

В 1937 г. Сталин наносил прежде всего удар по партии, явно намереваясь «очистить» ее от старых кадров и привести к власти новое поколение, всецело преданное вождю. Старые коммунисты не устраивали «вождя» уже потому, что в их глазах он не был абсолютно непререкаемым авторитетом. Что бы ни говорили эти люди с высоких трибун, как бы ни клялись они вож-

дю в верности, Сталин знал: старые партийцы хорошо помнят и о многочисленных провалах «генеральной линии» в 30-е годы; и о том, что ленинское завещание в какой-то момент чуть было не погубило политическую карьеру Сталина, и он удержался у власти лишь милостью Зиновьева и Каменева; и о том, как в конце 20-х годов лишь благодаря поддержке ЦК Сталину удалось победить группу Бухарина.

Выступая на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), Сталин разделил руководящий состав партии на три категории: «генералитет нашей партии», «партийное офицерство», «партийное унтерофицерство» [1]. «Генералитет» — высший слой руководителей, включавший, по словам Сталина, 3—4 тыс. человек, составляли как раз старые большевики. Они преобладали во всех руководящих органах партии, прежде всего в ЦК, возглавляли местные партийные организации. Влияние и власть партийного «генералитета» постоянно уменьшались, однако не иссякали совсем. За долгие годы работы старые кадры притерлись друг к другу, установили достаточно прочные контакты между собой. Сталин периодически «тасовал колоду» руководителей, перемещал секретарей обкомов, передвигал секретарей и заведующих отделами ЦК. Однако совершенно разбить установившиеся связи, разрушить группы, формировавшиеся вокруг «вождей» разных уровней по принципу личной преданности, при помощи таких мер не удавалось. Переходя с одного места на другое, руководители перетаскивали «своих людей». Так, по существу, в «генералитете» партии формировались группировки, члены которых находились как бы в двойном подчинении: с одной стороны, служили единому вождю, с другой — имели своих «патронов» в Политбюро. Аналогичные процессы происходили и на

[1] Большевик. 1937. № 7. С. 16.

уровне секретарей обкомов. Все эти группировки были в общем раздроблены, чем в полной мере пользовался Сталин. Однако само их существование вызывало подозрение у вождя. На февральско-мартовском Пленуме он резко обрушился на секретарей партийной организации Казахстана Мирзояна и Ярославского обкома Вайнова. «Первый,— говорил Сталин,— перетащил с собой в Казахстан из Азербайджана и Урала, где он раньше работал, 30—40 «своих» людей и расставил их на ответственные посты в Казахстане. Второй перетащил с собой в Ярославль из Донбасса, где он раньше работал, свыше десятка тоже «своих» людей и расставил их тоже на ответственные посты» [1]. Причину, по которой такие факты вызывали недовольство Сталина, он достаточно откровенно высказал на Пленуме (правда, потом, при подготовке текста выступления к публикации несколько смягчил этот пассаж): «Что значит таскать за собой целую группу приятелей?.. Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы»[2]. Вот этой личной преданности группировок, поведение которых определяется решением «патрона», Сталин, видимо, и опасался, усматривал в них потенциальную угрозу своей абсолютной власти.

Такую угрозу Сталин, судя по всему, видел во всех сколько-нибудь организованных структурах. Под подозрением держал он и Наркомат тяжелой промышленности, набиравший большой вес и влияние под руководством Орджоникидзе, и армию, располагавшую реальной силой, не говоря уже об органах НКВД, за которыми вождь следил особенно бдительно.

---

[1] Большевик. 1937. № 7. С. 20.
[2] ЦПА. Ф. 17. Оп. 2. Д. 607. Л. 252.

Реальной проблемой для советского общества и Коммунистической партии в 30-е годы был вопрос о ротации кадров, выдвижении лучших, наиболее компетентных и энергичных работников. Созданная Сталиным система крайне затрудняла этот процесс. Во-первых, сверху донизу — пример здесь подавал сам Сталин — кадровый каркас был практически неподвижным. Отдельные перемещения производились в рамках уже изрядно засаленной «кадровой колоды». Знаком аттестации работника в таких условиях становилась принадлежность к «номенклатуре», что, в свою очередь, в основном зависело от политической благонадежности, верности вождю. В значительной части такие руководители были энергичными исполнителями директив, умели устраивать «разгромы», «накачки», одним словом, как говорили тогда, администрировать. Но далеко не всегда они обладали должными знаниями и компетентностью.

В середине февраля 1937 г. Г. М. Маленков, занимавшийся в ЦК ВКП(б) кадрами, направил Сталину докладную записку, в которой были собраны сведения, необходимые для выступления вождя на февральско-мартовском Пленуме. Судя по этому выступлению, Сталин действительно ознакомился с запиской и воспользовался некоторыми ее данными. Из записки, в частности, следовало, что среди секретарей обкомов высшее образование имели 15,7%, а низшее 70,4%, у секретарей окружкомов эти показатели составляли соответственно 16,1 и 77,4%, секретарей горкомов — 9,7 и 60,6%, секретарей райкомов — 12,1 и 80,3% и т. д.[1] Не обладая должными знаниями и культурой, многие руководители брали политической «сноровкой» и изворотливостью. При этом они старались окружать себя людьми серыми и подобострастными, опасаясь сопер-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 2. Д. 773. Л. 127.

ников и стремясь создать фон для собственного возвышения. На февральско-мартовском Пленуме Сталин упрекал партийных руководителей: «Многие из вас боятся конкуренции, поэтому замухрышек выдвигают, а они вам дают плохую помощь». Правда, при этом Сталин, конечно, умолчал, что ввел порядок выдвижения «замухрышек» именно он, постепенно оттеснив из руководства партией наиболее талантливых и знающих лидеров, способствуя выдвижению послушных своей воле исполнителей.

Окончательно портили многих руководителей абсолютно недемократичные условия их деятельности. Подчиняясь только вождю, не испытывая ни малейшей потребности считаться с мнением и настроением народа, такие коммунисты все больше превращались в «удельных князей», нередко самодурствовали и злоупотребляли властью. Самым жестоким образом преследовали они малейшую критику, поощряли подхалимов, создавая свои местные микрокульты. Повсеместно с лихорадочной поспешностью присваивались имена здравствующих вождей областного, районного и даже сельского масштаба,— не говоря уже о вождях республиканских и всесоюзных — всему, чему можно было присвоить. Сталин активно поощрял такие порядки, полагая, что наличие на каждом уровне общественного организма своих вождей способствует общему укреплению власти.

В полной мере воспользовавшись слепой преданностью таких руководителей, Сталин почувствовал себя уверенней и решил заменить их более молодыми и энергичными, а заодно списать на репрессированных всю ответственность за предыдущие беззакония, провалы, тяготы народной жизни. Внимательно наблюдавший из-за рубежа за сталинскими маневрами известный меньшевик Ф. Дан писал: «Сталин охотно бросает в жертву «народному гневу» сотни и тысячи тех

подлинных насильников и самодуров, хамов и хулиганов, воров и казнокрадов, беспринципных карьеристов и невежд, которые под его же крылышком так густо заполонили партийный и советский аппарат, громче всех пели осанну великому вождю народов и усерднее всех расчищали ему путь к единовластию»[1]. И действительно, репрессии против руководителей сопровождались шумной кампанией самокритики, осуждения бюрократизма, бездушного отношения к людям. В газетах клеймились чиновники-перерожденцы, приводились примеры беззаконий и злоупотреблений властью.

Так, 5 января 1937 г. «Правда» поместила статью о нравах первого секретаря Ладожского райкома партии Азово-Черноморского края Сурнина. «Обругать коммуниста, накричать на него, выгнать из кабинета — излюбленные приемы Сурнина,— писал корреспондент газеты.— Говорить на партийных собраниях о работе райкома можно, но только в том случае, если восхваляешь личные заслуги первого секретаря Сурнина...» В районе, по утверждению автора статьи, бесконечно писались рапорты, и каждый из них начинался с дифирамбов Сурнину: «Под Вашим большевистским руководством...» Именем Сурнина были названы колхозная электростанция, клуб, пекарня, площадь в районном центре (местный родильный дом почему-то назвали именем председателя райисполкома). В районе фактически была ликвидирована торговля. Товары держали под прилавком и распределяли по указаниям сверху, причем начальству все необходимое приносили на дом. Не гнушались руководители района подарками от председателей колхозов.

Еще через несколько дней «Правда» сообщила о крупных растратах казенных денег руководителями

---

[1] Социалистический вестник. 1937. № 17—18. С. 2.

Куйбышевского горкома партии [1]. Потом критиковала за нескромность секретаря Челябинского обкома Рындина, которого неутомимо славили на городской партконференции. Дело дошло до того, что в адрес Рындина, присутствовавшего в зале, приняли приветственное письмо [2]. И все же Рындина «обскакали» руководители Надтеречного района Чечено-Ингушетии. Здесь, по сообщениям «Правды», колхозам присваивали имена первого и второго секретарей райкома. А одно из хозяйств назвали именем... его парторга, некоего Иссаева [3]. Подобные примеры, перелистав «Правду» и другие газеты за начало 1937 г., можно найти в значительном количестве.

Как правило, рано или поздно подвергшиеся критике руководители объявлялись врагами народа. Людям внушали, что злоупотребления и самодурство представителей «номенклатуры» происходят не от самой системы выдвижения и бесконтрольности кадров, а от вражеских происков. Принцип этот был общим. На вредителей и врагов было удобно списывать все многочисленные проблемы, существовавшие в обществе. Перебои с продовольствием — виноваты враги, проникшие в колхозы, и вот уже организуются соответствующие процессы. Высок травматизм на производстве — вновь наготове простое объяснение и выявленные вредители. Годами не решается жилищная проблема, а в построенных домах людям нередко нельзя жить из-за многочисленных недоделок и брака — тоже вредительство. Вредители орудуют в торговле, которая работает из рук вон плохо. Вредители на транспорте — поэтому с рельсов сходят поезда и т. д. В общем, сталинское руководство широко использовало нехитрый, но достаточно эффективный в тех условиях способ манипуляции обществен-

[1] См.: Правда. 1937. 13 января.
[2] См. там же. 1937. 9 февраля.
[3] См. там же.

пым мнением: все хорошее — от партии, Советской власти и вождя; все плохое — от врагов и вредителей.

Однако в стране было немало людей, и Сталин знал это, которых трудно было провести на «мякине» вредителемании. Они неплохо разбирались в истинном смысле сталинской политики, знали цену самому вождю и его окружению, многое понимали. Одной из явных целей массовых репрессий была попытка уничтожить инакомыслие и малейшую оппозиционность. Как писал в уже цитируемой статье Ф. Дан, «под шум расправы с настоящими уголовными бандитами из партийного и советского аппарата выбрасываются десятки, а может быть... и сотни тысяч честных и дельных людей, повинных лишь в недостаточно «стопроцентной» преданности «величайшему другу трудящихся всего мира».

Всех, кто не был слепо предан вождю, Сталин зачислял в потенциальную «пятую колонну». Туда же автоматически были записаны те миллионы коммунистов и беспартийных, которые участвовали в оппозициях, раскулачивались, преследовались в свое время как «контрреволюционеры» и «вредители» или были связаны с «врагами народа» семейными или дружескими узами. Таких людей было очень много. В упоминавшейся записке, которую Маленков подготовил накануне февральско-мартовского Пленума для Сталина, в частности, говорилось: «Особо следует отметить, что в настоящее время в стране насчитывается свыше 1 500 000 бывших членов и кандидатов в члены партии, исключенных и механически выбывших в разное время, начиная с 1922 года. На многих предприятиях сосредоточено значительное количество бывших коммунистов, причем иногда оно превышает численный состав парторганизаций, работающих на этих предприятиях». В качестве подтверждения этой мысли приводились такие данные: на Коломенском паровозостроительном заводе на 1408 членов партии приходилось 2 тыс. бывших коммунистов, на

заводе им. Дзержинского в Днепропетровске эти показатели составляли 1700 и 600 человек, на заводе «Красное Сормово» в Горьком — 2200 и 550, на Московском шарикоподшипниковом заводе — 1084 и 452 и т. д. Сталин принял эти факты на вооружение и даже изложил их в своем докладе на февральско-мартовском Пленуме.

Для руководства страны миллионы обиженных или пострадавших были или уже готовыми, или потенциальными противниками, которые поднимут голову в критический момент. Такова природа любого насилия. Однажды прибегнув к нему, уже трудно остановиться. Произвол порождает противодействие и ненависть, и, чтобы удержаться у власти, диктатура прибегает к более жестокому террору. Беспощадность сталинского руководства подпитывал и своеобразный синдром «неполноценности власти», власти «в первом поколении». Лишь двадцать лет прошло со времени Октября, и вожди партии еще хорошо помнили, как нелегко далась победа, сколь часто стоял вопрос о судьбе нового режима. Многие из них пережили страшные минуты неопределенности и страха за собственную жизнь, и растущая угроза новой войны, а значит, новых испытаний для власти, возвращала к этим воспоминаниям.

Настроения боязни утраты власти достаточно откровенно высказывал в своих позднейших рассуждениях о событиях 30-х годов один из ближайших соратников Сталина — Молотов. «1937 год был необходим. Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны. Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит

опасность. Но, если начнется что-нибудь, они дрогнут, переметнутся. Я не считаю, что реабилитация многих военных, репрессированных в 37-м, была правильной... Вряд ли эти люди были шпионами, но с разведками связаны были, а самое главное, что в решающий момент на них надежды не было» [1]. Для Молотова, а, судя по всему, он во многом воспроизводил логику рассуждений самого Сталина, «враг» — понятие растяжимое: «...и пострадали не только ярые какие-то правые или, не говоря уже, троцкисты, пострадали и многие колебавшиеся, которые нетвердо вели линию и в которых не было уверенности, что в трудную минуту они не выдадут, не пойдут, так сказать, на попятную» [2]. По мнению Молотова, массовые репрессии — «профилактическая чистка» без определенных границ. Главное в ней — не упустить врагов, количество безвинных жертв — вопрос второстепенный: «Сталин, по-моему, вел очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после войны» [3].

Этот мотив уничтожения «пятой колонны», обоснования репрессий ссылками на наличие притаившихся врагов активно внедрялся в общественное сознание и в 30-е годы. «Для того чтобы напакостить и навредить,— говорил Сталин на февральско-мартовском Пленуме,— для этого вовсе не требуется большое количество людей. Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется, может быть, несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того чтобы провалить этот вы-

[1] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневников Ф. Чуева. М., 1991. С. 390.

[2] Там же. С. 391.

[3] Там же. С. 416.

игрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни» [1].

Запугивая при помощи «таких примеров» страну, Сталин рассчитывал не только подхлестнуть волну террора. Это был испытанный и давно известный прием укрепления единоличной диктатуры. Чем больше вокруг врагов и чем опаснее они, тем сильнее вера народа в верховного спасителя, тем проще переживаются трудности, переносятся многочисленные жертвы. В конце 30-х годов Сталин в полной мере использовал для нагнетания атмосферы страха и подозрительности реальное ухудшение международной обстановки, нарастание угрозы войны.

И наконец, еще одно обстоятельство совершенно очевидно стимулировало сталинскую репрессивную политику: советская экономика чем дальше, тем больше развивалась, опираясь на использование «дешевой» рабочей силы заключенных. В широких масштабах началось это с конца 20-х годов. Весной 1929 г. в ЦК ВКП(б) была образована комиссия под председательством Н. Янсона, выработавшая предложения о применении труда заключенных. 27 июня Политбюро утвердило соответствующее решение. И после этого в стране начала формироваться целая сеть исправительно-трудовых лагерей ОГПУ [2]. Объектом жестокой эксплуатации стали тогда и сотни тысяч спецпоселенцев из раскула-

---

[1] См.: Большевик. 1937. № 7. С. 15.

[2] См.: *Курицын В. М.* Советская политическая система 30-х годов//Коммунист. 1991. № 2. С. 116.

ченных. К концу первой пятилетки помимо строительства Беломорско-Балтийского канала, превращенного в один из символов индустриальных преобразований, в ведение ОГПУ передали строительство канала Волга-Москва и Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, освоение районов Ухты и Печоры, заготовку дров для Ленинграда и Москвы.

Тогда же началось функционирование одного из самых значительных хозяйственных подразделений ОГПУ — НКВД — известного треста «Дальстрой». За несколько лет на далекой Колыме трудом заключенных было создано большое количество золотодобывающих предприятий, построены дороги, поселки, организованы совхозы. «Дальстрой» занял первое место среди золотопромышленных районов Союза. Его «владения» за первые шесть лет существования увеличились с 400 тыс. до миллиона квадратных километров [1].

В 30-е годы трудом заключенных держались многие отрасли экономики — лесозаготовка, добыча золота и цветных металлов, строительство в районах Севера и Дальнего Востока. Постепенно хозяйственные наркоматы привыкли перекладывать возведение и эксплуатацию наиболее сложных объектов на ОГПУ. Характерная ситуация сложилась в конце 1933 г. вокруг строительства Норильского комбината. Геологическая разведка показала, что под Норильском находится самое богатое в СССР никеле-кобальтовое месторождение. Однако его освоение, учитывая расположенность за Полярным кругом, было делом непростым. Наркомат тяжелой промышленности, в ведении которого находилась отрасль, практически отказался от выполнения необходимых работ. Г. К. Орджоникидзе направил в

---

[1] *Николаев К.* Чудная планета Колыма//Наука и жизнь. 1990. № 1. С. 48—54; № 2. С. 40—49; *Некрасов В.* Николай Ежов// Советская милиция. 1990. № 2. С. 23—24.

ЦК ВКП(б) на имя Сталина письмо, в котором говорилось: «Учитывая особые трудности в проведении изыскательских и исследовательских работ, осуществлении строительства и освоении производства в условиях заполярного круга, а также колоссальный опыт ОГПУ в осуществлении сложнейших строительств в крайне тяжелых условиях, Наркомтяжпром полагает целесообразным организацию работ и предприятия поручить ОГПУ на базе специального лагеря»[1]. Норильский комбинат, как и многие другие объекты, строили заключенные.

Более того, при низкой производительности труда и текучести рабочей силы, лихорадившей советскую индустрию, хозяйственные ведомства охотно использовали заключенных на своих предприятиях. Исправительно-трудовые колонии существовали на многих объектах, не принадлежавших ОГПУ — НКВД. На строительстве Магнитогорского комбината в середине 1934 г. в такой колонии насчитывалось 12 тыс. человек. А в 1939 г. НКВД направил на стройки и предприятия других наркоматов и организаций более 130 тыс. заключенных. Эти люди трудились в самых неблагоприятных условиях, на самых тяжелых работах.

В годы третьей пятилетки хозяйственная деятельность НКВД приобрела невиданный размах. За счет принудительного труда правительство пыталось залатать многочисленные прорехи в экономике страны, ставя перед Наркоматом внутренних дел новые задачи. В 1941 г. в соответствии с государственным планом наркомат должен был закончить основные работы по Рыбинскому гидротехническому узлу, ввести в действие ряд электростанций, мощности по добыче ухтинской нефти, первую очередь комбината «Североникель», три сульфатно-спиртовых и цементный заводы. Провести закладку вось-

[1] ЦПА. Ф. 85. Оп. 29. Д. 349. Л. 1—3.

ми угольных шахт в Воркутинском бассейне, развернуть строительство Волго-Балтийского и Северо-Двинского водных путей, а также ряда электростанций для предприятий, выплавляющих алюминий [1].

Некоторое представление о роли НКВД в экономической жизни СССР в конце 30-х годов дают такие цифры. Если государственным народнохозяйственным планом на 1937 г. предусматривалось освоение наркоматом 6% средств, направленных на капитальное строительство, что составило 1,8 млрд рублей, то по плану 1941 г. этот показатель увеличивался до 14% — то есть около 7,3 млрд рублей. Это означало, что НКВД превратился в крупнейшее строительное ведомство. А ведь кроме этого в его ведении находилась добыча угля, хромитовой руды, золота, производство дорожного оборудования, цемента, заготовка леса и т. д.

Для осуществления этих программ требовалось все большее число заключенных, тем более что их труд был малоэффективен, а смертность в лагерях высокая. И правительство не скрывало своей заинтересованности в увеличении «контингентов» мест лишения свободы. Выступая на заседании Президиума Верховного Совета СССР 25 августа 1938 г. при обсуждении вопроса о досрочном освобождении заключенных, отличившихся на строительстве одного из объектов, Сталин заявил: «Правильно ли вы предложили представить список на освобождение этих заключенных? Они уходят с работы. Нельзя ли придумать какую-нибудь другую форму оценки их работы — награды и т. д.? Мы плохо делаем, что нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо... Будут освобождаться лучшие люди, а оставаться худшие. Нельзя ли дело повернуть по-другому, чтобы люди эти оставались на работе,— награды

[1] ЦГАОР СССР. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 176. Л. 275 об.

давать, ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться... Давайте сегодня не утверждать этого проекта, а поручим Наркомвнуделу придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте...» [1]

Указания Сталина были выполнены. В июне 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил указ «О лагерях НКВД», который, в частности, требовал «отказаться от системы условно-досрочного освобождения лагерных контингентов». «Осужденный, отбывающий наказание в лагерях НКВД,— говорилось в указе,— должен отбыть установленный судом срок полностью» [2]. Тогда же, в июне 1939 г., постановление «Об обеспечении рабочей силой работ, проводимых НКВД СССР в 1939 г.» принял и Совнарком СССР. В целях выполнения планов капитального строительства, осуществляемого ГУЛАГом, НКВД разрешили прекратить выдачу нарядов на выделение рабочей силы другим наркоматам и ведомствам. Для обеспечения строек Наркомвнудела на Дальнем Востоке туда в течение июня — июля 1939 г., в соответствии с постановлением, необходимо было перебросить 120 тыс. человек. 60 тыс. из них предполагалось забрать у организаций, пользовавшихся заключенными по нарядам, а остальных получить за счет перевода в лагеря из исправительно-трудовых колоний осужденных на срок до двух лет. А с 1 января 1940 г. НКВД получил право вернуть себе все «контингенты», направленные им ранее на объекты других наркоматов.

Принятые в июне Указ Президиума Верховного Совета и постановление Совнаркома СССР свидетельствовали о том, что индустрия ГУЛАГа остро нуждалась в рабочей силе и руководство страны с пониманием отно-

[1] Цит. по: Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 14—15.
[2] Там же. С. 15.

силось к этой проблеме. Политические цели террора подкреплялись «хозяйственным расчетом», и репрессии в глазах вождей государства получали дополнительное обоснование. И в этом случае, несомненно, Сталин действовал осознанно и расчетливо. Перед ним была цель — окончательно усмирить общество, создать мощную военную промышленность и стать единовластным диктатором этой величайшей в мире государственной машины. К достижению этой цели он шел, не задумываясь о методах, не считая жертвы, не испытывая ни малейших терзаний совести.

ДЕЛА ШЕБОЛДАЕВА И ПОСТЫШЕВА

В известной книге лагерных мемуаров «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, в 30-е годы жена председателя Казанского горсовета П. В. Аксенова, немало строк посвятила М. О. Разумову. Член партии с дореволюционным стажем, он занимал после Октября ответственные посты. Долгое время был секретарем Татарского обкома ВКП(б), в 1933 г. возглавил парторганизацию Восточно-Сибирского края, постоянно избирался членом ЦК. В 1937-м, как и многие другие руководители его уровня, Разумов был репрессирован.

По воспоминаниям Гинзбург, долгое пребывание у кормила власти сказалось на характере Разумова. Подобно другим старым революционерам, он успешно прошел «огонь и воду» борьбы за власть, но с гораздо большими трудностями преодолевал «медные трубы» сталинского политического режима. «Это был человек, полный противоречивых качеств,— пишет Гинзбург.— При несомненной преданности партии, при больших организаторских данных, он был очень склонен к «культу» собственной личности. Я познакомилась с ним в 1929 году, и он овельможивался буквально на моих глазах.

Еще в 1930 году он занимал всего одну комнату... а проголодавшись, резал перочинным ножичком на бумажке колбасу. В 1931 году он построил «Левадию» (обкомовские дачи.— *О. Х.*) и в ней для себя отдельный коттедж. А в 1933-м, когда за успехи в колхозном строительстве Татария была награждена орденом Ленина, портреты Разумова уже носили с песнопениями по городу, а на сельхозвыставке эти портреты были выполнены инициативными художниками из самых различных злаков — от овса до чечевицы» [1].

Так же, как и другие руководители, укреплявшийся в кресле Разумов окружал себя своими людьми. И когда в 1933 г. его перебросили в Восточную Сибирь, туда вслед за шефом прибыл целый десант руководящих работников из Татарии. Звал с собой Разумов и Аксенова, но тот отказался. А спустя три года, когда исключенная из партии Е. Гинзбург искала правду в Москве, встретивший ее там Разумов пошутил: «Ну что, убедились, каково жить без своего секретаря? Были бы у меня — разве я допустил бы, чтобы с вами так разделались?» [2]

Разговор этот происходил в конце 1936 г., и Разумов пока пребывал в уверенности, что в состоянии защитить своих людей. Однако очень скоро от этой уверенности не осталось и следа. Волна арестов достигла и Восточной Сибири, а секретарь крайкома был бессилен. Более того, предпринимавшиеся им попытки смягчить удар превратились в серьезное компрометирующее обстоятельство. И вскоре на февральско-мартовском Пленуме Разумов был вынужден каяться.

«**Разумов.** Я должен признаться, товарищи, что до недавнего времени мы думали у себя, что Восточно-Сибир-

[1] *Гинзбург Е.* Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. М., 1990. С. 12.

[2] Там же. С. 83—84.

ская организация сравнительно мало задета деятельностью троцкистов.

Ежов. И немного покровительствовали им.

Разумов. ...Здесь серьезную роль сыграло и самомнение: трудно было согласиться с тем, что была допущена ошибка».

Попытки Разумова защитить своих людей, равно как и его капитуляция, были для того времени делом обычным. Руководители местных организаций — «генералитет» партии составлял вполне сформировавшийся слой с собственными специфическими интересами. Они обладали практически неограниченной властью в подведомственных регионах и больше всего были обеспокоены тем, как бы бурные потоки переменчивой «генеральной линии» не выбили из-под них насиженное кресло. В этом смысле вождей областного и республиканского уровней поджидала в основном одна главная опасность — впасть в немилость перед Москвой, провиниться, сделав опрометчивый шаг в большой политике, в глазах Сталина. Серьезными последствиями могли обернуться и более мелкие, на первый взгляд, неприятности — бунт на собственном корабле, склоки, время от времени вспыхивающие на местах между различными аппаратными группировками. Такие конфликты, как правило, раздражали кремлевских вождей и приводили к «укреплению руководства» проштрафившихся организаций.

Объективные интересы заставляли первых лиц окружать себя испытанными и преданными людьми, подавлять малейшую критику, демонстрировать перед центром полнейшее благополучие. При этом местная верхушка держалась дружно и спаянно, понимая, что, однажды начавшись, кадровая перетряска рано или поздно коснется каждого. Не исключено, что эти интересы, стремление к стабильности во имя сохранения власти переплетались с принципиальным неприятием внутрипартийных чисток и разгромов, репрессий против «сво-

их». Так или иначе, но в период организации «большого террора» Сталину пришлось ломать глухое противодействие «генералитета». И одной из первых жертв этой борьбы — для примера другим — оказались секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б. Н. Шеболдаев и секретарь Киевского обкома КП(б)У, второй секретарь ЦК Компартии Украины П. П. Постышев. События, происходившие в конце 1936 — начале 1937 г. в Ростове-на-Дону и в Киеве, сыграли свою роль в развертывании «большого террора», были пробным камнем, на котором Сталин проверил возможность наступления на партийных руководителей высшего ранга и подавления их недовольства ударами, наносимыми по партийным кадрам.

И Постышев, и Шеболдаев были заслуженными и известными деятелями ВКП(б). 50-летний Постышев в 1937 г. находился в партии уже 33 года. Активный участник революции 1905 г., в годы гражданской войны он был одним из руководителей партизанского движения на Дальнем Востоке. В 1930 г. Постышев стал членом Оргбюро и секретарем ЦК ВКП(б). В начале 1933 г. Сталин послал его на Украину. Энергичный, жесткий эмиссар прибыл с заданием укрепить руководство в разоренной голодом республике. Это был пик карьеры Постышева. Его избрали вторым секретарем ЦК и членом украинского Политбюро, оставив при этом на время секретарем ЦК ВКП(б). Затем он стал первым секретарем столичного (Харьковского, потом Киевского) обкома, а с 1934 г.— кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Шеболдаев был моложе Постышева на восемь лет, в партию вступил в 1914 г. Во время революции он активно работал на Кавказе. Позднее, в середине 20-х годов, занимал пост секретаря Царицынского губкома партии, откуда попал в аппарат ЦК. В начале 30-х годов Шеболдаева направили секретарствовать в партийной организации огромного Северо-Кавказского края, а после его

разделения в 1934 г. оставили во главе Азово-Черноморского крайкома. Это был один из важнейших регионов страны — известная житница, крупный промышленный центр. И Шеболдаева, судя по многим внешним признакам, ждала блестящая карьера. Несмотря на относительную молодость, он был избран членом ЦК ВКП(б) и на всех партийных заседаниях — будь то пленум ЦК или съезд партии — непременно выступал с энергичными речами.

Главное же заключалось в том, что Постышева и Шеболдаева знали в партии как верных сторонников генеральной линии, которым не придется волноваться за свое будущее, подобно партийцам, совершившим в свое время ошибки. Сталин, судя по всему, учитывал это обстоятельство. Ему пока еще было важно поддерживать в членах ЦК, многие из которых были столь же «незапятнаны», как Шеболдаев с Постышевым, уверенность, что репрессии обрушатся лишь на тех, кто когда-либо участвовал в оппозициях. А поэтому и атаку против руководителей Азово-Черноморской и Киевской организаций вождь готовил осторожно, не сразу доводя дело до ареста.

И в том и в другом случае события развивались по одному сценарию. Сначала НКВД арестовывало как врагов народа ближайших сотрудников и выдвиженцев Шеболдаева и Постышева. А после этого уже и сами лидеры, скомпрометированные на связях с «врагами», обвинялись в отсутствии бдительности, неспособности руководить и теряли свои кресла. Однако прежде чем это происходило, местные работники пытались, как могли, отстоять свои кадры, предупредить неконтролируемый размах репрессий, не дать органам НКВД полностью подмять партийное руководство. В той или иной мере эти явления были присущи многим регионам страны. И в этом смысле дела Шеболдаева и Постышева были достаточно типичными.

Тучи над Шеболдаевым начали сгущаться в конце 1936 г., когда по обвинению в троцкизме была арестована большая группа ответственных работников края. НКВД сфабриковал дела о троцкистском центре в Ростове-на-Дону, который якобы возглавляли первый и второй секретари горкома партии, был арестован первый секретарь Таганрогского горкома, объявлены троцкистами первый секретарь крайкома комсомола, председатель Ростовского горсовета, помощник Шеболдаева и другие работники. За решеткой оказались крупнейшие хозяйственники края: директора Ростсельмаша, Таганрогского металлургического завода, управляющий трестом «Шахтантрацит», руководители железных дорог. Арест каждого из них вызывал цепочку новых репрессий и одновременно затягивал петлю вокруг руководителя края, проглядевшего столь разветвленную и опасную сеть «вражеских организаций».

За арестами в Ростове-на-Дону внимательно следил Сталин. И когда дело «созрело», он предложил обсудить вопрос об Азово-Черноморском крайкоме, вызвав на заседание Политбюро Шеболдаева. 31 декабря 1936 г. такое обсуждение состоялось. Материалы его пока недоступны, а может быть, не сохранились вообще. Однако некоторое представление о ходе этого заседания дает постановление, одобренное Политбюро 2 января 1937 г. Называлось оно «Об ошибках секретаря Азово-Черноморского крайкома т. Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве крайкома ВКП(б)» и содержало разгромную критику в адрес недавно преуспевающего члена ЦК. Его обвинили в политической близорукости по отношению к врагам народа, в результате чего на основных постах в ряде крупнейших городских и районных парторганизаций края оказались враги партии, шпионы и вредители-троцкисты; обвинили его и в увлечении хозяйственными вопросами в ущерб политическим. После подобных мотивировок следовали орг-

выводы: Шеболдаева освободили от должности первого секретаря крайкома и предупредили, что если в дальнейшем он не извлечет всех уроков, то ЦК прибегнет к более суровым мерам. Судьба этого человека была предрешена. «Более суровые меры» не заставили себя ждать. В конце октября 1937 г. Шеболдаева расстреляли.

Пока же, в январе, в Ростов-на-Дону для разъяснения активу и пленуму крайкома партии вышеупомянутого решения ЦК был направлен секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев. На VII пленуме Азово-Черноморского крайкома, который был спешно созван 6 января, он выступил с докладом, задав тон обличениям Шеболдаева. Бывшему секретарю крайкома на этом заседании припомнили многое. Главным же пунктом было обвинение в покровительстве троцкистам. Шеболдаев, заявил первый же оратор, выступивший в прениях, некто Ивницкий, не только посадил троцкистов на должности, но и «как никто, защищал до конца, когда мы их разоблачили» [1].

Внимательно выслушав все речи и собрав необходимую информацию, Андреев направил Сталину докладную записку [2]. «Дело обстоит хуже, чем это представлялось в ЦК ВКП(б) при обсуждении вопроса об ошибках Азово-Черноморского крайкома»,— писал он. В дополнение к претензиям, предъявленным Шеболдаеву 31 декабря в Москве, Андреев сообщал новые факты о том, как крайком не реагировал на сигналы о неблагонадежности отдельных партийных руководителей, пытался защитить от нападок работников, имевших оппозиционное прошлое. Еще в начале 1935 г., писал Андреев, в крайком поступали сигналы о контрреволюционной деятельности члена бюро крайкома Ронина, однако хода им не дали. Сообщил Андреев Сталину и такой факт: во время проверки партийных документов член бюро Ле-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2196. Л. 48.
[2] ЦПА. Ф. 17. Оп. 120. Д. 280. Л. 1—3.

нинского райкома партии города Ростова-на-Дону Подгурская требовала исключить из ВКП(б) бывшего троцкиста Дуката. Однако каждый раз, когда этот вопрос ставился на бюро райкома, приезжал секретарь горкома партии и брал Дуката под защиту. Райком в конце концов настоял на своем и исключил Дуката из партии. Но дело поступило в крайком, и Дукат получил билет обратно.

Из собранной Андреевым информации следовало, что в краевой организации шла достаточно острая борьба между сторонниками и противниками репрессий, что крайком партии старался не допустить избиения кадров и неоднократно брал под защиту руководителей городских и районных комитетов. Те, в свою очередь, пытались защищать местных работников, одергивали не в меру активных «специалистов по бдительности». Характерная в этом смысле ситуация складывалась в Шахтинской партийной организации.

Первым секретарем горкома ВКП(б) в Шахтах — на родине известного «шахтинского дела» — был старый член партии Любарский. В августе 1936 г., воспользовавшись кампанией, развернутой в связи с судом над Каменевым и Зиновьевым, недоброжелатели Любарского поставили вопрос о снятии его с должности за троцкистское прошлое. До 1937 г. оставалось еще несколько месяцев, и крайком партии позволил себе заступиться за Любарского, объявив заодно выговор склочникам, поднявшим это дело. Одновременно и сам Любарский, чувствуя поддержку, предпринял попытку пресечь кампанию гонений на инженерно-технических работников, явно обозначившуюся осенью 1936 г. Когда на шахте им. Артема был исключен из партии некто Левгода, Любарский взял его под защиту, хотя восстановить в партии не смог. Левгода застрелился, оставив предсмертное письмо. По тем временам самоубийство еще рассматривалось как обстоятельство, свидетельствующее в

пользу жертвы. Поэтому Любарский получил сильный козырь в борьбе со сторонниками жесткой линии и не преминул им воспользоваться. Подняв дело Левгоды на принципиальный уровень, он обрушил на парторганизацию шахты обвинения в нечуткости, неправильном отношении к товарищам по партии. Тогда же Шахтинский горком восстановил в ВКП(б) и освободил из-под ареста двух работников шахты им. Петровского — Черных и Бурлакова. В принятом 27 сентября постановлении горкома говорилось: «Указать, что шахтпартком шахты им. Петровского допустил целый ряд ошибок, заключающихся в том, что борьбу за выявление действительных врагов народа подменил непродуманными и необоснованными решениями об исключении из партии ряда коммунистов» [1]. Горком объявил выговор секретарю партийного комитета шахты и начальнику местного отделения НКВД.

Несмотря на ряд поражений, противники Любарского не унимались. Чувствуя, куда в целом веют политические ветры, они уже в декабре, воспользовавшись отъездом первого секретаря в отпуск, приняли новую резолюцию: «Считать прежнее решение горкома от 27 сентября о Бурлакове и Черных ошибочным и отменить его как неправильное и задерживающее борьбу с контрреволюционным троцкизмом». Черных и Бурлакова вновь исключили из партии и арестовали. Последнее слово, таким образом, осталось за сторонниками репрессий. Подоспевшее дело против Шеболдаева и крайкома партии, поддерживающих секретаря Шахтинского горкома, поставили крест на карьере и жизни Любарского.

Похожие события происходили осенью и зимой 1936/37 г. на Украине. Здесь в короткое время тоже были арестованы как троцкисты многие ответственные работники ЦК КП(б)У, партийных и советских органов

---

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2196. Л. 101.

областного уровня. Основной удар при этом совершенно очевидно был направлен против Постышева: его ближайших сотрудников и приверженцев, прежде всего в Киевской области, арестовывали особенно активно. Но прежде чем это происходило, и сам Постышев, и другие руководители обкома пытались, как это делали их коллеги в Ростове-на-Дону, приостановить волну расправ с номенклатурными работниками.

Так же, как и повсюду, в Киеве после августовского процесса над Каменевым и Зиновьевым и обсуждения закрытого письма ЦК усилилась охота за бывшими сторонниками оппозиций, особенно троцкистской. Жертвами этой кампании стали тогда и многие руководители, исключенные из партии и арестованные за давно минувшие разногласия с «генеральной линией». Так, в августе — сентябре 1936 г. партийная организация киевской областной плановой комиссии поставила вопрос об исключении из ВКП(б) председателя облплана Тодера. Обвинение было стандартным — принадлежность в 20-е годы к троцкистской оппозиции. Чтобы спасти Тодера, на собрания в облплан дважды выезжал член бюро обкома, заведующий отделом пропаганды и агитации Карпов. Он заявил коммунистам плановой комиссии, что бюро обкома проверило деятельность Тодера и не нашло фактов, порочащих его партийную честность [1]. До поры до времени Тодера оставили в покое.

Более длительная и сложная борьба велась за сохранение в партии заместителя начальника киевского облместпрома З. М. Котляревского. В августе 1936 г. за принадлежность к троцкистской оппозиции в 20-е годы первичная организация облисполкома и бюро Ленинского райкома Киева исключили его из партии. Не сумев воспрепятствовать этому, руководители обкома попытались смягчить атаку против Котляревского, уберечь

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5012. Л. 226.

его от ареста. По поручению второго секретаря обкома Ильина на собрание партийного актива Ленинского района Киева с этой целью приехал член бюро обкома, заведующий отделом руководящих партийных органов Оленченко. Фактически ему удалось предотвратить проработку Котляревского на активе, пресечь новые выступления разоблачителей, способных окончательно погубить бывшего заместителя начальника облместпрома. Одержав эту победу, руководители обкома через месяц — 3 октября — отменили решение райкома об исключении Котляревского из партии, «учитывая то, что, кроме известного факта пребывания Котляревского З. М. в троцкистской оппозиции в 1926—1927 гг., дополнительных данных о принадлежности его в настоящий момент нет»[1]. Причем это постановление было подкреплено назначением Котляревского директором льнокомбината.

Казалось, мучения Котляревского прекратились. Высокий пост он потерял, но все же остался в партии и не без работы. Однако вскоре общий ход политических событий в стране перечеркнул все надежды и Тодера, и Котляревского, и их защитников. Один за другим в конце 1936 — начале 1937 г. исключались из партии и арестовывались не только Тодер, Котляревский и защищавшие их Карпов и Оленченко, но и другие руководители Киевской парторганизации. Дошло дело и до Постышева. 13 января 1937 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление о Киевском обкоме и ЦК КП(б)У. Руководство республиканской организации было обвинено в засорении аппарата врагами. Постышеву объявили выговор и лишили должности секретаря Киевского обкома.

Организуя атаку против Постышева, Сталин использовал не только дела о мифических вредителях в украинском партруководстве, но и вполне реальные пороки,

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5012. Л. 66.

присущие киевским лидерам, как, впрочем, и руководителям других регионов: групповщину, злоупотребления властью, создание местных культов.

Являясь формально вторым секретарем ЦК КП(б)У, Постышев фактически был самым сильным руководителем на Украине. Свою роль в этом, видимо, сыграли и личные качества Постышева — жесткость, напористость, властность, а также поддержка, которой он долгое время пользовался в Москве, являясь секретарем ЦК, кандидатом в члены Политбюро, эмиссаром самого Сталина. Используя свое влияние, Постышев окружил себя в украинской парторганизации значительной группой лично преданных ему работников. Они же, в свою очередь, немало потрудились для того, чтобы создать в республике своеобразный культ Постышева — одного из вождей советского народа. Формировался этот культ еще и потому, что до определенного времени окружение монумента собственного величия более мелкими памятниками в честь «верных соратников» поощрял сам Сталин. Лесть в адрес Постышева приобрела со временем крайне уродливые формы, выходя за рамки простого здравого смысла. Усилиям второго секретаря приписывали достижения многомиллионной республики, награждая его такими эпитетами и здравицами, которые совестливый человек постеснялся бы выслушивать.

Как это нередко бывало в те годы, опираясь на высокое положение мужа, активную роль в политической жизни и даже в решении кадровых вопросов республики пыталась играть жена Постышева — Т. С. Постоловская. Она занимала пост секретаря парткома Украинской Ассоциации марксистско-ленинских научных институтов и принимала деятельное участие в многочисленных конфликтах и склоках, вспыхивающих временами среди «бойцов идеологического фронта».

Все эти обстоятельства в полной мере использовал Сталин. Обвинения в личной нескромности и злоупот-

реблениях властью были обрушены на Постышева на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б). Новый секретарь Киевского обкома Кудрявцев говорил там:

«Обстановка шумихи вокруг тов. Постышева зашла так далеко, что кое-где уже громким голосом говорили о соратниках тов. Постышева, ближайших, вернейших, лучших, преданнейших, а те, кто не дорос до соратников, именовали себя постышевцами». Досталось в это время и Постоловской, обличая которую Сталин и его помощники наносили еще один удар по Постышеву. В постановлении ЦК ВКП(б) от 13 января в Постоловскую совершенно очевидно метил пассаж о том, что на Украине, в частности в Киеве, существовали «непартийные нравы в подборе работников, когда люди — все равно, мужчины или женщины,— которые не имеют необходимых полномочий, то есть не занимают соответствующих постов, фактически влияют, а иногда и предрешают назначение тех или иных работников па ответственные посты».

Резко критиковали Постоловскую и на февральско-мартовском Пленуме ЦК. Главным пунктом обвинений против нее было неблаговидное поведение в деле некой Николаенко, получившем тогда стараниями Сталина широкую огласку. Эта грязная история, по существу провокация, хорошо демонстрирует те методы, которыми первоначально пользовался Сталин, нанося удары по своим недавним соратникам. Вместе с тем в ней проявились нравы, существовавшие тогда на местах.

Член ВКП(б) П. Т. Николаенко была одной из тех экзальтированных жертв сталинского учения об усилении классовой борьбы, которым повсюду мерещились враги и шпионы. Рано вступив в партию, она работала женоргом, училась, а в 1935 г. попала на работу в музейный городок в Киеве. Однажды она явилась к директору городка и заявила, что один из сотрудников, по ее мнению, крадет экспонаты, а на вырученные деньги

приобретает вещи и продукты в Торгсине. Не найдя поддержки у директора, Николаенко стала обличать и его. Для того чтобы избавиться от Николаенко, ее отправили в аспирантуру Ассоциации марксистско-ленинских научных институтов. Однако и здесь она быстро принялась за старое, выявляя и разоблачая «врагов». Партийная организация УАМЛИНа, не без участия Постоловской, добилась исключения Николаенко из аспирантуры. Николаенко ушла работать на курсы политотделов Юго-Западной железной дороги, заявляя направо и налево, что в УАМЛИНе засели враги, а Постоловская «как царица сидит, окруженная врагами». «Доброжелатели» доложили об этом жене Постышева, и она не придумала ничего лучшего, как добиться от бюро горкома партии исключения Николаенко из ВКП(б). Желая угодить Постоловской, операцию эту проделали быстро, не погнушавшись элементарным подлогом: при помощи подчисток решение об исключении, состоявшееся в январе 1936 г., провели актом за сентябрь 1935 г. Николаенко подала заявление на имя Сталина, и в апреле комиссия Комитета партийного контроля приняла решение о восстановлении ее в ВКП(б). Однако в Киеве выдавать ей билет и восстанавливать на работе не торопились. Лишь 5 октября бюро обкома поручило местным партийным органам выписать Николаенко билет, но одновременно грозно предупредило: «В связи с тем, что в прошлой своей работе, а также в последнее время т. Николаенко... допускала разговоры непартийного характера, указать т. Николаенко на ее несдержанность и предупредить, что, если она не исправится, она будет привлечена к партответственности» [1].

Коренной поворот в судьбе Николаенко произошел после постановления ЦК ВКП(б) от 13 января. Прибывшему в Киев для разъяснения постановления Кага-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5012. Л. 121.

повичу рассказали о героине-разоблачительнице, а он, в свою очередь, доложил о ней по возвращении в Москву Сталину. Вождь проявил к Николаенко неподдельный интерес, настолько значительный, что посвятил ей целый абзац в речи на февральско-мартовском Пленуме. «Николаенко — это рядовой член партии,— говорил Сталин.— Она — обыкновенный «маленький человек». Целый год она подавала сигналы о неблагополучии в партийной организации в Киеве, разоблачала семейственность, мещанско-обывательский подход к работникам... засилье троцкистских вредителей. От нее отмахивались, как от назойливой мухи. Наконец, чтобы отбиться от нее, взяли и исключили ее из партии... Только вмешательство Центрального Комитета партии помогло распутать этот запутанный узел. А что выяснилось после разбора дела? Выяснилось, что Николаенко была права, а Киевская организация была не права... А ведь кто такая Николаенко? Она, конечно, не член ЦК, она не нарком, она не секретарь Киевской областной организации, она даже не секретарь какой-либо ячейки, она только простой рядовой член партии.

Как видите, простые люди оказываются иногда куда ближе к истине, чем некоторые высокие учреждения» [1].

После этих слов Сталина Николаенко превратилась в важную персону, и ее обхаживали не меньше, чем члена ЦК или наркома. Догадаться же, зачем Сталин создавал этот новый культ «маленького человека», не трудно. Готовя «большую чистку», он заботился о поддержании в обществе атмосферы доносительства, разрушении нравственных барьеров, могущих воспрепятствовать террору. И поэтому, еще недавно призывая советских людей следовать примеру стахановцев, Сталин теперь говорил: действуйте, как Николаенко, и мы поддержим вас, а особо отличившихся даже зачислим в национальные

[1] Большевик. 1937. № 7. С. 24.

герои (так оно и произошло, вспомним Мишакову, чей донос послужил поводом для разгрома руководства ВЛКСМ, или Тимашук, награжденную в последние месяцы жизни вождя за разоблачение «врачей-убийц»). Кроме того, защитив «маленького человека» Николаенко от жены всемогущего Постышева, Сталин в очередной раз демонстрировал свой «демократизм», готовность защитить простого человека от произвола чиновников, укрепил легенду о непричастности вождя к преступлениям и произволу, захватившим общество.

А тем временем Николаенко продолжала активно разоблачать Постышева, его жену и их арестованных друзей и сотрудников. Она стала общепризнанным специалистом по выявлению «врагов» и непременным оратором на многочисленных активах, пленумах и даже съезде Компартии Украины. Между прочим, эти выступления Николаенко — любопытный источник, характеризующий как насаждаемую психологию доносительства, так и обласканную Сталиным киевскую героиню, а может быть, и других подобных активистов-разоблачителей. Приведем для примера образчик выступлений Николаенко — ее речь на III Киевской областной конференции КП(б)У в мае 1937 г. «Мы, товарищи,— говорила она,— имели вредительство и в сельском хозяйстве, и на транспорте, и в местной промышленности, и в национально-культурном строительстве... Но вся беда была в том, что говорить про него нельзя было, разоблачать этих вредителей строго запрещалось... Я возьму такой факт: когда государство давало детям елочные подарки, то на ярлычке было написано: «Детям елочный подарок от Постышева»... И полностью верно в постановлении ЦК ВКП(б) от 13 января сказано, что посторонние лица, будь то мужчины или женщины, предрешали посылку на работу того или иного работника. Это имелась в виду жена Ильина (второй секретарь Киевского обкома при Постышеве.— *О. Х.*), Постоловская...

Враги, прикрываясь фирмой, авторитетом Постышева, протаскивали свои контрреволюционные, троцкистские, фашистские планы, а подхалимство, аплодисменты, восхваление, шумиха чрезвычайно портили руководителей...

В 1935 году мною был составлен сборник «Покровский про Украину». Этот сборник забрал Абрамов — контрреволюционер... Этот сборник выпустили. Деньги получил Абрамов и присвоил их. И несмотря на то что это была моя работа, которая имела политическое значение, я в Киеве не могла добиться правды. Вызывают народных судей, дают им накачку, выговоры, чтобы мне не присуживали. Вызывают прокурора Янковскую, которая тоже, кажется, причастна к троцкизму, для того чтобы она не присуждала мне денег... И лишь после того как приехал сюда тов. Л. М. Каганович, после актива (Киевской парторганизации с участием Кагановича.— *О. Х.*), после решения ЦК ВКП(б) от 13 января этот вопрос был решен...

Когда я все это вспоминаю, мне хочется громко крикнуть так, чтоб товарищ Сталин услышал в Москве,— спасибо тебе, дорогой вождь товарищ Сталин, что ты так мудро, так умело, так правильно, невзирая на лица, умеешь решать вопросы по-ленински, по-большевистскому, как учил нас тов. Ленин и как учит нас сейчас всех товарищ Сталин, который ведет всю страну от победы до победы за дело коммунизма» [1].

Это характерное выступление Николаенко достаточно ярко характеризует сталинскую любимицу. Подобные речи выдают в ней женщину неуравновешенную, экзальтированную, склонную воспринимать окружающий мир исключительно на высоких, полуистерических нотах. Будучи, судя по всему, человеком ограниченным, но с претензиями, Николаенко слепо

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4990. Л. 210—221.

восприняла и свято верила в сталинские бредни об обострении классовой борьбы, засилье врагов. Это был именно тот участок официально поощряемой деятельности, где киевская общественница без определенных занятий и способностей могла утвердиться, заполнить свое существование «высоким» смыслом. Особых трудностей в выборе объектов для разоблачений не было. В жизни существовало много несправедливости и злоупотреблений. Истинные или в ряде случаев, мнимые, они в зараженном сталинизмом сознании Николаенко превращались в деяния врагов. И в этом киевская общественница была твердо последовательной: огонь обличений направляла даже против могущественных, наделенных властью людей. Видимо, не последнюю роль во всепоглощающей страсти к поиску врагов сыграли определенные особенности психики Николаенко.

Н. С. Хрущев, лично знавший эту женщину, утверждал, что она была сумасшедшей. Познакомившись с ней, по совету Сталина, в Киеве сразу после своего назначения на пост первого секретаря ЦК КП(б)У, Хрущев увидел следующее: «Молодая, здоровая женщина... Она имела дело с украинским народным искусством и поэтому общалась с интеллигенцией. И начала она говорить мне о врагах народа. Ну, это был просто какой-то бред сумасшедшей: она всех украинцев считала националистами, все в ее глазах были петлюровцами, врагами народа, и всех их надо арестовывать...

Потом она опять пришла ко мне и приходила затем много раз. Я уже видел, что это больной человек и что верить ей совершенно нельзя. Начала она обсуждать со мной и свои личные дела: к ней, дескать, плохо относятся в партактиве. Раньше (она была незамужней) с ней охотно поддерживали знакомство командиры Красной Армии, теперь они избегают ее, просто перебегают через улицу на другой тротуар, если заметят, что она идет им навстречу. Говорит: «Вот травят меня за то, что я

веду борьбу с врагами народа». Я ей сказал, что она должна более трезво оценивать отношение к ней: «Люди избегают вас, потому что те, кто с вами знаком, как правило, арестовываются» [1].

Все последующие попытки успокоить Николаенко закончились тем, что она написала донос в Москву и на Хрущева. Однако времена изменились, Сталин пока не нуждался в новых разоблачениях на Украине, а поэтому поостыл к таким людям, как Николаенко. Киевская специалистка по врагам, не приобретя новых лавров на родине, переехала в Москву. «Мы вздохнули с облегчением,— вспоминал Хрущев,— и я сказал Сталину, что вот наконец-то она уехала. Он пошутил: «Ну, что, выжили?» Говорю: «Выжили». Потом Николаенко попала в Ташкент, откуда атаковывала Хрущева письмами, просилась обратно на Украину. Однако Хрущев проявил твердость. Правда, и это тоже очень характерный штрих, самостоятельно решать вопрос побоялся и на всякий случай доложил о просьбе «героини» и своих возражениях Сталину. «Сталин согласился и даже шутил по этому поводу. Он, видимо, тоже разобрался в ней...» [2]

В общем, судьба Николаенко сложилась совсем иначе, чем она могла рассчитывать, находясь на гребне славы в начале 1937 г. И дело заключалось вовсе не в том, что Сталин, хорошо понимавший с самого начала, с кем имеет дело, «разобрался» в своей протеже. Он просто забыл о ней, потому что на очереди стояли новые дела и... новые «герои». Но как бы неуютно ни чувствовала себя покинутая Николаенко, гораздо хуже сложилась судьба ее главного врага — Постоловской.

Еще совсем недавно всесильная жена руководителя Украины испытывала один за другим немилосердные

---

[1] Вопросы истории. 1990. № 4. С. 70—71.
[2] Там же. С. 71—72.

удары сталинского гнева. Только 22 августа 1936 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло решение просить Москву обеспечить поездку Постоловской для лечения на два месяца в сопровождении врача в Карлсбад (и это в стране, население которой постоянно призывали на все новые и новые жертвы во имя экономии валюты на нужды индустриализации). А уже 17 февраля 1937 г. после многочисленных проработок на киевском активе и пленуме ЦК КП(б)У то же Политбюро постановило освободить Постоловскую от обязанностей директора украинского филиала музея им. Ленина. Потом началось разбирательство с историей исключения Николаенко из партии, и 27 апреля украинское Политбюро объявило Постоловской строгий выговор с предупреждением «за утрату политической бдительности и за участие в организованной контрреволюционерами-троцкистами травли тов. Николаенко» [1].

Преследования Постоловской составляли часть кампании по дискредитации и постепенному подведению к трагическому исходу карьеры и жизни Постышева. Сталин словно играл с ним в «кошки-мышки»: то придавит, то чуть отпустит; то обнадежит, то не оставит никаких шансов. После Украины Постышева с резким понижением отправили руководить Куйбышевским обкомом. В середине 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) вдруг занялось рассмотрением доноса на Постышева. В заявлении, скорее всего инспирированном, некто Губельман сообщал, что Постышев в 1910 г. подал унизительное ходатайство на имя командующего Московским военным округом о смягчении судебного приговора. Постышева вызвали для объяснений. Он покаялся, ссылался на молодость и несознательность, и Сталин проявил «благородство»: дело ограничилось выговором за сокрытие этого факта от ЦК.

---

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4683. Л. 6.

Однако прошло еще несколько недель, и в Куйбышевскую область по поручению Сталина прибыл секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев. Ничего хорошего подобный визит не сулил. Там, где появлялся этот сталинский эмиссар — а командировок в 1937 г. у него было больше чем достаточно,— с новой силой вспыхивали репрессии и кадровые перетряски. Можно только представить себе, что пережил Постышев, ожидая Андреева. Но и на этот раз, казалось, гроза прошла стороной. Андреев ограничился созывом бюро, на котором высказал Постышеву недовольство руководства партии слабой борьбой с врагами в Куйбышевской области и приказал срочно выправить положение. Для начала были арестованы несколько областных руководителей.

Получив столь строгие указания, Постышев постарался продемонстрировать активность на поприще выкорчевывания «вражеского подполья». Полгода спустя второй секретарь Куйбышевского обкома Н. Г. Игнатов, обличая окончательно поверженного Постышева, говорил на пленуме ЦК ВКП(б), что после визита Андреева «у т. Постышева стиль появился другой. Он везде и всюду начал кричать, что нет порядочных людей, что много врагов... У нас в течение двух недель все секретари городских райкомов и весь аппарат райкомов в городе Куйбышеве бегали с лупами. Т. Постышев показал пример — вызвал к себе представителей райкомов, взял лупу и начал рассматривать тетради. Потом у всех тетрадей оборвали обложки якобы потому, что на обложках находили фашистскую свастику или еще что-либо. Дошли до того, что стали находить фашистские значки на печеньях, на конфетах карамель и на других предметах» [1]. Конечно, не все в этом заявлении следует принимать за «чистую монету». У Игнатова была цель дискредитировать Постышева, и он ее добивался любы-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 2. Д. 633. Л. 141.

ми методами. Однако факт остается фактом — в Куйбышевской области не без участия Постышева развернулись массовые репрессии, громились партийные организации. В короткий срок, например, были распущены более 30 райкомов ВКП(б), члены которых объявлены врагами народа.

Происходили подобные события с меньшим или большим размахом повсеместно, но именно Постышеву ужесточение репрессий было поставлено в вину на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в январе 1938 г. На этот раз дело затеяли всерьез. Рассмотрев вопрос о политически ошибочных решениях Куйбышевского обкома ВКП(б), Политбюро обвинило Постышева в «политически вредных» и «явно провокационных действиях» и освободило его от обязанностей первого секретаря обкома.

Через несколько дней это решение Политбюро послужило основанием для избиения Постышева на январском Пленуме ЦК ВКП(б). Формально в повестке дня пленума вопрос о Постышеве не стоял. Однако фактически ему посвятили чуть ли не целый день заседаний, разыграв «спектакль» в лучших традициях сталинской школы политических интриг.

Начало пленума не должно было вызвать у Постышева особой тревоги. Критика в его адрес, прозвучавшая в основном докладе Г. М. Маленкова, не выходила за рамки недавно принятого решения Политбюро о Куйбышевском обкоме. Никто не ставил под сомнение правомерность исполнения Постышевым обязанностей кандидата в члены Политбюро. А Сталин накануне пленума, видимо, пообещал Постышеву почетный пост председателя Комиссии советского контроля. А поэтому и Постышев, поднявшись на трибуну пленума, произнес речь, которую и должен был произнести кандидат в члены Политбюро, пусть и раскритикованный, но прощенный. Признав в немногих словах свои ошибки и спра-

ведливость решения Политбюро, Постышев начал высказываться по повестке дня, но неожиданно был атакован многочисленными обличающими репликами и вопросами, тон которым задали из президиума Молотов, Маленков и другие руководители партии. Это был старый и испытанный способ расправы с неугодными на партийных съездах и пленумах. Оппозиционерам и опальным деятелям устраивали настоящие обструкции: забрасывали негодующими выкриками, разоблачали, унижали. Обладая большим опытом по этой части, многие члены ЦК с полуслова понимали пожелания Сталина и дружно, словно борзые на зайца, обрушивались на очередную жертву.

Вдоволь поглумившись над выступавшим Постышевым, они приступили к исполнению сольных номеров. Каждый поднимавшийся на трибуну начинал и заканчивал осуждением Постышева. Особенно отличился на этом поприще второй секретарь Куйбышевского обкома Игнатов, некоторые выдержки из речи которого приводились выше. Он резко обрушился на своего недавнего шефа, обвинив его во многих грехах и прегрешениях. (Заметим в скобках, что Игнатов хорошо выполнил свою роль и, заслужив одобрение Сталина, сделал карьеру. Возглавляя в течение многих лет ряд областных и краевых парторганизаций, он в последний год жизни Сталина был произведен в секретари ЦК КПСС. При Хрущеве Игнатов занимал ответственные государственные посты, но, посчитав, что его обошли, вспомнил годы политической молодости и активно подключился к подготовке заговора против Хрущева, закончившегося октябрьским Пленумом 1964 г.)

Почетное право изобличить Постышева было предоставлено на пленуме Л. М. Кагановичу. Его речь, однозначно осуждающая, была тем не менее в некотором отношении примечательной. Как член Политбюро, Каганович, явно выполняя поручение Сталина, демонстри-

ровал непредвзятость руководства партии к Постышеву. Смысл его речи сводился к следующему: ЦК, вскрыв ошибки Постышева, пытался помочь ему и сохранить его как политического руководителя, готов был доверить даже пост председателя Комиссии советского контроля. Но сами видите, как Постышев выступил на пленуме, он обанкротился, не проявил должной закалки, фактически проигнорировал решение Политбюро о Куйбышевском обкоме. Вывод очевиден: как ни старалось руководство партии, Постышев погубил себя. «Если Постышев... сумеет искренне и честно перестроить себя,— многозначительно заявил Каганович,— поджать свое самолюбие и работать по-большевистски на любой работе, тогда он сумеет сохранить себя как работник в партии. А если у него пороху не окажется для этого, то, каковы бы ни были заслуги работника в прошлом, каково бы ни было его происхождение... партия должна будет сделать соответствующие выводы и прежде всего осудить подобные грубые ошибки».

Выслушав эти обвинения, пытавшийся поначалу протестовать и объясниться, Постышев стал хвататься за последнюю соломинку, казалось, поданную ему Кагановичем, сдался и стал каяться: «Я, товарищи, только одно могу сказать, что я признаю целиком и полностью свою речь, которую я произнес здесь, неправильной и непартийной. Как я произнес эту речь, я и сам понять не могу. Я прошу пленум ЦК простить меня. Я никогда не был не только с врагами, но всегда боролся против врагов, я всегда вместе с партией дрался с врагами народа от всей большевистской души и буду драться с врагами народа от всей большевистской души. Я ошибок наделал много. Я их не понимал. Может быть, я и сейчас их еще не понял до конца. Я только одно скажу, что я речь сказал неправильную, непартийную и прошу пленум ЦК меня за эту речь простить».

Именно это и было нужно Сталину. Теперь Посты-

шев предстал перед членами ЦК и достаточно широким кругом посвященных (а стенограммы пленума, как обычно, рассылались на места) не упорствующей жертвой, способной вызвать сочувствие, сомнения в предъявленных обвинениях, а раскаявшимся грешником, получившим по заслугам. (Этот прием непременного раскаяния Сталин, кстати, использовал постоянно. Вспомним, например, сколь упорно он заставлял — и заставил — каяться объявившего было голодовку Бухарина на февральско-мартовском Пленуме 1937 г.) Вслед за раскаянием же, как обычно, следовал удар. Взяв слово в самом конце заседания 14 января, Сталин неожиданно заявил: «У нас здесь в президиуме ЦК или Политбюро, как хотите, сложилось мнение, что после всего случившегося надо какие-либо меры принять в отношении тов. Постышева. И мнение сложилось такое, что следовало бы его вывести из состава кандидатов в члены Политбюро, оставив его членом ЦК»[1]. На освободившееся место кандидата в члены Политбюро Сталин предложил Хрущева, и пленум поддержал его.

Судьба Постышева была предрешена. Через несколько недель после пленума Политбюро решило передать дело Постышева в КПК при ЦК ВКП(б). Разбирательство в этом партийном суде было скорым. К обвинениям в провокационном избиении кадров прибавились новые: подобранные Постышевым сотрудники оказались-де шпионами, а он «по меньшей мере» знал о наличии «контрреволюционной организации» и был осведомлен об участии в ней своих ближайших помощников. 17 февраля Политбюро утвердило решение КПК. Постышева исключили из партии, а вскоре арестовали и расстреляли.

В определенном смысле судьба Постышева была исключением. Мало с кем из репрессированных партий-

---

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 2. Д. 633. Л. 240.

ных руководителей Сталин вел столь длительные игры. Расправы чем дальше, тем больше становились скорыми, и не в последнюю очередь потому, что вождь уже мог не опасаться какого-либо противодействия со стороны ЦК и на всякий случай создавать видимость «непредвзятости». Большевики ленинского поколения оказались совершенно бессильными перед сталинской диктатурой, и их немногочисленные и слабые попытки к сопротивлению были без труда сломлены вождем, опиравшимся на страх и разобщенность партийного «генералитета» и силу НКВД.

СТАЛИН И ОРДЖОНИКИДЗЕ

С того момента, когда Н. С. Хрущев на XX съезде партии открыто заявил, что смерть Г. К. Орджоникидзе в феврале 1937 г. была ничем иным, как самоубийством, вызванным преследованиями Сталина, этот сюжет нашей истории привлекает постоянный интерес и специалистов, и читателей. Отдавая должное воспоминаниям, в какой-то мере проливающим свет на это событие, следует все же сказать: обстоятельства смерти Орджоникидзе почти не прояснены. Самое главное — нет ответа на вопросы: почему произошел конфликт между Сталиным и Орджоникидзе, почему Орджоникидзе не пошел по пути Молотова, Кагановича, Ворошилова? Было это вызвано какими-то претензиями Орджоникидзе или коварством убиравшего всех потенциальных конкурентов Сталина? Был ли Орджоникидзе бессловесной жертвой, или его конфликт с вождем имел все же некие принципиальные основания?

Начать, пожалуй, нужно с того, что Орджоникидзе являлся одним из самых популярных вождей партии в 30-е годы. Наркомат тяжелой промышленности, которым он управлял, был крупнейшим ведомством. По нынешним меркам это — своеобразное министерство

министерств, каждый главк которого руководил целой отраслью. Деятельность наркомата постоянно находилась в центре общественного внимания. Его объекты символизировали растущую мощь страны, и именно их возведение с самого начала было объявлено главной целью индустриализации. Предприятия наркомата оснащались самой передовой техникой, значительная часть которой закупалась за границей, и на это уходила львиная доля валютных ресурсов государства.

Управляя столь сложным хозяйством, Орджоникидзе — человек энергичный и работоспособный — в какой-то мере менялся. Между Орджоникидзе конца 20-х годов, когда он возглавлял карательный по сути орган — ЦКК — РКИ и, ни за что не отвечая, мог безнаказанно громить всех неугодных, и Орджоникидзе середины 30-х годов, на котором лежала ответственность за нормальное функционирование наркомата,— дистанция огромного размера. И один из важнейших уроков, которые, судя по всему, усвоил Орджоникидзе за эти годы, заключался в том, что без компетентных, ответственных и инициативных работников, кадровой стабильности хозяйственные успехи невозможны. Поэтому и собирал он вокруг себя людей, невзирая на их политическое прошлое. На 1 декабря 1936 г. только в центральном аппарате Наркомтяжпрома из 743 членов и кандидатов в члены партии 42 человека имели партвзыскания, в том числе 12 за участие в троцкистской оппозиции, 80 — были выходцами из других партий — бывшие меньшевики, эсеры и даже анархисты. Кроме того, держал Орджоникидзе в аппарате 160 работников, исключенных из партии, 169 — беспартийных, состоявших ранее в других политических партиях, 71 бывшего офицера белой армии, 94 человека, имевших судимость за так называемую контрреволюционную деятельность, то есть всевозможных «вредителей», 131 выходца из семей торговцев и промышленников и 133 — из дворянских семей,

287 офицеров старой армии. И это уже после того, как в наркомате вслед за арестом заместителя наркома Пятакова прошла масштабная чистка.

К слову, и о самом Пятакове. В «Письме к съезду», характеризуя вождей партии, Ленин назвал его и Бухарина самыми выдающимися силами из самых молодых сил. Пятаков, по мнению Ленина, был человеком «несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе» [1]. В 1927 г. Пятаков вместе с другими лидерами троцкистской оппозиции был исключен из партии, но вскоре покаялся, получил партбилет и ответственный пост на хозяйственной работе. В течение нескольких лет Пятаков был заместителем Орджоникидзе. На этом поприще в полной мере проявились его, отмеченные еще Лениным, и сильная воля, и выдающиеся способности. Однако политическое прошлое, несмотря на многочисленные заслуги и политическую лояльность, Сталин Пятакову не простил.

Серьезное недовольство вождя вызывала дружба Орджоникидзе с другим опальным оппозиционером — В. В. Ломинадзе. В конце 20-х годов Ломинадзе возглавлял Закавказскую партийную организацию, но вскоре выступил против сталинской политики и вместе с Председателем Совета Народных Комиссаров РСФСР С. И. Сырцовым был подвергнут «проработке» за создание мифического «право-левого блока». На февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме, когда Орджоникидзе уже не было в живых, Сталин вспомнил о деле Ломинадзе и резко критиковал Серго за примиренчество и либерализм. Он утверждал, что Орджоникидзе состоял с

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

Ломинадзе в откровенной переписке, хорошо знал о его «антипартийных настроениях», но скрыл их от ЦК. Однажды, говорил Сталин, «т. Серго получил одно очень нехорошее, неприятное и непартийное письмо от Ломинадзе. Он зашел ко мне и говорит: «Я хочу тебе прочесть письмо Ломинадзе».— «О чем там говорится?» —«Нехорошее».— «Дай мне, я в Политбюро доложу».— «Не могу».— «Почему?» — «Я ему дал слово».— «Как ты мог дать слово, ты — председатель ЦКК, хранитель партийных традиций, как ты мог дать человеку честное слово, что антипартийное письмо в ЦК и против ЦК не покажешь Центральному Комитету?» — «Вот не могу». Он просил несколько раз, умолял прочитать. Но, видимо, морально он хотел разделить со мной ответственность за те секреты, которые у него имелись с Ломинадзе, не разделяя, конечно, его взглядов... Чисто такое дворянское отношение к делу, по-моему, рыцарское, я бы сказал».

По словам Сталина, Серго тяжело переживал гонения, обрушившиеся вскоре на Ломинадзе, «потому что лично доверял человеку, а он его личное доверие обманул». Орджоникидзе, утверждал Сталин, узнав об участии Ломинадзе в «право-левом блоке», даже требовал его расстрела.

Однако в этом случае Сталин, воспользовавшись смертью Орджоникидзе, скорее всего лгал. Ни один из документов по делу Ломинадзе не подтверждает информацию о том, что Орджоникидзе выступал за расстрел Ломинадзе. Более того, Серго продолжал оказывать ему помощь. Благодаря Орджоникидзе, Ломинадзе достаточно быстро упрочил свое положение, был награжден орденом Ленина и получил престижный пост секретаря Магнитогорского горкома партии.

Сталин до поры до времени не вмешивался в судьбу Ломинадзе. Однако после убийства Кирова, когда начались репрессии против бывших оппозиционеров, вождь

вспомнил и о нем. У арестованных зиновьевцев в НКВД выбили соответствующие показания и завели на Ломинадзе дело. Не дожидаясь ареста, в январе 1935 г. он покончил с собой. Заместитель Ломинадзе тотчас продиктовал по телефону в Москву предсмертное письмо: «Просьба передать тов. Орджоникидзе. Я решил давно уже избрать этот конец на тот случай, если мне не поверят. Видимо, на меня еще наговорили чего-то... Мне пришлось бы доказывать вздорность и всю несерьезность этих наговоров, оправдываться и убеждать, и при всем том мне могли бы не поверить. Перенести все это я не в состоянии... Мне предстоит процедура, которую я порой не в состоянии вынести. Несмотря на все свои ошибки, я всю свою сознательную жизнь отдал делу коммунизма, делу нашей партии. Ясно только, что не дожил до решительной схватки на международной арене. А она недалека. Умираю с полной верой в победу нашего дела... Прошу помочь семье». Орджоникидзе выполнил эту просьбу. Пока Серго был жив, жене Ломинадзе выплачивали за мужа пенсию. Это был невиданный случай: пенсия семье человека, объявленного врагом! Не исключено, кстати, что по этому поводу у Орджоникидзе и Сталина состоялись какие-то объяснения. Во всяком случае, сразу же после смерти Серго жену Ломинадзе лишили пенсии, а вскоре арестовали.

Случай с Ломинадзе был самым известным, но не единственным поводом для конфликтов Орджоникидзе и Сталина. На том же февральско-мартовском Пленуме, обрушившись на покойного Орджоникидзе, Сталин восклицал: «Сколько крови он себе испортил за то, чтобы отстаивать против всех таких, как видно теперь, мерзавцев, как Варданян, Гогоберидзе, Меликсетов, Окуджава (все это были знакомые или сотрудники Орджоникидзе, которым он оказывал поддержку и долгое время спасал от расправ.— *О. Х.*). Сколько он крови себе испортил и нам сколько крови испортил...»

Орджоникидзе, в отличие от многих других руководителей, защищал своих людей. По утверждению А. С. Точинского, бывшего в Наркомтяжпроме главным инженером управления металлургической промышленности, Орджоникидзе добился решения, в соответствии с которым «ни один государственный орган, ни прокуратура, ни суд, ни НКВД не имели права, не могли выдергивать ни одного инженера, мастера, начальника цеха без согласования с директором предприятия, а затем без согласования с самим Серго». При этом следует учесть, что был Орджоникидзе человеком вспыльчивым, грубым и нередко отстаивал свои интересы в самой резкой форме, идя на острые конфликты. Тот же Точинский вспоминал, как на одном из заседаний СНК СССР Орджоникидзе «со всей силой своей напористости» обрушился на Я. Рудзутака, критиковавшего наркомат по одному из вопросов. «Когда председательствующий Молотов попробовал его остановить... чтобы он смягчил свое выступление, товарищ Серго не вытерпел, ударил кулаком по столу и заявил в таком духе: с каких это пор члену Политбюро не дают говорить на заседании о том, что он должен сказать». Таким же остался Орджоникидзе и в памяти Н. С. Хрущева: «В 30-е годы обсуждение некоторых вопросов проходило довольно бурно, особенно если кто-нибудь позволял себе выразить свои эмоции... Раз, например, вспылил Серго, вообще очень горячий человек, налетел на наркома внешней торговли Розенгольца и чуть не ударил его...» [1]

Несомненно: являясь последовательным и верным сторонником Сталина, Орджоникидзе, возможно, меньше, чем другие соратники вождя, был слепым орудием в его руках. Человек своевольный, с тяжелым характе-

[1] Вопросы истории. 1990. № 2. С. 107.

ром, он во многих ситуациях проявлял строптивость, плохо управлялся. Конфликты между Орджоникидзе и Сталиным, возникавшие на этой почве, начали обостряться с конца 1936 г., когда Сталин приступил к непосредственной организации «большой чистки».

Летом 1936 г. стали обнаруживаться разногласия между хозяйственниками и политическим руководством страны по поводу «саботажа» стахановского движения. Сталин, как уже говорилось, использовал эту кампанию для ужесточения репрессивной политики, организации новой волны «спецеедства». Главным тормозом развития стахановского движения он называл саботаж инженерно-технических работников и хозяйственников и требовал беспощадно ломать его. Подобная политика в течение нескольких месяцев нанесла промышленности огромный урон. Это, с одной стороны, заставило несколько отступить Сталина, а с другой, сделало более решительными хозяйственных руководителей. Хорошо зная о реальных причинах многочисленных провалов и неувязок в экономике, истинную цену обвинениям во вредительстве и саботаже, они начали роптать.

В очередной раз открыто это недовольство проявилось в конце июня 1936 г. на совете при народном комиссаре тяжелой промышленности. Объясняя причины экономических трудностей, многие руководители предприятий прямо заявляли о пассивности и безответственности инженеров в результате репрессий и обвинений в саботаже. «Основная причина невыполнения нашим трестом производственной программы,— заявил управляющий трестом «Сталинуголь» А. М. Хачатурьянц,— это неудовлетворительная работа командного состава... Командный состав не работает интенсивно вследствие обвинений, которые без разбора предъявлялись к нему... Вместо того чтобы думать, каким образом ввести те или иные новшества... инженеры, боясь попасть в положение саботажников или консерваторов, старались все де-

лать по букве закона» [1]. Подводя итоги совета, Орджоникидзе поддержал такие выступления. Он назвал обвинения инженерно-технических работников в саботаже «чепухой». «Какие там саботажники! За 19 лет существования Советской власти мы... выпустили 100 с лишним тысяч инженеров и такое же количество техников. Если все они, а также и старые инженеры, которых мы перевоспитали, оказались в 1936 г. саботажниками, то поздравьте себя с таким успехом. Какие там саботажники! Не саботажники, а хорошие люди — наши сыновья, наши братья, наши товарищи, которые целиком и полностью за Советскую власть»,— заявил Орджоникидзе и был поддержан «бурными и продолжительными аплодисментами» [2]. Тут же Орджоникидзе предложил новую формулу объяснения недоработок специалистов: «Теперь же не может быть разговоров о том, что инженерно-технический персонал относится отрицательно к стахановскому движению. Его беда в том, что он еще не научился по-стахановски работать» [3].

Последующие события показали, что продемонстрированное на совете неприятие гонений против специалистов, хозяйственников не было простой декларацией. Несмотря на усиливающиеся репрессии, Орджоникидзе продолжал попытки вывести из-под удара своих людей и в ряде случаев добивался успеха. Широкую огласку получила, в частности, реабилитация двух директоров — саткинского завода «Магнезит» в Челябинской области Табакова и Криворожского металлургического комбината Весника.

28 августа 1936 г. Орджоникидзе прочитал письмо директора Кыштымского электролитного завода, что

---

[1] Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. 25—29 июня 1936 г. Стенографический отчет. М., 1936. С. 92—93.

[2] Там же. С. 390.

[3] Там же. С. 395.

расположен в Челябинской области, В. П. Курчавого. Директор просил спасти от преследований со стороны местных партийных руководителей, помочь восстановиться в партии. Подробно рассказав историю своих злоключений, Курчавый сообщил, что одним из инициаторов изгнания его из рядов ВКП(б) была газета «Челябинский рабочий», поместившая статью, в которой директора электролитного завода обвинили в либеральном отношении к троцкистам. Реакция наркома на жалобу была положительной. Он решил поддержать директора и написал резолюцию: «Тов. Ежову (Ежов занимался тогда всеми делами, связанными с исключениями из партии.— *О. Х.*). Просьба обратить на это внимание» [1].

О письме Курчавого Орджоникидзе, наверное, вспомнил на следующий день, когда в «Известиях» за 29 августа прочитал заметку челябинского корреспондента газеты под названием «Разоблаченный враг». В статье, основные выводы которой были вполне ясны из заголовка, излагалась очень похожая история: на саткинском заводе «Магнезит» за пособничество троцкистам разоблачен и исключен из партии директор Табаков. Оперативно проведенная, скорее всего по поручению Орджоникидзе, проверка показала, что роковую роль в судьбе Табакова сыграла все та же газета «Челябинский рабочий». Не утруждаясь проверкой фактов, она опубликовала рассказ об обстоятельствах дела Табакова, которые, в свою очередь, поспешил взять на вооружение корреспондент «Известий».

Стараниями Орджоникидзе дело Табакова подняли на принципиальную высоту. Уже 1 сентября в газетах появилось решение ЦК ВКП(б), в котором обвинения против Табакова были признаны ошибочными. Местным партийным руководителям, исключавшим Табакова, и

---

[1] ЦПА. Ф. 85. Оп. 29. Д. 722. Л. 1.

редактору газеты «Челябинский рабочий» сделали публичное внушение, а корреспондент «Известий» Дубинский «за сообщение без проверки данных о Табакове, взятых им из местной газеты» поплатился должностью.

Одновременно с делом Табакова 31 августа на заседании Политбюро ЦК решался вопрос о Днепропетровском обкоме КП(б)У. Один из его пунктов касался судьбы директора Криворожского металлургического комбината Я. И. Весника. Этот известный в стране хозяйственник, имя которого еще совсем недавно мелькало в газетах, был обвинен в содействии контрреволюционерам-троцкистам и исключен из партии. Политбюро вступилось за Весника и возвратило ему партийный билет. А 5 сентября «Правда» поместила информацию о пленуме Днепропетровского обкома, на котором обсуждалось постановление Политбюро от 31 августа. Сделав необходимые заявления об активизации борьбы с врагами, пленум «решительно предупредил» «против допущения в дальнейшем имевших место... перегибов, выразившихся в огульном зачислении членов партии в троцкисты и их пособники без достаточных на то серьезных оснований».

Кстати, в тот же день, 5 сентября, формально уже находившийся в отпуске Орджоникидзе прочитал еще одно письмо — от начальника доменного цеха «Запорожстали» М. Я. Горлова. «Я прошу Вас, товарищ Орджоникидзе, вмешаться лично или через товарища Ежова и выяснить мою неприкосновенность к такому тяжелому обвинению — троцкизм» [1],— писал он. Резолюция Орджоникидзе была: «Тов. Ежову — Прошу разобрать».

Однако очень скоро возможностей для такого рода просьб, не говоря уже о проведении соответствующих решений через Политбюро, стало меньше. Над Наркоматом тяжелой промышленности сгущались тучи. Предве-

[1] ЦПА. Ф. 85. Оп. 29. Д. 710. Л. 5.

стником новых репрессий были гонения, обрушившиеся в конце лета на первого заместителя Орджоникидзе Г. Л. Пятакова.

Несколько месяцев, пока в НКВД выбивали показания против Пятакова у арестованных зиновьевцев, он находился в «подвешенном состоянии». 22 августа на судебном процессе по делу «объединенного троцкистского центра» прокурор Вышинский заявил, что, учитывая показания подсудимых, им отдано распоряжение о начале расследования в отношении Пятакова. И все же в Наркомате тяжелой промышленности продолжали надеяться, что Орджоникидзе защитит своего заместителя. Об этих настроениях свидетельствовал такой факт.

Сразу же после заявления Вышинского руководители Блявинского медеплавильного комбината им. Пятакова в Оренбургской области организовали митинг, на котором выдвинули предложение снять с предприятия имя опального замнаркома. Инициатива эта была вполне в духе времени и свидетельствовала о том, что рядовые работники неплохо разбирались в сути «текущей политики». Однако на этот раз дело несколько притормозилось. В последних числах августа на комбинат приехал один из руководителей Наркомтяжпрома — А. П. Серебровский. Вызвав инициатора митинга директора рудника Цивина, он сделал ему внушение: «Это ты являешься законерщиком снятия имени и портретов Пятакова, а ты знаешь, что это может сделать только ЦИК?» Собрав совещание инженерно-технических работников, Серебровский публично взял Пятакова под защиту. Он заявил, что сейчас ведется следствие и Пятаков может оказаться невиновным, так как его просто впутывают в это дело троцкисты. Именно так, добавил Серебровский, объясняет ситуацию и сам Пятаков, с которым он только недавно встретился в Свердловске. Пятаков, по словам Серебровского, сказал ему, что скоро вернется в Москву и задаст троцкистам бучу.

Пятаков действительно был в то время на Урале и все еще надеялся, что дело образуется. 9 сентября он написал Орджоникидзе письмо. Доложив о результатах инспекции предприятий медной промышленности, он пожаловался, что политические обвинения, прозвучавшие на процессе в Москве, мешают его нормальной работе: «В партийных организациях я натыкаюсь на большую настороженность, недоумение... Тень подозрения после заявления т. Вышинского сильно ослабляет все мои усилия». Заключительную часть письма составлял призыв о помощи: «Серго. Ты представь себе всех тех партийных товарищей, с которыми мне приходится встречаться и в одиночку, и на собраниях. Ведь они не знают, что эти контрреволюционные убийцы в последнем припадке злобы пустили против меня клевету, и, естественно, просто не знают, как быть с моими указаниями, выступлениями, требованиями и т. п. Я отлично понимаю, что раз на суде было сделано заявление, то т. Вышинский не мог иначе реагировать и обязан был заявить, что будет произведено следствие... Но поскольку это действительно гнусная ложь, поскольку я был и остаюсь человеком, преданным руководству нашей партии и нашей страны... и поскольку тень подозрений буквально сковывает активность партийных организаций в деле помощи по проведению работы по подъему медной промышленности, надо же как-то разрядить это напряжение подозрения...

Ты для меня являешься не только членом ПБ (Политбюро.— *О. Х.*) и наркомом, ты являешься тем товарищем, к которому я лично привязан всей душой, которому я всегда высказывал все, что я думаю, и поэтому я в данном случае позволил себе написать и об этих моих тяжелых условиях. Если я не прав — скажи мне. Мне ведь не с кем, кроме тебя, посоветоваться».

Никакими достоверными фактами о том, что Орджоникидзе как-то пытался защитить Пятакова, мы не рас-

полагаем. Трудно, однако, предположить, что он оставался безучастным к судьбе своего первого заместителя, хотя бы потому, что обвинения, выдвинутые против Пятакова, косвенно затрагивали и самого Серго. Но как бы там ни было, в ночь на 12 сентября Пятаков был арестован. Это еще больше осложнило обстановку в Наркомате тяжелой промышленности и ухудшило положение Орджоникидзе.

Через две недели Сталин послал в Москву телеграмму о назначении наркомом внутренних дел Ежова. Видимо, в связи с этим Орджоникидзе, отдыхавший в Кисловодске, в конце сентября ненадолго приезжал к вождю в Сочи. Об этой встрече пока можем судить лишь по одной фразе из письма Кагановича, которое он направил Орджоникидзе 30 сентября. «Что касается контрреволюционных дел, то я не пишу тебе, потому что ты был у хозяина и все читал и беседовал. Нового другого по сравнению с тем, что ты знаешь, пока нет»[1]. На основании этого с большой долей вероятности можно лишь утверждать, что встреча Сталина и Орджоникидзе состоялась скорее всего в тот момент, когда оставшиеся в Москве члены Политбюро принимали решение о назначении Ежова. Судя по всему, Сталин показал Орджоникидзе новые протоколы допросов арестованных «врагов», разъяснил ему смысл решения о смене верхушки НКВД — ведь как член Политбюро Серго должен был поставить под этим постановлением и свою подпись.

Возражал ли тогда Орджоникидзе Сталину, неизвестно. Но обращает на себя внимание следующее обстоятельство: Каганович в упомянутом выше письме от 30 сентября настойчиво и даже слишком энергично, не жалея слов восхищения, поддерживал сталинскую телеграмму. «Главная наша последняя новость,— писал он,— это назначение Ежова. Это замечательное, мудрое

[1] ЦПА. Ф. 85. Оп. 27. Д. 93. Л. 22.

решение нашего родителя назрело и встретило прекрасное отношение в партии и стране... У Ежова наверняка дела пойдут хорошо. По моим сведениям, и в среде чекистов за небольшим исключением встретили смену руководства хорошо»[1]. Создается впечатление, что Каганович специально демонстрировал Орджоникидзе однозначную поддержку принятых мер, словно убеждал его не спорить с «хозяином».

Однако сдержанность или недовольство Орджоникидзе, даже если они и имели место, никакой роли уже не играли. После смены руководства НКВД репрессии усилились. Значительный размах приобрела и фабрикация дел о вредительстве в промышленности. Под политические статьи подводились многочисленные случаи бесхозяйственности. В конце ноября Прокурор СССР Вышинский распорядился в месячный срок изучить все уголовные дела о крупных пожарах, авариях, выпуске недоброкачественной продукции с целью выявления их контрреволюционной, вредительской подоплеки[2]. Новую волну репрессий против хозяйственников вызвал состоявшийся в конце января 1937 г. открытый процесс по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра». Проходившие по нему Г. Л. Пятаков, начальник Главхимпрома Наркомата тяжелой промышленности С. А. Ратайчак и другие сотрудники ведомства Орджоникидзе были приговорены к расстрелу.

Положение самого Серго с каждым днем становилось все хуже. Продолжая аресты среди работников Наркомтяжпрома, НКВД добралось и до семьи наркома — был арестован старший брат Орджоникидзе Павел (Папулия).

Репрессии против членов семей своих соратников

[1] ЦПА. Ф. 85. Оп. 27. Д. 93. Л. 11.
[2] См.: Советское государство и право. 1965. № 3. С. 24.

Сталин использовал как своеобразный пробный шар на лояльность — смолчат или нет? Как известно, многие молчали. С Орджоникидзе этого не произошло.

Известие об аресте брата он получил в октябре 1936 г., находясь на отдыхе в Кисловодске. Момент удара Сталин избрал с особым цинизмом — именно в эти дни Орджоникидзе исполнилось 50 лет и по этому поводу в стране была организована шумная кампания приветствий. О состоянии Орджоникидзе в тот момент можно судить по некоторым, достаточно глухим, свидетельствам. Так, секретарь ЦК КП Азербайджана М. Багиров, давая в 1953 г. показания по делу Берия, рассказывал: «За несколько месяцев до своей смерти Серго Орджоникидзе посетил в последний раз Кисловодск. В этот раз он позвонил ко мне по телефону и попросил приехать к нему. Я выполнил эту просьбу Орджоникидзе и приехал в Кисловодск... Орджоникидзе подробно расспрашивал меня о Берии и отзывался при этом о нем резко отрицательно. В частности, Орджоникидзе говорил, что не может поверить в виновность своего брата Папулии, арестованного в то время Берией»[1]. «27 октября,— вспоминала жена Орджоникидзе,— в Пятигорске проходило торжественное заседание, посвященное пятидесятилетию Серго. Он отказался присутствовать на нем, и я отправилась туда одна»[2]. В самом конце октября Орджоникидзе уехал в Москву и вскоре после приезда в столицу с ним случился сердечный приступ.

Орджоникидзе пытался спасти брата. По воспоминаниям современников, которые собрал А. Антонов-Овсеенко, он неоднократно обращался к Сталину, предлагал вызвать и допросить Папулию в Москве. Однако Сталин категорически отказал, заявил, что доверяет ор-

---

[1] Цит. по: Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 368.

[2] О Серго Орджоникидзе: Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1981. С. 272 (далее — о Серго Орджоникидзе...).

ганам НКВД и не собирается прощать измену за прошлые заслуги [1].

В декабре 1936 г. сгустились тучи над другим братом Орджоникидзе, Валико, который работал ревизором финансово-бюджетной инспекции в финансовом отделе Тбилисского Совета. В начале ноября один из его коллег написал донос, в котором информировал, что Валико ведет разговоры о невиновности Папулии и дружит с троцкистами. Валико вызвали в партком Тбилисского Совета, и он не только подтвердил все, что было написано в заявлении бдительного коллеги, но добавил: «Папулия Орджоникидзе не мог работать против своего брата тов. Серго Орджоникидзе и вождя народа тов. Сталина, которого лично знает...» А на возражения членов парткома ответил: «Вы сами убедитесь в невиновности не только моего брата, но и других, которые будут освобождены в скором времени». За подобную дерзость Валико исключили из группы сочувствующих ВКП(б) и сняли с работы.

Тогда в дело вмешался Серго. Полностью встав на сторону брата, он позвонил в Тбилиси Берии и попросил о помощи. Тот в свою очередь проявил подчеркнутую оперативность: вызвал к себе Валико, запросил объяснительную у председателя Тбилисского Совета, и уже примерно через неделю Серго получил письмо: «Дорогой товарищ Серго! После Вашего звонка я немедленно вызвал к себе Валико, и он рассказал мне историю своего увольнения, подтвердил примерно то, что изложено в прилагаемом при этом объяснении председателя Тбилисского Совета т. Ниорадзе. В тот же день Валико был восстановлен на работе. Ваш Л. Берия».

Отбиваясь от наседавших со всех сторон неприятностей, Орджоникидзе был, конечно, очень ограничен в своих возможностях приостановить репрессии. Единст-

[1] См.: Берия: конец карьеры. С. 42.

венное, на что он надеялся,— это доказать Сталину, что усиление террора неоправданно. И чтобы не раздражать вождя, избрал при этом такую тактику: НКВД, мол, уже разоблачил основную массу врагов, и главная задача состоит в том, чтобы добросовестным трудом восполнить последствия вредительства. Эту мысль Орджоникидзе повторял постоянно во всех своих последних речах.

1 февраля 1937 г., выступая на приеме работников нефтеперерабатывающих заводов, он практически повторил фразу из более раннего выступления — на совете при Наркомтяжпроме в июне 1936 г.: «...Наш инженер... строит свой дом в своем Советском Союзе. Он отдает делу строительства социализма все свои силы, все свои знания... Таких — я смею заявить — имеется в нашей стране, по крайней мере... не менее 90 проц. *(Аплодисменты.)* Иначе и быть не может. Это наши родные сыновья, наши братья, которых мы воспитали» [1]. Подлинный смысл этого заявления через день после завершения процесса над Пятаковым и другими руководителями промышленности был понят присутствующими, о чем, между прочим, свидетельствовала и их поддержка аплодисментами попыток Орджоникидзе установить своеобразную количественную границу, дальше которой репрессии не должны были распространяться.

Крайнее раздражение и одновременно подавленность Орджоникидзе выдает последняя его речь на собрании начальников главков Наркомата тяжелой промышленности 5 февраля. Судя по ней, Серго угнетали обрушившиеся на наркомат после суда над Пятаковым обвинения в политической неблагонадежности, отсутствии бдительности, тревожило сложное положение, в котором оказалась тяжелая промышленность зимой 1937 г. Наряду с обычными климатическими трудностя-

[1] Правда. 1937. 8 марта.

ми на этот раз экономику лихорадили разрушительные последствия начавшихся массовых репрессий: падала ответственность руководителей, ухудшалась дисциплина. «На некоторых заводах сейчас,— говорил об этом Орджоникидзе,— директора в связи с процессом мерзавцев (январский суд над Пятаковым и другими.— *О. Х.*) чувствуют себя так, что их атакуют, будто они преступники... Ничего подобного, им нужно прямо сказать, они — не преступники, они кадры наши. Преступников поймали, расстреляли... не о них речь, а об огромной массе кадров, прекрасных кадров, нами выращенных, хороших кадров. Вот это им и нужно прямо сказать. Нужно не становиться в сторону от того, что на заводах идет клокотание среди рабочих, направить на подъем производительности труда и упорядочение дела на заводах» [1].

Судя по всему, Орджоникидзе пытался доказать и Сталину, что репрессии дезорганизуют производство. Явно с этой целью он передал в Политбюро письмо директора Днепропетровского металлургического завода, старого члена партии С. П. Бирмана. Он, в частности, писал Орджоникидзе (письмо цитируется не по оригиналу, а в том виде, как его зачитал участникам февральско-мартовского Пленума Молотов): «Положение, создающееся особенно в последнее время здесь, в Днепропетровске, вынуждает меня обратиться к Вам, как к старшему товарищу, как к члену Политбюро, за указаниями и за содействием. Мне кажется, что директиву высших партийных инстанций о всемерном развертывании критики и самокритики здесь, в Днепропетровске, в некоторых отношениях поняли неправильно. Иностранное слово «критика» здесь часто путают с русским словом «трепаться». Я полагаю, что директива партии направлена на то, чтобы путем добросовестной критики

[1] ЦПА. Ф. 85. Оп. 29. Д. 156. Л. 5—6.

выявить действительных врагов, вскрыть действительные недостатки. Здесь же многие поняли так, что надо во что бы то ни стало обливать грязью друг друга, но в первую очередь определенную категорию руководящих работников.

Этой определенной категорией руководящих работников и являются в первую очередь хозяйственники, директора крупных заводов, которые, как по мановению таинственной волшебной палочки, сделались центральной мишенью этой части самокритики. Установлено, что одной из основных причин всего того, что произошло, является забвение партийными организациями партийной работы. Однако в выступлениях немалого количества партийных работников на только что состоявшемся трехдневном заседании областного партийного актива, вместо действительной самокритики получилось так, что причиной всех бед являются хозяйственники»[1].

Стремление притормозить новую волну репрессий проявилось и в документах, которые Орджоникидзе готовил к предстоящему в последней декаде февраля 1937 г. Пленуму ЦК ВКП(б). По поручению Политбюро он должен был докладывать на пленуме о вредительстве в тяжелой промышленности и мерах по преодолению его последствий. Текст самого доклада пока неизвестен. Однако определенное представление о том, что собирался сказать Орджоникидзе, дает проект резолюции, подготовленный Серго и переданный им Сталину. Документ этот был составлен в спокойных тонах. Упоминание о вредительстве носило достаточно формальный характер. Основное внимание уделялось техническим мероприятиям, которые необходимо осуществить для улучшения работы индустрии. Начинались тезисы с констатации успехов, которые «достигнуты благодаря

[1] Большевик. 1937. № 8. С. 38—39.

нашим кадрам инженеров, техников и хозяйственников, выращенных партией из сынов рабочего класса и крестьянства»[1].

Ко времени составления проекта резолюции пленума обвинения во вредительстве, предъявленные работникам тяжелой промышленности, основывались на показаниях, выбитых у арестованных руководителей центрального аппарата этого ведомства — Пятакова, Ратайчака и директоров ряда предприятий. Так, на строительстве вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле были арестованы начальник строительства Л. М. Марьясин и другие работники. Руководители кемеровского «Химкомбинатстроя» в январе 1937 г. проходили по процессу «параллельного троцкистского центра» и т. д. Орджоникидзе предлагал провести самостоятельную проверку этих дел силами Наркомтяжпрома. В проект резолюции он включил соответствующий пункт: поручить НКТП в десятидневный срок доложить ЦК ВКП(б) о состоянии строительства Кемеровского химкомбината, «Уралвагонстроя», «Средуралмедьстроя», наметив конкретные мероприятия для ликвидации последствий вредительства.

Как выяснится вскоре, предлагая в проект постановления пленума эту формулировку, Орджоникидзе хитрил. Решив всерьез проверить истинность дел, сфабрикованных НКВД, он изобретал благовидный предлог: комиссии рассылаются согласно решениям (пусть еще и не принятым) Пленума для подготовки программы преодоления последствий вредительства. В действительности же Серго дал своим работникам совсем другие директивы.

Об этом ключевом моменте, характеризующем реальную позицию Орджоникидзе накануне февральско-мартовского Пленума, мы можем судить благодаря слу-

---

[1] ЦПА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3350. Л. 1.

чайности. Именно так, видимо, можно оценить публикацию 21 февраля 1937 г. в газете НКТП «За индустриализацию» статьи профессора Н. Гельперина «Директивы наркома». Этот достаточно откровенный и написанный, что называется, по горячим следам материал успел буквально проскочить в небольшой цензурный зазор, образовавшийся в период относительного замешательства — от смерти Орджоникидзе до официальной негативной оценки деятельности Наркомтяжпрома на февральско-мартовском Пленуме. Через несколько дней, после того как Молотов в докладе на Пленуме подверг комиссии, посланные Орджоникидзе, резкой критике, заметка Гельперина ни за что бы не увидела свет, да и сам он вряд ли осмелился бы написать нечто подобное.

По словам Гельперина, Орджоникидзе вызвал его 5 февраля и попросил отправиться в Кемерово, напутствуя такими словами: «Учтите... что вы едете в такое место, где был один из довольно активных вредительских центров. Все тамошние честные работники — а их подавляющее большинство — сильно переживают эту историю. Вы сами, наверное, тоже находитесь под впечатлением недавно прошедшего процесса. Так вот, помните, что у малодушных или недостаточно добросовестных людей может появиться желание все валить на вредительство, чтобы, так сказать, утопить во вредительском процессе свои собственные ошибки. Было бы в корне неправильно допустить это. Мы не получили бы точной картины того, что было, и, следовательно, не знали бы, что и как надо исправлять. Вы подойдите к этому делу как техник, постарайтесь отличить сознательное вредительство от непроизвольной ошибки — в этом главная ваша задача».

Таким образом, Орджоникидзе фактически требовал от своих сотрудников не подтверждения материалов, сфабрикованных НКВД, а их экономической и техниче-

ской экспертизы. А учитывая, что в соответствии со сталинскими установками все хозяйственные проблемы и провалы однозначно оценивались как результат вредительства, такое поручение само по себе было крамольным. И все же комиссия Гельперина действовала в соответствии с пожеланиями Орджоникидзе и по возвращении из Кемерова представила 54-страничный доклад, в котором совершенно отсутствовали слова «вредитель» и «вредительство». В таком же духе была составлена и записка другой комиссии, обследовавшей под руководством заместителя Орджоникидзе О. П. Осипова-Шмидта состояние коксохимической промышленности Донбасса. Обе эти комиссии успели возвратиться в Москву до смерти Орджоникидзе, который принял и Гельперина и Осипова-Шмидта и получил от них подробную информацию.

Несколько иначе получилось с третьей комиссией в составе начальника Главстройпрома Наркомтяжпрома С. З. Гинзбурга и заместителя Орджоникидзе И. П. Павлуновского, посланных на «Уралвагонстрой». Гинзбург — единственный из участников тех событий, доживший до наших дней, вспоминает: «В начале февраля 1937 г. Серго рассказал мне о событиях на нижнетагильском «Уралвагонстрое»... Он предложил мне вместе с Павлуновским... срочно выехать туда в наркомовском вагоне и детально разобраться в существе вредительской деятельности арестованных строителей... По приезде в Тагил я сразу же направился на стройку, с тем чтобы детально разобраться в положении дел... Несколько дней я изучал построенные цеха и сооружения, а затем самым внимательным образом проверил смету строительства и расходы по каждой из статей этой сметы. В итоге убедился в том, что строительство находится в хорошем состоянии, качество работ намного выше, чем на других стройках Урала, хотя в процессе строительства имели место небольшие перерасходы отдельных статей сметы.

В середине февраля из Москвы позвонил Серго и спросил, в каком состоянии находится стройка, какие криминалы обнаружены. Я ответил, что завод построен добротно, без недоделок, хотя имели место небольшие перерасходы отдельных статей сметы. В настоящее же время строительство замерло, работники растерянны... На вопрос Серго: был ли я на других стройках? — я ответил, что был и что по сравнению с другими стройка в Н. Тагиле имеет ряд преимуществ. Серго переспросил меня: так ли это? Я заметил, что всегда говорю все, как есть. В таком случае, сказал Серго, разыщите Павлуновского и немедленно возвращайтесь в Москву. В вагоне продиктуйте стенографистке короткую записку на мое имя о состоянии дел на «Уралвагонзаводе» и по приезде сразу зайдите ко мне» [1].

Получив все эти доказательства надуманности обвинений НКВД, Орджоникидзе вновь обратился к Сталину, но, судя по всему, вызвал у того лишь очередной приступ раздражения. Очень недоволен был Сталин и проектом резолюции, который Орджоникидзе предложил к февральскому Пленуму. Упомянутый выше его экземпляр сохранился с большим количеством сталинских замечаний, реплик на полях — напротив тех положений, которые выдавали стремление Орджоникидзе смягчить утверждения о вредительстве, ограничиться обтекаемыми констатациями. Окончательная резолюция Сталина, начертанная на первой странице рукописи, гласила: «1) Какие отрасли затронуты вредительством и как именно (конкретные факты). 2) Причины зевка (аполитичный, деляческий подбор кадров, отсутствие политвоспитания кадров)» [2]. Решение, принятое на февральско-мартовском Пленуме уже после смерти Орджоникидзе, до сих пор не опубликованное, было более жестким, чем первоначальные тезисы Серго.

[1] Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 91—92.
[2] ЦПА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3350. Л. 1.

Напряжение многомесячных конфликтов между Сталиным и Орджоникидзе достигло максимального уровня в последние дни жизни Серго, непосредственно перед открытием февральского Пленума ЦК. 15 и 16 февраля помимо служебных дел по наркомату Орджоникидзе занимался материалами к пленуму: срочно доделывал по поручению Политбюро проект постановления о вредительстве в промышленности, готовил доклад: «набрасывал тезисы на листочках и в блокноте» [1],— вспоминала жена Орджоникидзе.

Подробности о режиме работы Орджоникидзе 17 февраля мы можем узнать благодаря справке, составленной его секретарем [2], а также свидетельствам очевидцев.

Из дома в наркомат Орджоникидзе приехал в 12 часов 10 минут, хотя обычно, как утверждал один из его ближайших сотрудников — А. П. Завенягин, приезжал в 10 часов [3]. Это опоздание косвенно подтверждает сведения, которые приводит в своей книге, видимо со слов жены Орджоникидзе, И. М. Дубинский-Мухадзе: утром 17-го у Серго был разговор со Сталиным, несколько часов с глазу на глаз [4].

О чем был этот разговор, мы уже не узнаем никогда. Учитывая, что Сталин энергично готовил пленум, а в 15 часов этого дня предстояло заседание Политбюро, посвященное обсуждению документов к пленуму, логично предположить, что Сталин и Орджоникидзе говорили об этих вопросах. Возможно, Серго в чем-то упирался. С большой долей вероятности можно предположить, что речь зашла и о результатах инспекций комиссий Наркомтяжпрома (Гинзбург вернулся в Москву

---

[1] О Серго Орджоникидзе... С. 275.

[2] ЦПА. Ф. 85. Оп. 1. Д. 143. Л. 1.

[3] См.: За индустриализацию. 1937. 21 февраля. С. 6.

[4] См.: *Дубинский-Мухадзе И. М.* Орджоникидзе. М., 1963. С. 6.

рано утром 18 февраля, через некоторое время Поскребышев сообщил ему по телефону, что «И. В. Сталин просил прислать записку о состоянии дел на «Уралвагонстрое», о которой ему рассказывал Серго» [1]). Во всяком случае, встреча эта закончилась скорее всего сравнительно спокойно. Накануне заседания Политбюро Сталин не стал бы доводить дело до разрыва, а попытался бы внушить Орджоникидзе некоторые надежды. И действительно, рабочий день Серго после разговора со Сталиным прошел в нормальном ритме, без видимых признаков нервозности и беспокойства.

Пробыв чуть больше двух часов в наркомате, Орджоникидзе уехал к Молотову в Кремль. В 15 часов здесь же, в Кремле, началось заседание Политбюро. Оно было многолюдным и рассмотрело один вопрос: о проектах резолюций предстоящего пленума. Все они, кроме постановлений о вредительстве в промышленности и на транспорте, были утверждены. Кагановичу же и Орджоникидзе Политбюро поручило составить окончательный текст документа на основании высказанных замечаний.

В 16 часов 30 минут Орджоникидзе и Каганович пошли к Поскребышеву и провели у него два с половиной часа. Судя по времени, работали над проектом резолюции.

В 19 часов они вышли от Поскребышева, прогулялись по территории Кремля, у квартиры Орджоникидзе попрощались за руку и разошлись по домам. Серго зашел к себе в 19 часов 15 минут. Вероятно, пообедал («Обедал нерегулярно: иногда в шесть-семь часов вечера, а иногда и в два часа ночи» [2],— вспоминала о последних месяцах его жизни жена). В 21 час 30 минут выехал в наркомат.

---

[1] *Гинзбург С. З.* О прошлом — для будущего. М., 1984. С. 195.
[2] О Серго Орджоникидзе... С. 274.

От Кремля до здания наркомата на площади Ногина было близко, и поэтому уже в 22 часа Орджоникидзе в своем кабинете принимал профессора Н. Гельперина, только что вернувшегося из Кемерова. По воспоминаниям Гельперина, он выслушал его рассказ, расспросил о строительных работах, оборудовании и попросил изложить доклад в письменном виде к 10 часам утра 19 февраля. Учитывая, что помимо Гельперина Серго на это же время вызывал к себе с докладом начальника Главазота Э. Бродова [1], утром 19 февраля предстояло совещание о работе химической промышленности.

Сам по себе факт назначения сроков этих встреч достаточно показателен. Обычными, ничего не предвещавшими были и другие дела, которыми Орджоникидзе занимался вечером и ночью 17 февраля в наркомате. Как всегда, он подписал большое количество бумаг, выслушал какие-то сообщения. Около полуночи встречался со своим заместителем О. П. Осиповым-Шмидтом, который, как уже говорилось, возглавлял комиссию, инспектировавшую коксохимические предприятия Донбасса. Незадолго до ухода из наркомата Серго подписал телеграмму: «Сталино (Донбасс) Рязанову. Отгрузка трубной заготовки в январе — феврале неудовлетворительна. Обеспечьте прокатку и отгрузку трубной заготовки полностью, не допуская просрочек. Впредь трубную заготовку прокатывайте и отгружайте в первой половине каждого месяца. Исполнение донести. Орджоникидзе» [2]. Телеграмму эту отправили из наркомата в час ночи, а незадолго до того — в 0 часов 20 минут — нарком уехал со службы домой.

Все события, происходившие до этого момента, свидетельствуют об одном: жизнь Орджоникидзе проходила не без проблем, но в достаточно привычном русле,

---

[1] См.: За индустриализацию. 1937. 20 февраля. С. 7.
[2] За индустриализацию. 1937. 21 февраля. С. 6.

ничто, казалось, не предвещало трагической развязки. В самом деле, стал бы человек, решивший покончить с собой, посылать телеграмму о трубных заготовках и назначать встречи своим сотрудникам? Судя по всему, после возвращения Орджоникидзе домой произошла какая-то крупная ссора со Сталиным. Наши сведения об этих последних часах ограниченны и достаточно противоречивы. Разные мнения высказываются и о самой гибели Орджоникидзе: одни придерживаются версии самоубийства, другие доказывают, что Сталин подослал убийц [1]... Но в любом случае — и это главное, с точки зрения темы настоящей работы,— мы можем с уверенностью зафиксировать факт: Орджоникидзе погиб не случайно. Пытаясь противостоять растущему террору, он стал одной из первых жертв 1937 г.

Хоронили Орджоникидзе так, как хоронили обычно высших руководителей страны. В газетных материалах, опубликованных в связи с его кончиной, а затем регулярно публиковавшихся к годовщинам его смерти, настойчиво проводилась мысль: Серго был убежденным сторонником беспощадного выкорчевывания вредительства. Однако совсем иное говорили об Орджоникидзе на февральско-мартовском Пленуме; впрочем, это не было известно народу, так как выпады против покойного наркома не публиковались.

Начало пленума из-за смерти Орджоникидзе и его похорон было передвинуто на несколько дней. Но не успели еще забыться торжественные траурные речи, как сам Орджоникидзе и его сотрудники были подвергнуты на пленуме резкой критике. О нападках Сталина, обвинившего Орджоникидзе в дворянско-рыцарском (что, конечно, по понятиям того времени было плохо)

---

[1] См., например: *Медведев Р. А.* О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 356—358; *Гинзбург С. З.* О гибели Серго Орджоникидзе//Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 88—98.

отношении к людям, уже говорилось. Обвинениями в политической слепоте и мягкотелости в адрес работников Наркомтяжпрома был буквально заполнен доклад Молотова, который выступал на пленуме вместо Орджоникидзе. Он подверг разносу комиссии, инспектировавшие материалы НКВД на местах, и многозначительно предложил проверить еще раз и вредителей, и сами комиссии. Как защиту ведомственного мундира оценил Молотов письмо Бирмана.

Сами по себе высказывания, прозвучавшие на пленуме, еще раз подтверждают факт наличия разногласий между высшим политическим руководством и хозяйственниками по поводу репрессий и в какой-то мере позволяют восстановить аргументы, к которым прибегали в этом споре стороны. «Теперь,— заявлял, например, Молотов,— нередко можно встретиться с таким рассуждением: разговоры о вредительстве сильно раздуты, если бы вредительство действительно представляло крупное значение, то у нас не было бы тех успехов, которыми мы гордимся. Успехи нашей промышленности, дескать, говорят о том, что вредительство кем-то раздуто» [1]. Суть этих слов становится понятнее, если учесть, что промышленность в 1935—1936 гг. работала действительно успешно, достигнув самого значительного за все тридцатые годы прироста производительности труда. Явная бессмысленность утверждений о сосуществовании массового вредительства и хозяйственных достижений была очевидной. И поэтому на пленуме прилагалось немало усилий, чтобы доказать «мнимость» этого противоречия, осудить любые попытки разобраться в нем. «Чтобы понять уроки вредительства,— заявил Молотов,— надо дать отпор и такого рода рассуждениям. Обывательски настроенные хозяйственники говорят иногда так: у нас разоблачают вредительство, а между

---

[1] Большевик. 1937. № 8. С. 42.

тем планы мы выполняем. И в самом деле, у нас есть целые отрасли промышленности, во главе которых стояли в течение ряда лет троцкисты-вредители, а заводы все же выполняли производственные планы». Все дело в том, объяснял Молотов, что, с одной стороны, «многие наши планы занижены», а с другой — «и вредители не могут заниматься только вредительством, потому что тогда они не уцелеют» [1]. Специальный раздел своего доклада посвятил этому вопросу и Сталин. Суть «концепции» вождя содержалась уже в названии раздела — «Теневые стороны хозяйственных успехов». Успехи есть, признавал Сталин, но они притупили бдительность и позволили врагам активизироваться.

Отголоском трений между хозяйственниками и политиками была включенная в резолюцию пленума (кстати, неопубликованную) констатация: выявление и разоблачение вредителей «происходило при пассивности ряда органов промышленности и транспорта... Более того, некоторые органы промышленности даже тормозили это дело».

Так завершился спор между Сталиным и Орджоникидзе. Страна о нем ничего не знала, даже малейшие намеки на наличие каких-либо несогласий не попали в материалы пленума, обнародованные после окончания его работы. Сталину важно было продемонстрировать единство руководства партии в политике репрессий, и ради этого он скрыл свое раздражение, «простил» Орджоникидзе его упрямство. С пути большого террора было убрано, пожалуй, последнее реальное препятствие, способное хоть как-то приостановить его или по крайней мере смягчить.

«...Вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств... задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяй-

---

[1] Большевик. 1937. № 8. С. 42.

ственные, так и административные и партийные» [1],— заявил Сталин на пленуме. Истинное значение этих слов вождя советское общество вскоре почувствовало в полной мере.

ПОДАВЛЕНИЕ ИНАКОМЫСЛИЯ

Казалось бы, чистки, следующие одна за другой на протяжении всех 30-х годов, должны были окончательно обезличить общество, уничтожить всех, кто как-то поднимался над преобладающей массой безмолвия и подчинения. Однако во время подготовки к февральско-мартовскому (1937 г.) Пленуму ЦК ВКП(б) сталинское руководство смогло убедиться в том, что этого не произошло. Практически каждая кампания, которую организовывали власти для упрочения политики репрессий, наталкивалась на определенное противодействие, сопровождалась проявлениями инакомыслия и независимости.

Далеко не везде гладко и единогласно прошло обсуждение закрытого письма ЦК от 29 июля и многочисленные митинги, организуемые по поводу каждого политического процесса в Москве. Время от времени в стройный хор призывов к бдительности и требований «расстрелять бешеных собак» вклинивались голоса несогласных и сомневающихся. Прежде всего, весьма скептически отнеслись к обвинениям против Каменева и Зиновьева, сфабрикованным в НКВД, коммунисты, знавшие историю партии не по фальсифицированным сталинским учебникам, а пережившие ее лично. Так, Г. И. Четкин, член ВКП(б) с июня 1919 г., работавший начальником планово-распределительного бюро одного из подмосковных предприятий, был исключен из партии за то, что «в 1936 г. вел явно троцкистские разговоры по делу привлеченных к суду Зиновьева и Каменева, опорочивая

[1] Большевик. 1937. № 7. С. 1.

обвинительное заключение прокуратуры СССР»[1]. Тогда же поплатился партийным билетом московский инженер В. П. Тыдман. В 1917 г. он, 23-летний сын дворянина, порвал со своим классом и вступил в партию. Не понаслышке зная о революции, Тыдман в августе 1936 г. на митинге по поводу суда над Каменевым и Зиновьевым выступил, как говорилось в справке по его делу, «с явно контрреволюционной речью, восхваляя этих бандитов и подчеркивая их положительную роль в революции»[2]. Тогда же подвергся преследованиям, а затем был исключен из партии за «клевету на мероприятия партии и правительства» мастер лудильной мастерской Свердловского райтранспортпита М. Д. Портнягин. Он вступил в партию в апреле 1924 г., когда еще были живы многие традиции свободных дискуссий, относительной раскрепощенности внутрипартийной жизни. Расставаться с ними Портнягин, как и многие другие коммунисты со стажем, не хотел и неоднократно позволял себе критические высказывания в адрес власть предержащих: то по поводу методов отмены карточной системы, то в связи со стахановским движением. Последней каплей, переполнившей терпение властей, стало выступление Портнягина на партийном собрании после суда над зиновьевцами. Когда зашел разговор о необходимости изъятия литературы, якобы искажающей октябрьские события 1917 г., в частности книги Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир», Портнягин заявил, что это произведение написано на основе «документов Октябрьской революции», и добавил, что учебником считает и книгу Зиновьева по истории партии, а поэтому не отдаст ее никому[3].

В Мало-Архангельском районе Курской области был

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3024. Л. 216—217.
[2] Там же. Д. 3025. Л. 25—26.
[3] Там же. Д. 3984. Л. 28 об.

исключен из партии тракторист Коробов за то, что при обсуждении итогов процесса над зиновьевцами заявил: «Троцкий имеет заслуги, которые необходимо занести в энциклопедию, а эти события нужно рассматривать как драку между членами ЦК»[1]. Не скрывал своих сомнений относительно дела Зиновьева и Каменева и 55-летний рабочий из Серпухова Н. А. Грузков, член партии с 1932 г. На общефабричном собрании, созванном для одобрения приговора, он воздержался при голосовании за приветствие в адрес Сталина, а потом на цеховом собрании бросал реплики: «Скажите факты и дату связи троцкистов-зиновьевцев с гестапо». Серпуховский горком уже 28 августа исключил его из партии[2]. Такая же судьба постигла тогда киевлян М. И. Белова и К. Е. Горба. Первый поплатился партбилетом «за проявление сомнения в контрреволюционной деятельности троцкистско-зиновьевской банды во время процесса»[3], а второго исключили за распространение и читку среди студентов во время суда газет 1924—1925 гг. со статьями Зиновьева, Каменева, Рыкова[4].

Случалось, что торжество обличительных кампаний нарушали люди, которые не слишком разбирались в политических тонкостях внутрипартийной борьбы, но придерживались собственных убеждений по поводу недопустимости жестокости и насилия, напоминали окружающим о человечности и гуманизме. Водитель транспортного цеха запорожского завода «Коммунар», кандидат в члены партии Д. П. Павлов не согласился с решением общего собрания, одобряющим приговор потому, что «врагов не нужно расстреливать, они живые люди. Нужно заставить их работать. Ведь Димитрова и Тельмана не расстреляли, а троцкисты тоже заслу-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2625. Л. 13.
[2] Там же. Д. 3023. Л. 158—159.
[3] Там же. Д. 5019. Л. 203—203 об.
[4] См. там же. Л. 168.

женные революционеры». Рабочий запорожского спиртзавода кандидат в члены ВКП(б) П. М. Некрасов в беседах с коллегами во время обеденного перерыва говорил: «Очень жаль людей — Каменева и Зиновьева, которые невинно страдают». При допросах в НКВД он подтвердил свои слова и добавил: «Никто мне не запретит кого жалеть: вы — тех, а мы — тех...» [1]

Нетрудно заметить, что в выступлениях такого рода присутствовало не только сочувствие к расстрелянным оппозиционерам, но, может быть даже в большей степени, осуждение сталинского режима и его репрессивной политики. Недовольство существующими порядками, несмотря на жестокие преследования, в той или иной форме проявлялось постоянно и накануне февральско-мартовского Пленума. Немало подобных выступлений такого рода было зафиксировано в связи с обсуждением новой Конституции СССР, которая, по замыслу сталинской пропаганды, должна была смягчить отрицательные впечатления в обществе от усиливающегося террора. И действительно, многие восприняли появление Конституции как многообещающее начало, сигнал благоприятных перемен. Однако в стране, наученной многократным горьким опытом, не меньше, пожалуй, было и скептиков. Подобно рабочему запорожского отделения железной дороги Федоровскому, они могли бы сказать о докладе Сталина на VIII съезде Советов, принимавшем Конституцию: «Если бы я умел так красиво и складно врать, я не знаю, где бы я уже был». А работник запорожского горисполкома Терещенко заявил на пленуме одного из райкомов комсомола в декабре 1936 г.: «Свобода слова и печати у нас только на бумаге». Студент запорожского медтехникума Яхно прилюдно говорил по поводу сталинской Конституции: «У нас в СССР демократии нет

[1] *Васильев В.* 30-е годы на Украине//Коммунист. 1990. № 1. С. 81.

и не будет, а все делалось и будет делаться, как диктует диктатор Сталин. Не дадут нам ни свободы печати, ни свободы слова». О том, что подобные настроения не единичны, свидетельствовал и такой факт: после ареста в камеру Яхно пытались передать письмо со стихотворением, призывающим его к мужеству и стойкости. Письмо было подписано группой студентов [1].

Как уже говорилось, обычным для 30-х годов приемом критики Сталина было сопоставление его с Лениным. Не стали исключением в этом отношении и последние месяцы перед февральско-мартовским Пленумом. Немало коммунистов и беспартийных подверглись тогда репрессиям, усомнившись в истинности идеологических штампов: «Сталин — это Ленин сегодня», «Сталин — лучший ученик Ленина». Как обычно, в антисталинских разговорах фигурировало «Письмо к съезду» Ленина. Многие члены партии помнили, что именно Каменев и Зиновьев, расстрелянные в 1936 г., в свое время спасли политическую карьеру Сталина, уговорив делегатов XII съезда партии оставить его на посту генсека вопреки требованиям Ленина. Разговоры о ленинском завещании начались и после нападок на Рыкова и Бухарина. После августовского суда над Каменевым и Зиновьевым, где имена бывших «правых» были названы в связи с «контрреволюционерами» зиновьевцами и троцкистами, стало ясно, что Сталин готовит расправу над Бухариным. А ведь Ленин в завещании называл его «любимцем партии»! Об этом достаточно откровенно говорили между собой коммунисты осенью 1936 г.

До наших дней дошел документ, свидетельствующий об этом. В середине сентября 1936 г. Орджоникидзе, отдыхавший в Кисловодске, получил открытку с таким текстом: «Дорогой Серго! Мы, рабочие, возмущаемся, что не казнили изменников советам двурушника Рыкова

[1] См.: *Васильев В.* 30-е годы на Украине//Коммунист. 1990. № 1. С. 81—82.

и Бухарина, этих проклятых контриков, совместно с троцкистами. Их здесь защищают, но мы их казним. Мы понимаем: всех надо убивать, кто идет, говорит даже против Сталина, всем в глотки и другие места надо забить колья. Говорят здесь про завещание Владимира Ильича. Мы не верим, что такое какое-то завещание [существует]. [Это] ведут агитацию рыковцы и бухаринцы. Устрой митинг, объясни». Итак, четыре рабочих, подписавших письмо, отдыхали в Кисловодске и столкнулись с «оппозиционными» настроениями. Люди вокруг них жалели Рыкова и Бухарина, вспоминали о ленинском завещании. Авторы же обращения к Орджоникидзе, уверенные, что всех, «кто идет, говорит даже против Сталина» «надо убивать», услышав о письме Ленина, смутились. И на всякий случай объявив разговоры о нем выдумкой «рыковцев» и «бухаринцев», просят разъяснений у оказавшегося рядом члена Политбюро. Орджоникидзе от таких разговоров скорее всего уклонился (да и что он мог сказать, тем более на митинге), и открытка осталась в архиве наркома как яркий образчик ненависти эпохи.

В связи с новым ужесточением политического курса в конце 1936 — начале 1937 г. властям вновь пришлось столкнуться со случаями проявления человеческой солидарности, сострадания к жертвам произвола. Осознавая, какую угрозу подобные настроения могут представлять для репрессивного курса, государство с удвоенной энергией принялось бороться с «пособниками врагов», наставлять граждан в духе жесткой непримиримости. Образчиком таких наставлений может служить выступление секретаря Курского обкома комсомола Стукалова на пленуме обкома партии в начале 1937 г. В одной из школ Курска, рассказывал Стукалов участникам пленума, из комсомола исключали дочь «врага народа». «Что же вы думаете, когда ее начали исключать из комсомола и она заплакала, то нашлись такие комсомольцы, которые

в этот момент глаза опустили, или когда в облзу (областное земельное управление.— *О. Х.*) исключали из комсомола дочь троцкиста, арестованного органами НКВД, то эта самая девочка в обморок упала, и по этому поводу некоторые растерялись. Из этих фактов мы делаем такой вывод, что мы имеем тот факт, что в комсомол проникают враги, что у нас еще нет такого воспитания молодежи и комсомольцев, которое побуждало бы не глаза опускать, а ненависть чтобы кипела, чтобы рука не дрогнула» [1].

Несмотря на многолетние усилия в воспитании ненависти и полного безразличия к тем, кто попал в жернова НКВД, в обществе сохранялся заряд сострадания. Перед лицом государственного террора, несмотря на угрозу жестоких наказаний, люди оказывали друг другу помощь. Во многих случаях руководствуясь не какими-то идейными соображениями, а простыми человеческими чувствами, понимая, что неправедные аресты в любой момент могут задеть каждого. Свидетельства о случаях такой взаимопомощи — не редкость в источниках того времени. Широкое распространение, в частности, получили тогда коллективные ходатайства за арестованных, попытки противопоставить НКВД силу общественности. Как правило, все они заканчивались плачевно.

Летом 1936 г. на Харьковском паровозостроительном заводе сотрудники НКВД «разоблачили» «контрреволюционную группу». После ареста в сталелитейном цехе, где трудились репрессированные, открыто пустили заявление для сбора подписей рабочих под ходатайством об освобождении одного из «контрреволюционеров». Подписи поставили многие, в том числе три члена партии. Причем проводилась эта акция с согласия профорга цеха и заместителя председателя заводского комитета.

---

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2626. Л. 56—57.

Узнав об этом, власти Харькова всполошились: ведь речь шла об открытой и, главное, коллективной акции, объективно выражавшей недоверие НКВД. На срочно созванном заседании бюро обкома был снят с работы секретарь парткома завода и первый секретарь горкома партии. Однако дело этим не закончилось. 25 июля 1936 г. вопрос «О контрреволюционной группе в сталелитейном отделе ХПЗ» был вынесен на заседание Политбюро ЦК КП(б)У. События на паровозостроительном заводе в пример остальным были категорически осуждены [1].

Несмотря на это, коллективные ходатайства не прекращались. Осенью того же года сбор подписей за освобождение «контрреволюционера» Веледницкого проводился в одном из леспромхозов Киевской области. Результатом акции было исключение из партии 27-летнего В. И. Ваврентовича, который «не только не реагировал на это дело, как кандидат партии и профорг... а, наоборот, сам подписался за освобождение контрреволюционера-троцкиста Веледницкого» [2]. А еще через несколько недель — в декабре — диспетчер запорожской газосмесительной станции Рюмшин организовал коллективное заявление группы работников в прокуратуру с просьбой о смягчении наказания арестованному начальнику цеха [3].

Не единичными и в этот период были случаи, когда отдельные должностные лица пытались воспрепятствовать репрессиям, укоротить не в меру бдительных разоблачителей. Противостояние было достаточно упорным, однако, как правило, заканчивалось в пользу ревнителей бдительности, опиравшихся на всемерную поддержку сил, олицетворявших «генеральную линию». Харак-

---

[1] См.: ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4680. Л. 129.
[2] Там же. Д. 5021. Л. 169.
[3] См.: Правда. 1937. 8 февраля.

терные в этом смысле события происходили в августе — декабре 1936 г. на заводе «Красный молот» в Тихорецком районе Азово-Черноморского края. Началось все с того, что местный райком партии по сигналам первичной парторганизации вскрыл на предприятии «врагов народа». Однако вскоре на «Красный молот» прибыла комиссия во главе с заместителем начальника политуправления Наркомата путей сообщения Бальяном. Члены комиссии не согласились с обвинениями против работников завода, и по их настоянию Тихорецкий райком вынужден был отменить свое решение. Однако после отъезда комиссии, когда стало ясно, на чьей стороне сила, сторонники репрессий вновь взяли верх. В конце декабря райком уже в третий раз обратился к делу завода «Красный молот», подтвердив свое первоначальное решение. Более того, факт этот новое руководство Азово-Черноморского крайкома партии решило использовать для примерного наказания «либералов» и «пособников». В начале февраля 1937 г. вопрос «О решениях Тихорецкого райкома... «О засоренности завода «Красный молот» троцкистско-зиновьевскими контрреволюционными элементами» был вынесен на заседание бюро крайкома. Руководители Тихорецкого райкома были обвинены в «либерализме», а члены комиссии Бальяна — в «сознательном срыве разоблачения троцкистов». Материалы о работе комиссии бюро решило выслать в Москву [1].

Так, ломая противодействие репрессиям, сталинское руководство настойчиво подводило страну к «большой чистке». Развернувшийся с начала 1937 г. террор превзошел самые худшие ожидания самых проницательных наблюдателей того времени.

---

[1] См.: ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2214. Л. 74—75.

ИСПЫТАНИЕ ПРОИЗВОЛОМ

Эпиграфом к этой главе могли бы стать слова из романа грузинского писателя Г. Робакидзе «Убиенная душа», романа о 30-х годах, написанного внимательным наблюдателем действительности того времени: «Всюду царили раздор, измена, донос, недоверие, страх. Вместе с тем было еще нечто такое, что нельзя было назвать ни революцией, ни контрреволюцией, что не ведало ничего ни о кулачестве, ни о пятилетке, ни о плане. Это нечто и знать не хотело ни о Центральном Комитете, ни о генеральном секретаре. Это нечто — человеческое сердце, исполненное огня и Бога» [1].

Именно это «нечто», не хотевшее знать ни о ЦК, ни о генсеке,— совесть и порядочность людей, сострадание к жертвам произвола и чувство взаимопомощи — в конечном счете оказались, быть может, самым серьезным и неистребимым препятствием на пути «большого террора».

Массовые репрессии были тяжелейшим испытанием для страны не только потому, что в их жерновах погибли миллионы, хотя это было главным. В годы произвола прекрасно чувствовали себя, приобретали невиданную уверенность и власть прежде всего худшие представители общества. Порядочность же и честность грозили бедами. И поэтому не все выдерживали испытание произволом. Многие окончательно опускались, спасая себя, совершали подлости. Большинство, стиснув зубы, молчали, не понимали или делали вид, что не понимают происходящего. Меньшинство пытались жить по-человечески, несмотря на то что террор выкашивал в первую очередь именно их.

---

[1] Дружба народов. 1990. № 4. С. 124.

МЕХАНИЗМ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

Уже много лет разговор о репрессиях начинается с вопроса: сколько же было жертв террора? И уже много лет мы не располагаем данными, которые внушали бы полное доверие и могли служить базой для обоснованных выводов. Долгое время единственным источником информации о численности репрессированных были приблизительные подсчеты историков, опиравшихся на отрывочные статистические материалы, свидетельства из открытой советской печати и собственные наблюдения. В оборот пущены несколько неизвестных ранее документов из архивов ГУЛАГа, которые, на первый взгляд, позволяют на порядок уменьшить прежние предположения.

Именно это и делают в своих статьях публикаторы новых источников[1]. А. Н. Дугин, например, в качестве предмета для критики избрал выступления известного историка Р. А. Медведева, заявлявшего, что в 1937—1938 гг. было репрессировано от 5 до 7 млн человек. Опираясь на архивы, Дугин утверждает, что численность арестованных по политическим мотивам в 1937—1938 гг. с 5—7 млн следует снизить «по крайней мере в 10 раз». Так ли это? Присмотримся внимательнее к аргументам исследователя.

Согласно обнаруженной статистике, сообщает он, на 1 января 1937 г. в лагерях НКВД содержалось 104 826, а на 1 января 1939 г.— 454 432 человека, осужденных за «контрреволюционные преступления». Разницу между первой и второй цифрами, дополненную сведениями о

---

[1] См.: *Дугин А. Н.* ГУЛАГ: открывая архивы//На боевом посту. 1989. 27 декабря; *Его же.* Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа//Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 90—101; *Земсков В. Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект)//Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10—27.

«контингентах» колоний и тюрем, автор и рассматривает как количество репрессированных по политическим мотивам в 1937—1938 гг.

Достоинство публикации Дугина состоит в том, что он подробно излагает методику своих подсчетов, широко цитирует документы. А это, в свою очередь, позволяет заметить уязвимые места как в источниках, так и в авторских рассуждениях. Так, судя по опубликованной справке о составе населения лагерей НКВД, оно разделялось на множество достаточно неопределенных категорий, начиная с «контрреволюционеров» и заканчивая «социально вредными и социально опасными элементами»[1]. Между тем Дугин причисляет к «политическим» лишь тех, кто проходил по графе «за контрреволюционные преступления», игнорируя, например, значительное количество (103 513 человек в 1937 г., 160 415 — в 1938 г. и 285 831 — в 1939 г.) «социально вредных» и «социально опасных».

Примем введенные в оборот цифры как достоверные и еще раз внимательно присмотримся к ним. С учетом «социально вредных» разница между количеством заключенных в лагерях по политическим статьям в 1937 и 1939 гг. достигала 530 тыс. Но эта цифра не отражала реальную численность «политических», прошедших через лагеря за два года. Для того чтобы получить ее, необходимо учесть еще, как минимум, смертность в местах лишения свободы. В обнаруженных документах утверждается, что в лагерях в 1937—1938 гг. она составляла от 5,5 до 5,7% и всего за эти два года умерло чуть больше 115 тыс. человек. Несмотря на то что этот показатель вызывает серьезные сомнения и решительно расходится с многочисленными свидетельствами бывших узников о катастрофическом количестве умиравших, примем за «чистую монету» и его. Количество «политических» в лагерях составит, таким образом, чуть больше 600 тыс.

[1] См.: На боевом посту. 1989. 27 декабря. С. 3.

Помимо лагерей, как показывают авторы названных статей, сотни тысяч заключенных содержались еще в колониях и тюрьмах.

Теперь о данных, которые, судя по всему, не попали в выявленные отчеты. Некоторая часть «врагов народа» недоучитывалась, находясь в момент составления справок в дороге. Вряд ли попадали в таблицы о смертности в лагерях, колониях и тюрьмах многочисленные жертвы длительных этапов. Между тем воспоминания современников и некоторые архивные материалы свидетельствуют, что количество умиравших от голода, холода, болезней во время перевозок было огромным. 1937—1938 гг.— период массовых расстрелов. По данным, которые приводились в 1957 г. на июньском Пленуме ЦК КПСС, за эти два года было расстреляно более 680 тыс. человек[1]. Неизвестно количество осужденных к ссылке. А ведь эта мера применялась широко, особенно в отношении родственников «врагов народа».

Если учесть эти обстоятельства — а при внимательном изучении истории ГУЛАГа скорее всего обнаружатся еще многие каналы недоучета «контингентов»,— то, даже опираясь на введенные в оборот сравнительно скромные цифры, речь можно вести не о сотнях тысяч, но о миллионах репрессированных за два года «большого террора».

Для обеспечения подобного размаха чистки была необходима мощная карательная машина. Однако создавать заново ее не пришлось. Сталин лишь воспользовался тем государственным аппаратом, который складывался и закалялся в непрекращающихся классовых битвах на протяжении всех 30-х годов. На новом этапе перед этим аппаратом были поставлены лишь новые задачи. При помощи жестоких репрессий за недостаточное

[1] См.: Коммунист. 1990. № 8. С. 103.

рвение, кадровых перетрясок и выдвижения работников, соответствующих новому курсу, государственный механизм был превращен в бездумное и бездушное орудие выполнения этих задач. Запуганные и издерганные накатывавшими одна за другой кампаниями и противоречивыми директивами, руководители всех уровней были готовы на все, лишь бы сохранить собственную жизнь. Как это происходило, при помощи каких методов верховное руководство поддерживало низовых работников в состоянии «повышенной боевой готовности», лучше всего видно на частных примерах. Одним из них может служить ситуация, складывающаяся в то время в Курском обкоме партии.

Прежний секретарь обкома И. У. Иванов был отстранен от должности уже в первые дни 1937 г. На его место прислали опального Шеболдаева, дни которого были сочтены. В начале июля 1937 г. в Курск приехал А. А. Андреев и представил пленуму обкома нового секретаря Г. С. Пескарева. Уже в первый день своего руководства Пескареву пришлось разбираться с историями, которыми изобиловали годы террора. В газете Борисовского района «Борисовская коммуна» 1 июля без предварительного согласования с обкомом была помещена статья «До конца разоблачим троцкистских последышей», обвинявшая в троцкизме (самое страшное «преступление», которое можно было совершить в то время) первого секретаря бюро райкома Федосова. На основании этого материала бюро райкома, опять же без согласования с обкомом, отстранило его от работы. По всем канонам внутрипартийной жизни это было грубое нарушение — ни одно сколько-нибудь серьезное действие, а тем более снятие секретаря, райком без согласия обкома производить не мог. Ничего удивительного поэтому не было в реакции бюро Курского обкома: редактора районной газеты Михайлова сняли с должности, членам бюро райкома объявили выговор, в Бори-

сов выслали комиссию для расследования обвинений, предъявленных Федосову [1].

Однако это вполне очевидное, казалось, дело в условиях массовых репрессий приобрело неожиданный для Пескарева оборот. Вполне логичные шаги обкома недоброжелателями нового секретаря были представлены как политическая ошибка, попытка воспрепятствовать разоблачению врагов. Подобная трактовка полностью соответствовала потребностям «генеральной линии», и поэтому в ноябре 1937 г., несомненно, при одобрении высших руководителей партии «Правда» поместила специальную статью, осуждавшую позицию Курского обкома в деле редактора «Борисовской коммуны». Приученные к немедленной реакции на сигналы подобного рода и к постоянным перетасовкам в руководстве области, члены бюро обкома немедленно собрались на свое заседание. Признав все ошибки, они не только восстановили на руководящей работе редактора Михайлова, но и обратились в ЦК с просьбой рассмотреть вопрос о возможности пребывания Пескарева на посту секретаря обкома. При этом против него была выдвинута масса обвинений: «антипартийное поведение» по делу Михайлова, администрирование в руководстве обкома, медленное очищение областного аппарата от врагов, связь с репрессированными [2].

Столкнувшись с бунтом на собственном «корабле», Пескарев срочно выехал в Москву. О чем говорили с ним в «высоких кабинетах», неизвестно. Судя по последующим событиям, осудили за слабую борьбу с врагами, пообещали покровительство и погрозили пальцем: ты уж там смотри, заслуживай доверие. Вопрос был вынесен на рассмотрение Политбюро, и предложения Курского обкома о снятии Пескарева признаны необоснован-

[1] См.: ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2643. Л. 195.
[2] Там же. Д. 2645. Л. 25—26.

ными. Пескарев выехал в Курск, а в Москву вызвали члена бюро обкома, председателя Курского облисполкома Смирнова. Ему вручили решение Политбюро и предложили провести его в жизнь.

28 ноября 1937 г. бюро Курского обкома вновь собралось на заседание и, приняв решение ЦК ВКП(б) «к руководству», отменило прежнее решение в части, касающейся Пескарева (оправдание Михайлова подтвердили вновь). А уже 1 декабря под председательством реабилитированного Пескарева бюро обкома принимает сразу несколько решений о разгроме руководящих кадров в ряде районов области. Секретари райкомов, председатели Советов были обвинены во вредительстве или в лучшем случае покровительстве врагам, исключены из партии, некоторые арестованы. Подобные решения и в последующие несколько недель сыпались как из рога изобилия. Пескарев отрабатывал доверие, демонстрировал непримиримость и делал это, видимо, тем активнее, чем чаще вспоминал свое несостоявшееся снятие и поездку в Москву.

В непрестанных хлопотах по выявлению «врагов» курских руководителей застиг очередной пленум ЦК ВКП(б), который начался 11 января и с перерывами длился до 20-го. На пленуме сталинское руководство предприняло очередной маневр, включив в повестку дня вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б)...». Особых изменений в политику террора эта демонстрация стремления к законности не внесла. Однако на многих руководителей обрушились новые гонения, на этот раз за «неправильное и преступно легкомысленное» отношение к исключению коммунистов. Не миновала эта чаша и старавшегося в предшествующие недели на поприще выкорчевывания «врагов» Пескарева. Курский обком был назван в числе «отстающих», а в резолюцию плену-

ма даже включен такой пассаж: «Курский обком ВКП(б) без всякой проверки, заочно исключил из партии и добился ареста члена партии предзавкома Дмитро-Тарановского сахарного завода Иванченковой, приписав ей сознательную контрреволюционную подготовку выступления беспартийного рабочего Кулиниченко на предвыборном собрании в Верховный Совет СССР. При проверке установлено, что вся «вина» Иванченковой заключалась в том, что на предвыборном собрании беспартийный рабочий Кулиничченко, после того как рассказал о своей жизни, сбился в выступлении и забыл назвать фамилию кандидата в депутаты Верховного Совета» [1].

Обвинения были, конечно, заслуженные. Подобные факты, действительно, отражали ситуацию, сложившуюся в Курской, как, впрочем, и в других областях. Однако организаторы пленума и составители резолюции «забыли» сказать, что Пескарев и ему подобные действовали по приказу, выполняли под угрозой строжайшей расправы директивы центра. Наверное, такие мысли бродили в те дни и в голове Пескарева. Было от чего впасть в отчаяние: служил верой и правдой, выкорчевывал врагов и вот опять не угодил!

Решения январского Пленума стали поводом для очередной порции покаяний Пескарева и бюро обкома. В срочном порядке рассматривались апелляции исключенных, выносились выговоры за легкомысленное отношение к исключениям из ВКП(б). Не забывали при этом, конечно, и о главном деле — борьбе с врагами. Тем более что центр продолжал по отношению к курским руководителям политику периодического подергивания: то за одно сделают внушение, то за другое. А 22 мая 1938 г. Пескарева сняли совсем, Политбюро приняло решение отозвать его в распоряжение ЦК (бы-

[1] КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 11.

ла такая изящная формула, фактически означавшая предстоящую расправу).

Злоключения секретаря Курского обкома были тогда фактом типичным. Повсюду руководителей, словно марионеток, держали в подвешенном состоянии. Это был излюбленный прием Сталина. Время от времени он дергал за нитки или даже делал вид, что готов их оборвать, и марионетки-руководители судорожно двигались, готовые выполнить и перевыполнить любой приказ хозяина. Так было не только с партийными руководителями, но и с сотрудниками НКВД — ведомства, которое составляло основной узел механизма репрессий.

Не уравновешенная демократическими институтами, выведенная из-под контроля закона, эта организация по своей сути была нацелена на выявление максимального количества врагов народа. Подобно промышленности, которая любыми способами «накручивала» показатели валового выпуска в рублях, НКВД старался всеми силами вскрыть как можно больше «контрреволюционных организаций», «вредителей», «шпионов», выполнить свои планы и оправдать свое существование. Руководители страны, между прочим, хорошо знали об этой склонности карательных органов. Еще в 1931 г., когда для улучшения положения в народном хозяйстве потребовалось заключить перемирие со специалистами, дать передышку от постоянных гонений инженерно-технической интеллигенции, Сталин на одном из совещаний откровенно говорил: «Не надо допускать того, чтобы на заводе была специальная контора ОГПУ с вывеской, где сидят и ждут, чтобы им дела подали, а нет — так будут сочинять их»[1].

Это стремление к «сочинительству» в полной мере проявилось в пору «большого террора». Произвол, массовая фабрикация дел, доведение «планов» на аресты —

[1] ЦПА. Ф. 85. Оп. 28. Д. 8. Л. 192.

именно это предопределило трагическую массовость репрессий. Красноречивым примером методов, которыми пользовались органы в те годы, может служить приказ наркома внутренних дел Киргизской ССР «О результатах соцсоревнования третьего и четвертого отделов УГБ НКВД республики за февраль 1938 года», в котором, в частности, говорилось: «Четвертый отдел в полтора раза превысил по сравнению с 3-м отделом число арестов за месяц и разоблачил шпионов, участников к.-р. организации на 13 человек больше, чем 3-й отдел... однако 3-й отдел передал 20 дел на Военколлегию и 11 дел на спецколлегию, чего не имеет 4-й отдел, зато 4-й отдел превысил количество законченных его аппаратом дел (не считая периферии), рассмотренных тройкой, почти на 100 человек...» [1]

Конечно, для того чтобы НКВД действовал подобным образом, ему придавались соответствующие внешние стимулы, своеобразный первотолчок, запускающий всю машину. Механика создания таких импульсов была достаточно простой. Сталин, который держал НКВД под бдительным контролем, ставил перед органами новые задачи и добивался их активного претворения в жизнь при помощи перетасовок в руководстве наркомата. Новые руководители и уцелевшие старые сотрудники, желая снискать одобрение вождя, а чаще всего — просто сохранить жизнь, действовали беспощадно и требовали соответствующих результатов у своих подчиненных. Цепочка была длинной, и в каждом звене старались перевыполнить план. Страх заставлял забыть обо всем человеческом, превращал сотрудников НКВД в нерассуждающее орудие террора.

Похоже, что происходило это примерно так, как изобразил в своем романе «Мнимые величины» писа-

[1] Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 74—75.

тель-эмигрант Н. Нароков (Н. В. Марченко), сам подвергавшийся репрессиям в начале 30-х годов.

Главный герой романа — начальник одного из областных управлений НКВД Любкин, прибывший с поручением активизировать борьбу с врагами,— дает своим новым сотрудникам такие указания: «Партия ставит перед органами НКВД государственную задачу первостепенной важности: уничтожить всех врагов народа. Всех — сегодняшних и завтрашних. Если кто думает, будто он понимает, кто такие эти враги народа, и будто он понимает цель поставленной задачи, пусть думает это, греха в том нет, но и надобности, скажу прямо, тоже нет. А если, кто ничего не понимает, то это и лучше, пускай не понимает. Но пусть он на своем непонимании и остановится, пусть не доискивается, ему же будет легче... Работать станем по-новому!.. Об усталости вы мне лучше не говорите, а о нервах лучше сами забудьте. Ежедневно арестовывать минимум по пять человек на отделение! — начал отсчитывать и отчеканивать Любкин.— Начальнику мест заключения в недельный срок приготовить к приему и представить мне план размещения арестованных. О площади пола и о кубатуре не вспоминать, а пихать в камеры, пока стены выдерживают... Следствий не затягивать, говорильню не заводить, обвинения оформлять по-стахановски, иначе у нас скопится столько арестованных, что образуется пробка, которая нас самих в бутылку заткнет. Как вы будете добиваться признаний и оговоров, это ваше дело, я в ваши способы нос совать не буду, но и учить вас не буду. Мое дело маленькое: не мешать вам, а с вас самих семь шкур драть. Проклятий, слез и крови не бойтесь, а вот невыполнения задания до ужаса бойтесь... Всякое неумение буду рассматривать как умышленное нежелание выполнять партийное задание, как злостный саботаж и как нарочитое потворство врагам народа, то есть как вредительство на боевом фронте НКВД. Пере-

солить не бойтесь, а вот если кто-нибудь недосолит, так тот пусть сам за револьвер хватается и сам скорее стреляется. Не иначе»[1].

Многое повидали слушавшие Любкина чекисты, но такое было впервые. «В притихшем зале никто не двигался. Сила, стоящая за Любкиным, ощущалась все сильнее, все осязаемее. Но чем сильнее и чем осязаемее ощущалась она, тем непонятнее она становилась. Все сидящие в зале были коммунистами, членами Коммунистической партии, и у каждого в кармане был красный партийный билет. Но все слушали Любкина, смотрели на Любкина и все начинали понимать: коммунизма в этом зале нет, коммунизм здесь не нужен, коммунизм — только слово вчерашнего дня, которым сегодня еще клянутся, чтобы завтра им проклинать. За плечами Любкина колыхалось бесформенное, но несомненное, громадное и беспощадное. Оно невидимо накатывалось на всех, и каждый знал: оно подавит»[2].

Эти наблюдения писателя удивительно точно отражают сущность тех приемов, при помощи которых Сталин завершал в 1937 г. свою «революцию сверху». В одном из выступлений он назвал органы государственной безопасности «передовым вооруженным отрядом нашей партии». И это не были просто слова. ОГПУ — НКВД всегда играли особую роль в Советском государстве, располагали огромной силой и влиянием. В период же «большого террора» Сталин фактически поставил карательные органы во главе государственной пирамиды, подчинив им на время даже правящую партию. Культ НКВД, особое всевластное положение органов достигло в то время своего апогея. Фактически они не подчинялись никому, кроме Сталина, зато сами диктовали свою волю всем. Словно воспользовавшись опытом Ивана

[1] Дружба народов. 1990. № 2. С. 29—30.
[2] Там же. С. 30.

Грозного (а это был один из кумиров Сталина), вождь выделил НКВД в свою личную «опричнину» и, опираясь на нее, расправлялся с «земщиной», в которую попали и партия, и Советы, а практически — все советское общество. Для того чтобы держать свою «опричнину» в железной узде, Сталин использовал и кнут, и пряник. На чекистов тогда обрушились как невиданные репрессии, так и небывалые милости.

Как вспоминал в середине 60-х годов В. Н. Лазарев, работавший в 1937 г. первым заместителем председателя СНК Казахстана, после вступления Ежова в должность наркома внутренних дел положение работников наркомата резко изменилось. Если до этого начальник республиканского НКВД получал, как и другие руководящие работники, 1,2 тыс. рублей в месяц (сумма большая, ведь среднемесячная зарплата рабочих в 1936 г. составляла около 250 рублей), то теперь ее повысили до 3,5 тыс. Соответственно выросли заработки и других сотрудников НКВД. Если раньше чекисты встречались с партийными работниками в клубах, а летом вместе жили на дачах, то с этого времени для них были организованы отдельные клубы и дачи. Материалы, прославляющие НКВД, переполняли газеты, а имя Ежова, «железного наркома», «стойкого революционера-большевика сталинской закалки», упоминалось чуть ли не чаще, чем имена других заслуженных и давних соратников Сталина. В конце 1937 г. было организовано шумное празднование — 20-летие органов НКВД. Накануне во все обкомы, крайкомы, ЦК компартий республик пошла телеграмма за подписью Сталина: «Цека предлагает отметить двадцатую годовщину ВЧК — ГПУ — НКВД двадцатого декабря в печати и на совместных заседаниях актива партийных, советских, профсоюзных, комсомольских, других общественных организаций, а также провести беседы, доклады, собрания на предприятиях и колхозах, разъяснив роль и значение советской развед-

ки в борьбе со всякого рода шпионами, вредителями и другими врагами советского народа». Программа, намеченная руководством, была с лихвой выполнена. В дни празднований на НКВД и его сотрудников вылилась невиданная волна прославлений и организованного народного ликования. Не обошли их и новые материальные блага. Бюро Московского обкома ВКП(б) приняло решение: «Отмечая заслуги работников НКВД перед советским народом по борьбе с шпионажем, вредительством, диверсиями, по охране завоеваний социализма и мирного труда советского народа, в день славного двадцатилетия ВЧК — ОГПУ — НКВД МК и МГК постановляют: обязать партгруппы Мособлисполкома и Моссовета ассигновать управлению НКВД по Московской области 175 тыс. рублей — в том числе Моссовет — 100 тыс. рублей и Мособлисполком — 75 тыс. рублей — для премирования работников» [1].

Многомиллионный размах чистки был бы невозможен, не подключись в помощь карательным органам целая армия помощников. Выступая 20 декабря 1937 г. на собрании актива Москвы в Большом театре по поводу 20-летия ВЧК — ОГПУ — НКВД, А. И. Микоян заявил: «У нас каждый трудящийся — наркомвнуделец!» [2] Каждый, кто не репрессирован,— наркомвнуделец — это был идеал, к достижению которого стремилось сталинское руководство. Одних принуждали к сотрудничеству с НКВД силой, другие делали это из карьеристских соображений, третьих удавалось обмануть. Именно для последних проводилась беспрецедентная кампания по укреплению «бдительности», нагнеталась истерия выявления «врагов».

Шумными всесоюзными мероприятиями — митингами, собраниями, отсылкой коллективных писем и за-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3074. Л. 34—35.
[2] Правда. 1937. 21 декабря.

явлений поддержки сопровождались открытые политические процессы, проходившие в Москве. Но поскольку таких мероприятий было не слишком много, из центра постоянно требовали изыскивать «местные резервы». Так, в августе 1937 г. ЦК ВКП(б) разослал на места телеграмму о политической мобилизации колхозников на борьбу по разгрому врагов народа в сельском хозяйстве. По всей стране прокатилась волна открытых судов над «вредителями сельского хозяйства». Чуть позже по указанию ЦК местные органы начали проведение показательных процессов над «вредителями по животноводству».

Бюро Свердловского обкома ВКП(б), например, 21 октября 1937 г. решило организовать предписанные Центральным Комитетом суды в Свердловске, Березняках, Невьянске, Красноуфимске, Нижнем Тагиле. Для их проведения органам НКВД поручалось срочно выявить «врагов» среди руководителей сельскохозяйственных организаций, партийных работников, ветеринарных врачей. (Подобные решения обкомы посылали на утверждение в Москву, так что говорить о неведении руководства страны в отношении «местных перегибов» не приходится.) А 29 ноября 1937 г. на места была отправлена еще одна телеграмма за подписью Сталина. В ней сообщалось, что ЦК ВКП(б) в связи с третьей годовщиной со дня убийства Кирова предлагает провести открытые партийные собрания, «мобилизуя членов партии и трудящихся на беспощадное выкорчевывание троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок и изменников родины».

Фантазия организаторов подобных кампаний была поистине неистощимой. Врагов искали повсюду, нередко доводя дело до полного абсурда. Общество охватил тогда психоз выявления вредительских опечаток, замаскированных в рисунках вражеских изображений в книгах, газетах, на конфетных обертках, спичечных короб-

ках, тканях. Имея немало поклонников — было в этом что-то азартное, «творческое»,— типографское врагоискательство целенаправленно внедрялось сверху.

Журнал ЦК ВКП(б) «Большевик» в августе 1937 г. поместил даже специальную статью-руководство на эту тему: «Некоторые методы вражеской работы в печати и наши задачи». Ее автор П. Винокуров разъяснял: «Чаще всего техника опечаток такова: заменяются одна-две буквы в одном слове или выбрасывается одна буква, и фраза в целом приобретает контрреволюционный смысл. Скажем, вместо слова «вскрыть» набирается «скрыть»; вместо «грозное предупреждение» — «грязное предупреждение»; вместо «брестский мир» — «братский мир»; вместо «подобная программа вредительства» — «победная программа вредительства» и т. д... Нам известны факты, когда вражья рука в обыкновенный снимок ловко и тонко врисовывала портреты врагов народа, которые становятся отчетливо видными, если газету и снимок рассматривать со всех сторон». Глубоко заблуждаются те работники газет, грозно предупреждал Винокуров, которые «не видят за опечаткой вражескую руку и склонны эту опечатку объяснять неопытностью корректора или наборщика» [1].

Итогом кампании «печатной бдительности» были сломанные судьбы, впустую растраченные силы и нервы, значительные материальные издержки, наконец. Случалось, что уже готовую продукцию уничтожали или переделывали потому, что она не выдерживала цензуру зорких политических надсмотрщиков. В июле 1938 г. на совещании в ЦК ВКП(б) работники хлопчатобумажной промышленности жаловались руководителям партии, что приходится браковать выпускаемую годами до того ткань по причинам «идеологической невыдержанности». Перестраховщики через лупу обнаруживали на

[1] Большевик. 1937. № 16. С. 62—63.

ней то свастику, то японскую каску, то... портрет Николая I. Ткани, терпя убытки, перекрашивали.

Помимо поисков вражеской руки на страницах книг, газет, на тканях населению страны предлагались и другие варианты помощи НКВД. О том, как выявлять врагов, шпионов, диверсантов, можно было узнать из многочисленных газетных статей о разведке и контрразведке. Причем не ознакомиться с этими материалами было невозможно. Их даже не читали, а изучали, коллективно прорабатывали. Курский обком ВКП(б), например, 26 июня 1937 г. принял специальное постановление «О проведении партсобраний, посвященных ознакомлению коммунистов с формами, методами и практикой вредительской, шпионской и диверсионной работы иностранных разведывательных органов и их троцкистско-зиновьевской агентуры» [1]. Во всех первичных организациях должны были пройти партсобрания на эту тему, а беспартийным предстоял соответствующий политдень. В качестве материалов для докладчиков и агитаторов руководители области предложили использовать ряд брошюр о врагах и шпионах, массовыми тиражами расходившихся в то время по стране.

Одна из таких брошюр называлась «Разведка и контрразведка» и была составлена из статей, перепечатанных из «Правды». Прочитавший ее рядовой гражданин должен был проникнуться не только особой важностью борьбы со шпионами и их агентами, но и получить необходимые инструкции о том, как это делать, кого подозревать, за кем присматривать. Вот, например, троцкист Ц., который «долгое время маскировался под активного комсомольца». В 1928 г. он был, сообщает автор одной из статей сборника заместитель наркома внутренних дел Л. Заковский, осужден и выслан из Ленинграда в один из городков Северного края. Там посе-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2643. Л. 187.

лился на квартире в семье М., обработал их дочь 16-летнюю комсомолку «в троцкистском духе», возвратился с ней в Ленинград и устроил на работу на оборонный завод, где она, в свою очередь, вовлекла в контрреволюционную работу еще несколько молодых ребят. Или шпион Л., продолжал Заковский перечень «конкретных примеров», в 1930 г. ездил за границу в командировку. Там он познакомился и увлекся красивой иностранкой Кларой и в пьяном виде дал ей расписку, что поможет германской разведке. Вернувшись в СССР, Л. уже начал забывать об этой истории, но один из иностранных инженеров, работавших на его заводе, передал ему письмо от Клары, предъявил расписку и потребовал секретные материалы. Л. стал предателем. Молодой ученый иностранец Х., приехавший в СССР на практику, снимает квартиру у заведующей столовой воинской части. Заводит с ней дружбу, устраивает вечеринки, на которые приглашает военных. «...Всякими коварными способами опутывает их и организует довольно широкую шпионскую сеть».

Подобного рода примерами были переполнены газеты. Ситуации специально изобретались простые и легкоузнаваемые, чтобы каждый без труда мог поставить себя на место описываемых персонажей. В самом деле, редко ли люди знакомятся друг с другом, собираются на вечеринки. При помощи узнаваемости и даже стандартности «шпионских примеров» людям внушали мысль, что массовые репрессии небезосновательны, что в стране действительно много врагов и шпионов. Приучали их таким образом и к «повышенной бдительности», запугивая, заставляли тревожно оглядываться по сторонам, подозревать, а значит, сигнализировать. «Бдительность граждан Советского Союза,— внушал в своей статье тот же Заковский,— растет с каждым часом. На многие явления и «неполадки» уже сейчас советские граждане смотрят другими глазами, анализируют их и

распознают вражеские, вредительские дела там, где раньше не могли разглядеть» [1].

Действуя таким образом, власти усиленно формировали идеологию «добродетельности доносов», не забывая пригрозить слишком молчаливым суровыми карами. «Абсолютная правдивость перед партией,— разъясняла в передовой от 27 февраля 1937 г. «Правда»,— первейшая обязанность большевика... Обманывает партию не только тот, кто говорит неправду, но и тот, кто скрывает от партии известные ему факты вражеской деятельности. Коммунист-молчальник, знающий о происках врага и не ставящий об этом в известность свою организацию, уже не коммунист, а пособник врага». Подобные установки неукоснительно проводились в жизнь. Непокорных арестовывали за недоносительство. Мощная пропагандистская машина втолковывала старому и малому идеи бдительности. Даже в учебнике по истории СССР для III—IV классов, вышедшем в 1937 г., содержались такие пассажи: «Шпионы пробираются на заводы и фабрики, в большие города и села. Надо тщательно следить за всеми подозрительными людьми, чтобы выловить фашистских агентов» [2]. Вовсю прославляли «героев бдительности» газетные публикации, внушая попутно, что к доносам причастно большинство советского народа: «идут с заявлениями о фактах вредительства, называют имена людей, требуют скорейшего разбора» [3].

Национальными героями были объявлены некоторые наиболее знаменитые «разоблачители». Не успела отгреметь слава киевской Николаенко, как начался восход другой «звезды» — комсомольского работника Мишаковой, чей донос послужил поводом для разгрома руковод-

[1] Разведка и контрразведка. Саратов, 1937. С. 36.
[2] Краткий курс истории СССР. Учебник для III—IV классов начальной школы. М., 1937. С. 208.
[3] Правда. 1937. 30 июня.

ства ВЛКСМ. На XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. Мишакова была удостоена чести выступления и рассказала следующее: «Я обратилась к товарищу Сталину с письмом и сообщила ему о непорядках в ЦК комсомола. Товарищ Сталин, несмотря на свою занятость, нашел время ознакомиться с моим письмом. Через два-три дня я получила ответ и была вызвана к т. Шкирятову (один из самых жестоких сталинских деятелей, член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).— *О. Х.*), которому товарищ Сталин поручил детально расследовать это дело»[1]. Результатом «расследования» была гибель тысяч людей.

Свои «герои» такого рода были во многих коллективах. Всякие попытки пресечь их деятельность квалифицировались как стремление сорвать разоблачение врагов. «Сигнализаторам» покровительствовали, старались их задобрить, в том числе при помощи денежных премий, путевок на курорты для поправки здоровья, подорванного в борьбе с «врагами».

Помимо прочего, пристальное внимание местных руководителей к неистовым «правдолюбцам» вызывалось стремлением как-то контролировать доносительство, мирно сосуществовать с новоявленными «героями». Это желание было более чем естественным, если учесть, что наряду с «идейными» поборниками за справедливость в стране появилось большое количество мелких жуликов и настоящих преступников, превративших доносы в выгодный промысел. Сообщая информацию НКВД, они сводили счеты, убирали начальника, чтобы продвинуться по служебной лестнице, или соседку, чтобы захватить ее комнату. Многие занимались шантажом и вымогательством, как, например, учительница из Киева Моги-

---

[1] XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 561 (далее — XVIII съезд ВКП(б)...).

левская. У своих жертв она требовала деньги и путевки на курорт. Тем, кто отказывал, грозила доносом. За 1936—1937 гг. Могилевская получила таким путем 5 тыс. рублей и три путевки стоимостью более 2 тыс. рублей [1].

Так мощная волна государственного террора, дополняясь «отзывчивостью» общественных разоблачителей из «маленьких людей», ввергла страну в 1937 год. Единственным препятствием на пути репрессий оставалась тогда честная позиция одиночек, которые пытались придерживаться элементарных норм порядочности и совести.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Речь пойдет о собраниях. Не о тех, конечно, к которым мы привыкли за последние десятилетия, а о собраниях периода массовых репрессий. Эти никого не оставляли равнодушными, потому что шла на них, без преувеличения, борьба за жизнь, и любое слово, реплика или молчание могли быть оплачены слишком дорогой ценой.

В сталинской репрессивной машине собрания, разного рода активы и тому подобные мероприятия играли существенную роль. С одной стороны, они расшатывали нравственные скрепы общества, приучали людей к обыденности публичных доносов, запугивали недовольных и колеблющихся силой монолитности общественного мнения, непримиримого к врагам. С другой — эти коллективные разоблачения служили самым обыкновенным источником информации для карательных органов, помогали им фабриковать новые дела, разрабатывать сюжеты «заговоров», формировать «контрреволюционные организации». Определенное представление о том,

[1] См.: XVIII съезд ВКП(б)... С. 596.

как это делалось, дает постановление бюро Азово-Черноморского крайкома партии от 7 февраля 1937 г. «О проверке и расследовании фактов, приводившихся при выступлениях на пленумах и собраниях партактива по обсуждению решения ЦК партии «Об ошибках секретаря Азово-Черноморского крайкома партии т. Шеболдаева». Оно предписывало горкомам и райкомам «тщательно расследовать все факты, изложенные при выступлениях». Причем аналогичные решения райкомы и горкомы должны были принять в отношении проверки фактов, выявленных при обсуждении решения ЦК на собраниях в первичных партийных организациях[1]. И кто знает, сколько людей были привлечены к ответственности на основании этих обобщенных и тщательно изученных данных!

Организуя многочисленные собрания и активы, власти тщательно следили за тем, чтобы они проходили под знаком полной лояльности к репрессиям. Каяться и демонстрировать преданность при помощи самоуничижения и яростного разоблачения врагов — единственно безопасный способ действий на собраниях того времени. «Большие многолюдные залы и аудитории,— вспоминала об этих мероприятиях Е. Гинзбург,— превратились в исповедальни. Несмотря на то что отпущения грехов давались очень туго (наоборот, чаще всего покаянные выступления признавались «недостаточными»), все же поток «раскаяний» ширился с каждым днем. На любом собрании было свое дежурное блюдо. Каялись в неправильном понимании теории перманентной революции и в воздержании при голосовании оппозиционной платформы в 1923 году. В «отрыжке» великодержавного шовинизма и в недооценке второго пятилетнего плана. В знакомстве с какими-то грешниками и в увлечении театром Мейерхольда.

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2214. Л. 77 об.

Бия себя кулаками в грудь, «виновные» вопили о том, что они «проявили политическую близорукость», «потеряли бдительность», «пошли на примиренчество с сомнительными элементами», «лили воду на мельницу», «проявляли гнилой либерализм» [1].

Однако действовали так не все. И в потоке благополучно разыгранных собраний, случалось, происходили срывы, досадные для властей отступления от сценария. Правда, открыто противостоять напору демагогов рисковали немногие. Зато частым на подобных мероприятиях было глухое молчание залов или формальные заявления вынужденных ораторов. Все это в полной мере проявилось сразу после февральско-мартовского Пленума на многочисленных собраниях и активах, которые, по расчету властей, должны были не только одобрить репрессии, но и выявить новые их адреса, вызвать волну доносов и разоблачений.

Как правило, по указке сверху эти собрания строились по такому сценарию: сначала горячо поддерживались решения февральско-мартовского Пленума, зачитывались многочисленные и длинные цитаты из выступлений на нем Сталина, проклинались враги народа, троцкисты, правые, шпионы, вредители. А затем осуществлялась, так сказать, привязка общих установок пленума к конкретному коллективу, разоблачались свои, «доморощенные» враги, обличались их сознательные покровители и проглядевшие вредительство руководители-«либералы». И если первая часть этих представлений проходила вполне удовлетворительно, то со второй возникали постоянные проблемы. Не приученные еще к «достаточной бдительности» ораторы пытались ограничиться общими фразами или перечислением уже известных фактов «вредительства», хотя ждали от них новых имен, новых разоблачений.

[1] *Гинзбург Е.* Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. С. 11.

Внимательно следившие за этой кампанией власти — а проведение собраний и активов контролировала большая армия представителей различных руководящих органов — были недовольны. Обобщая результаты состоявшихся активов в наркоматах, председатель Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР Н. К. Антипов жаловался со страниц журнала «Большевик», что прошли они формально, как отбывание очередной повинности, «не вскрыли причин вредительства, причин плохой работы», обсуждали в основном «выявленные уже факты вредительства и диверсий» [1]. Вскоре с аналогичными обвинениями в адрес хозяйственных наркоматов выступила «Правда». Комментируя ход работы актива Наркомтяжпрома, автор правдинской передовой писал: «Уйдя с головой в практические вопросы хозяйственного строительства, многие руководители главков, трестов, заводов оказались в плену узколобого делячества. Расследуя аварию, такой хозяйственник ищет породившие ее технические причины, но не видит той руки, которая вызвала расстройство производства» [2].

Упорно отказывались действовать по рецептам февральско-мартовского Пленума и некоторые участники активов научных учреждений. Вяло шло разоблачение «вражеской деятельности» в Академии наук СССР. Несмотря на подробный доклад Г. М. Кржижановского, который проинформировал собравшихся о февральско-мартовском Пленуме и многозначительно сообщил им, что из 102 выявленных в ведомстве «врагов народа» сама Академия не сумела вовремя разоблачить никого, ученые вели себя крайне пассивно, а то и просто вызывающе. Физиолог Л. А. Орбели, услышав речь одного из штатных «разоблачителей», заявил в кулуарах, что «он не намерен слушать, когда его обливают грязью, поки-

[1] Большевик. 1937. № 8. С. 56.
[2] Правда. 1937. 18 марта. См. также: Правда. 1937. 19 марта.

нул актив и уехал в Ленинград». Академик С. И. Вавилов, брат впоследствии арестованного Н. И. Вавилова, «в своем выступлении всячески обходил политическую сторону вопроса, уклонившись от выражения своего отношения к решениям пленума и речи т. Сталина».

Еще более дерзкими оказались академики ВАСХНИЛ. Они в большинстве своем вообще не явились на собрание. А академик Н. К. Кольцов, посетивший все-таки это мероприятие, устроил целую демонстрацию. Назвав нападки на генетику походом против науки, он заявил: «Я не отрекся от того, что говорил и писал, и не отрекусь, и никакими угрозами вы меня не запугаете». А закончил свою речь стихами:

Брось, товарищ, устрашенья.
У науки нрав не робкий —
Не заткнешь ее теченье никакою пробкой.

О бунте в академиях руководство отдела науки ЦК ВКП(б) подробно проинформировало вождей партии. И это был не единственный случай, когда им приходилось вникать в дела такого рода, реагировать на противодействие курсу февральско-мартовского Пленума. Через две недели после академических активов руководители ВКП(б) вынуждены были заняться конфликтом между сторонниками «усиления бдительности» на Черноморском флоте.

События эти развивались так [1]. Во время выборов партбюро на линкоре «Парижская коммуна» военком корабля Бакулин предложил отвести кандидатуру политрука Эйдельвайна, обвинив его в связях с «чуждым элементом». Собрание, сориентированное решениями февральско-мартовского Пленума, в целом согласилось с военкомом. Однако четыре члена парторганизации —

[1] См.: *Сувениров О.* Против репрессий в Красной Армии (1937—1940 гг.)//Коммунист. 1990. № 17. С. 67—68.

Гасилин, Каневский, Поляков и Рыжиков — обвинили Бакулина в клевете и подали в партбюро линкора соответствующее заявление, отправив его копию в газету «Красный черноморец». Уже на следующий день заявление было помещено в номере под шапкой «Полностью соблюдать внутрипартийную демократию», причем редакция, поддержав выступление четырех коммунистов, выразила уверенность, что парторганизация линкора исправит положение. Действительно, срочно собравшееся партбюро линкора «Парижская коммуна» объявило Бакулину выговор «за антипартийное выступление на отчетно-выборном собрании парторганизации с необоснованным, клеветническим обвинением...». Решение это было сразу же опубликовано в газете «Красный черноморец» вместе с информацией, что начальником политуправления Черноморского флота Г. И. Гугиным поставлен вопрос об отстранении Бакулина от занимаемой должности. Одновременно корреспондент «Правды» Н. Токарев, работавший в Севастополе, подготовил об этих событиях статью, заканчивающуюся утверждением: «Большевики флота не потерпят бакулинских нравов на кораблях». В редакции «Правды» статью первоначально решили публиковать и даже набрали.

Ход событий до этого момента кажется невероятным. Поведение участников дела — людей, несомненно, опытных и искушенных — фактически противоречило духу указаний последнего пленума, категорическим требованиям руководства страны. Это было явное противодействие новому повороту «генеральной линии», независимо от того, насколько осознавали это руководители политуправления флота, корреспонденты газет, коммунисты, выступившие против комиссара Бакулина. Именно так и воспринял эти факты более чуткий к политическим веяниям и осведомленный по поводу истинных планов сталинского руководства редактор «Правды» Л. З. Мехлис.

Уже 14 апреля 1937 г., узнав о статье Токарева, он писал Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Ежову и Ворошилову: «В редакцию поступило сообщение крымского корреспондента «Правды», побывавшего в Севастополе. Мы его корреспонденцию печатать в «Правде» не намерены. Факты, о которых пишет корреспондент, а равно и то, что все это размалевывается на страницах «Красного черноморца», заставляют бить тревогу. Вряд ли целесообразно такие вопросы и в такой форме обсуждать на страницах местных красноармейских газет». Докладной Мехлиса был дан «зеленый свет». Похоже, делом заинтересовался сам Сталин, и уже через день начальник Главпура РККА Гамарник докладывал ему: «Факты, сообщенные Вам тов. Мехлисом, и материалы, помещенные в газете «Красный черноморец», мы рассматривали с тов. Ворошиловым. Командируем в Севастополь помполита начальника Морских Сил т. Ильина с группой политработников для расследования этих дел и исправления допущенных ошибок. В Севастополь уже послана комиссия Генерального штаба для проверки работы штаба Черноморского флота. После этих обследований тт. Кожанов (командующий Черноморским флотом.— *О. Х.*) и Гугин будут вызваны в Москву». Столь быстрая и решительная реакция, несомненно, отражала озабоченность московских властей. Нежелательными и подлежащими немедленному искоренению они считали любые попытки приостановить репрессии, в данном же случае, поскольку дело касалось армии, такие попытки воспринимались как особо опасные.

Судьбу строптивцев Черноморского флота разделили весной 1937 г. многие коммунисты страны. Правда, не все подобные дела были столь громкими и решались на таком высоком уровне. Преобладали другие, менее заметные расправы районного масштаба, как, например, дело заместителя начальника политотдела совхо-

за «Никоновское» Бронницкого района Московской области М. Н. Пастухова. 37-летний выпускник Московского университета, член партии с 1921 г., он был исключен из партии за покровительство вредителям. «В марте 1937 г.,— говорилось в официальной формуле обоснования исключения,— на партсобрании совхоза, несмотря на явные сигналы и факты вредительства в совхозе, Пастухов категорически отрицал наличие вредительства в совхозе и протащил резолюцию, демобилизующую парторганизацию в борьбе с вредительством» [1].

Использование собраний в качестве одного из рычагов упрочения репрессивной политики не ограничивалось весенними месяцами 1937 г. И в последующее время разного рода активы, партийные, комсомольские, профсоюзные собрания становились нередко ареной драматических столкновений, методом запугивания, морального террора. Во многих коллективах «выросли» своего рода штатные ораторы, специализирующиеся на выявлении «врагов». Они охотно, не жалея сил и выражений, клеймили, запугивали, задавали провокационные вопросы. Их боялись, перед ними заискивали. Клевета и оскорбления произносились с легкостью небывалой. Для того чтобы сказать правду, требовалось немалое мужество. Несмотря на это, известны случаи, когда подвергавшиеся нападкам «враги» и их «пособники» получали на собраниях поддержку. Как правило, судьба таких защитников складывалась печально, ведь всякое слово в пользу обвиняемых квалифицировалось тогда как «пособничество врагам». Характерный факт установила проверка Комиссии партийного контроля по одному из дел в Ленинграде. «При поездке в Ленинград,— докладывал ответственный работник КПК (расследование пришлось на период относитель-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3031. Л. 121.

ного «потепления», и это предопределило тон и выводы записки),— нами установлено, что в связи с делом Напольской была подвергнута преследованиям и травле целая группа честных большевиков, вся вина которых заключалась в том, что они на партсобраниях заявляли, что считают неправильными выдвигавшиеся против Напольской обвинения в антипартийной деятельности. Несколько высококвалифицированных специалистов коммунистов — тт. Раткевич, член партии с 1927 г., по специальности инженер-радиотехник, Цветков — горный инженер, Первушина — инженер-геофизик, Петров — геолог, Миклашевич — геолог, Трещина — химик и др.— оказались лишенными возможности работать в области своей специальности и до последнего времени были лишены работы и в парторганизациях подвергались травле и всякого рода необоснованным обвинениям».

Гораздо чаще, чем открытые выступления в защиту «врагов», наблюдались случаи пассивного саботажа обличительных кампаний. Промолчать, уклониться от обсуждения, перевести разговор в другую плоскость казалось более безопасным, хотя и не всегда являлось таковым в действительности. Власти, хорошо зная о таких приемах, бдительно следили за тщательностью исполнения правил проведения собраний, делали непокорным суровые внушения. Жертвой одного из них в июне 1937 г. стала комсомольская организация московской «Трехгорной мануфактуры», проявившая свою «незрелость» на отчетно-выборном собрании. «Прения,— писал в «Правде» П. Лидов,— протекали без должной политической остроты. На фабрике орудовали троцкисты. Производственный план не выполняется с начала 1937 г. Среди молодежи имели место нездоровые настроения. Наконец, в памяти у всех процессы разоблаченных советской разведкой мерзких троцкистско-бухаринских шпионов, убийц и предателей. И если

при всем этом комсомольцы в своих речах почти не выходили из круга будничных вопросов внутрисоюзной работы, это говорит о неправильной системе воспитания молодежи в организации»[1]. Или о правильной, могли бы добавить мы сегодня.

Одной из самых распространенных и нравственно уродливых процедур того времени было публичное осуждение родственников «врагов народа». Эта категория обвиняемых попадала в крайне тяжелое положение. С одной стороны, над ними автоматически после ареста близких нависало подозрение в «пособничестве», «недоносительстве», с другой, их непременно заставляли отрекаться от репрессированных родных, усугубляя страдания, обрекая на мучительный выбор. Многие, или искренне веря в виновность близких, или опасаясь за свое будущее и судьбу детей, отрекались, вымаливая шаткое «прощение». Те же, кто чувствовал в себе силы, обладал необходимыми «тылами», например не был обременен заботами о детях или просто имел отчаянный характер, бросались в бой. Немало коммунистов были тогда исключены из партии с такими формулировками, как П. Л. Абрамов из Лопасни Московской области («на партсобрании и в своем заявлении защищал свою жену: пишет, что «он не допускает и мысли, чтобы моя жена была врагом народа», клевещет на органы НКВД»[2]), или А. П. Фомина из Малоярославца («на партсобрании выступала с защитой своего мужа»[3]).

Страшным оружием разрушения человеческой солидарности, взаимопомощи и совести были собрания времен «большого террора». Страх или подлость заставляли людей преступать грань нравственных запретов.

---

[1] Правда. 1937. 28 июня.
[2] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3036. Л. 117.
[3] Там же. Л. 143.

Вчерашние друзья и коллеги в гневе обрушивали друг на друга грязные обвинения, старались выплыть, утопив ближнего. Как и рассчитывали власти, это усиливало страх и безверие, разобщало, лишало надежд на поддержку, внушало покорную обреченность перед всесилием государства. Тем выше и благороднее были выступления идущих «против течения», противостоящих истерии страха и доносов.

«ПОСОБНИКИ» И «УТРАТИВШИЕ БДИТЕЛЬНОСТЬ»

Известные сегодня сравнительно неполные данные о репрессиях по политическим делам позволяют утверждать, что их жертвами были невиновные. Возможно, конечно, что в результате более углубленного изучения источников отыщутся сведения об арестованных за действительные преступления. Но их, уверен, окажется столь мало, что общий вывод: террор уничтожал невиновных — поколеблен ни в коем случае не будет. Людей тогда арестовывали и расстреливали потому, что был приказ арестовывать и расстреливать, как в той печальной шутке, пришедшей к нам, быть может, из 30-х годов: «Был бы человек — статья найдется».

Однако без вины виновность жертв репрессий вовсе не означает, что все они попадали в застенки не только без причин, но и без повода. Таких было много, но не все. Часть репрессированных поплатились за оппозиционное прошлое, за исключение из партии. Другие — за контакты с «врагами», неосторожное слово или пассивность при поддержке «генеральной линии». В течение нескольких лет, как уже говорилось, парторганы и НКВД собирали досье на многих граждан страны, выявляли в их анкетах «темные пятна». И ко

времени «большого террора» списки потенциальных арестантов имелись и в центре, и на местах. В ЦК ВКП(б), например, отдел руководящих партийных органов под водительством Маленкова подготовил к началу 1937 г. списки номенклатурных работников, участвовавших в прошлом в оппозициях и «имевших колебания», выходцев из других партий, служивших в белых армиях и ранее исключавшихся из ВКП(б). Подавляющее большинство из попавших в это досье были вскоре уничтожены.

Наряду с репрессированными, участь которых предрешили еще до начала «большой чистки» на основании анкетных данных, немало было тех, кто поплатился за отсутствие должной лояльности к новому повороту «генеральной линии» в 1937—1938 гг. Это были недовольные репрессиями, отказавшиеся верить в виновность коллег, родных, близких, объявленных НКВД «врагами народа», пытавшиеся помочь пострадавшим и на своем месте приостановить беззакония. Все эти вновь испеченные «враги», «пособники врагов народа и партии», допустившие «антипартийные высказывания», «клеветавшие на руководство партии и правительства» или «недонесшие о контрреволюционных разговорах», несомненно, были жертвами сталинских репрессий. Но жертвами не безмолвными и покорными, а скорее — сопротивляющимися. Такие люди существовали буквально на всех этажах общественного здания и «вредили» делу репрессий по-разному, каждый в соответствии со своими возможностями.

При изучении протоколов заседаний бюро областных и краевых комитетов партии за 1937—1938 гг. бросается в глаза повсеместное наличие большого количества дел об исключении из ВКП(б) коммунистов, оказывавших поддержку «врагам народа». Чаще всего это были родственники репрессированных, отказавшиеся верить в их вину, хлопотавшие об их освобождении.

Все они ходили буквально по «краю пропасти», потому что любые сомнения с легкостью превращались тогда в клевету на органы НКВД и Советскую власть, а пересылка передач — в сочувствие и даже пособничество врагам. Неудивительно, что не у всех хватало сил вести эту борьбу с государством. Многие отрекались от близких, каялись в ошибках. Но немало оставалось и тех, кто упорно и упрямо добивались своего, словно утратив инстинкт самосохранения, решив, что терять уже нечего.

50-летний мастер Серпуховской ткацкой фабрики, член партии с 1921 г. Д. А. Ермилов подавал в КПК при ЦК ВКП(б) и Серпуховский горком заявления, в которых «выражал недоверие органам НКВД и настоятельно требовал от горкома проверить правильность действий Серпуховского отделения НКВД в аресте двух братьев его жены — Косаревых, осужденных и сосланных за контрреволюционную агитацию», обвиняя НКВД в перегибах. Несмотря на то что Серпуховский горком «дважды обсуждал вопрос о непартийных взглядах» Ермилова, он «категорически отказался признать свои ошибки» и за это в феврале 1938 г. был исключен из партии[1]. Не менее отчаянно действовала и пенсионерка из Наро-Фоминска, член партии с августа 1917 г. И. Г. Смирнова. Ее муж, сын бывшего фабриканта, был арестован и осужден как враг народа в декабре 1936 г. Не смирившаяся с арестом мужа Смирнова в течение долгих месяцев боролась. Она, отмечалось в материалах дела, «ведет агитацию среди беспартийных рабочих о невиновности своего мужа, осуждает органы прокуратуры, пытается добиться его освобождения и обвиняет в клевете на своего мужа органы НКВД». В ответ на это последовало решение бюро Наро-Фоминского райкома — и старую большевичку изгнали из партии.

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3030. Л. 118.

Дело перешло в Московский областной комитет. У приглашенной на заседание Смирновой оставался шанс покаяться, напомнить о своих заслугах. Она же предпочла на заседании бюро обкома вновь заявить, что «мужа арестовали незаконно». Обком утвердил решение райкома [1]. А за несколько месяцев до этого бюро Оренбургского обкома согласилось с исключением из партии Е. П. Герасимовой. Она поплатилась за защиту своего мужа на судебном заседании и «дискредитацию советского суда» [2]. Можно представить себе, что говорила «служителям правосудия» эта измученная женщина, несмотря на то что хорошо понимала, чем это грозит. Несомненно знала, чем закончатся обвинения в адрес НКВД, и Б. И. Катарская из Коломны. В 1937 г. у нее арестовали мужа, трех сыновей, сестру, жену сына. Катарская же продолжала доказывать их невиновность, высказывала «недовольство органами НКВД», носила передачи арестованным родственникам. Из партии была исключена [3]. «После ареста братьев неоднократно ходила в следственные органы для выяснения причин их ареста... выражала недоверие органам НКВД» и Э. О. Маркевич — работница Истринской птицефабрики Московской области [4]. Киевский рабочий, член партии с 1921 г. У. И. Старовойтов был исключен из партии по таким мотивам: «Установлено, что Старовойтов жил в одной квартире со своим сыном, после ареста сына как врага народа, высказывал сомнения в правдивости ареста, передавал ему передачи...» [5]

Немало дел такого рода рассмотрело тогда и бюро Свердловского обкома партии. 3 июля 1938 г., например, оно утвердило решение об исключении из ВКП(б)

---

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3036. Л. 20.
[2] Там же. Д. 5793. Л. 208.
[3] Там же. Д. 3035. Л. 7.
[4] Там же. Д. 3042. Л. 188.
[5] Там же. Д. 5021. Л. 19 об.

А. П. Куценко. Эта женщина вступила в партию в 1917 г. Гражданскую войну от звонка до звонка прошла военкомом санитарной части, а в 30-е годы работала инструктором Свердловского обкома. В справке, объясняющей причины ее исключения, говорилось: «В связи с исключением из партии и арестом мужа Куценко неоднократно делала заявления, компрометирующие органы НКВД, выражая в этом озлобленность и ненависть к ним, всячески защищала своего бывшего, ныне арестованного мужа» [1]. Рабочий кировоградского медзавода, член партии с 1926 г. Н. А. Игнатов лишился билета с такой формулировкой: «Установлено, что после ареста своего брата Игнатова делал ему передачи и поддерживал письменную связь и продолжает утверждать, что его брат арестован невинно» [2]. «За укрывательство мужа, врага народа Крапивина, за связь с ним после ареста и клевету на органы НКВД» исключили из партии тогда и пенсионерку П. С. Елохову из Лысьвы [3].

Поводом для преследования во многих случаях были даже не открытые сомнения в виновности арестованных и обоснованности действий НКВД, а, казалось бы, политически нейтральные поступки. Будь то ходатайства об освобождении или пересылка передач — все однозначно оценивалось тогда как свидетельство неблагонадежности, вполне достаточное основание, по крайней мере, для исключения из партии.

Так, диспетчер Муромского паровозного депо Б. Г. Буйлов остался без работы и партбилета потому, что посмел ходатайствовать за арестованных братьев перед наркомом путей сообщения Кагановичем [4]. Заведующего домом культуры из Ак-Булакского района

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3987. Л. 3 об.
[2] Там же. Д. 3986. Л. 214 об.
[3] Там же. Л. 97 об.
[4] Там же. Д. 888. Л. 40.

Оренбургской области Д. И. Богатыря та же судьба постигла за сбор документов, необходимых для составления прошения о реабилитации отца [1]. За поездки на свидание к осужденным мужьям, передачу им посылок оказались вне партии заведующая хозяйством артели живописцев из Павлово-Посадского района Московской области М. П. Глазунова, жительница Серпухова П. Г. Овсянникова, член ВКП(б) с 1932 г. из Щелковского района Московской области Е. В. Важенкова, Р. Б. Дурач из Таганрога [2]. А в деле ткачихи Истомкинской фабрики Ногинского района Московской области Д. В. Стариченковой было записано: «переписывается и морально поддерживает» арестованного мужа [3].

Из приведенных выше фактов вовсе не следует делать вывод, что в защиту репрессированных выступали исключительно их родственники. Не менее часто в этой роли оказывались друзья, знакомые, коллеги, то есть люди, которые в общем-то могли достаточно просто отойти в сторону, промолчать, прервать знакомство. Общественное мнение, а тем более власти за это бы не осудили. Более того, только разрыв с семьями «врагов народа» мог избавить их знакомых от неприятностей, потому что государство, стремившееся всеми силами изолировать родственников репрессированных, превратить их в отверженных, людей «второго сорта», жестоко расправлялось со всеми, кто препятствовал этой политике. И все же многие, пренебрегая опасностями, нарушали запрет.

Так поступила член партии с 1930 г. И. А. Каплан из Ленинского района Московской области. После ареста «врага народа» Павлова она приютила у себя его жену и «выражала ей сочувствие». Каплан исключили

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5793. Л. 206.
[2] Там же. Д. 3028. Л. 26; Д. 3030. Л. 88, 103; Д. 3699. Л. 159 об.
[3] Там же. Д. 3028. Л. 6—7.

из ВКП(б) [1]. Тогда же за поддержание связи с «арестованным троцкистом Яковенко» оказался вне партии Г. Г. Коломеец, сменный механик гаража кунцевского завода № 46. «В своей переписке с Яковенко,— было зафиксировапо в деле об исключении,— Коломеец заверяет разоблаченного врага народа, что он, Коломеец, остается его верным другом до конца жизни. Коломеец высылал троцкисту Яковенко деньги» [2]. А бюро Ростовского обкома партии в марте 1938 г. утвердило решение об исключении из ВКП(б) заведующего учетом Неклиновского райкома партии В. Г. Алексеенко, «который длительное время находился в дружеских отношениях с Вахольдером (враг парода). После разоблачения Вахольдера Алексеенко продолжал посещать семью Вахольдера» [3].

В Дмитриевском районе Курской области был исключен из партии М. И. Клиндухов. Работая главным механиком Первомайского совхоза, говорилось в его деле, «имел тесную связь с врагом народа Столяровым, часто посещал квартиру Столярова. После ареста Столярова Клиндухов на автомашине совхоза вместе с женой Столярова ездил в Льговскую тюрьму для передачи заключенному вещей и продуктов, писал записку Столярову» [4]. Схожей была судьба коммуниста Малышева из Красноуфимского района Свердловской области. Партийный билет у него отобрали «за связь с ныне разоблаченным врагом народа Берсеневым». После ареста Берсенева Малышев защищал его, говорил, что он не враг, а «при исключении из партии жены Берсенева за связь и защиту троцкиста также взял под защиту ее» [5].

---

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3027. Л. 102—103.
[2] Там же. Л. 106.
[3] Там же. Д. 3700. Л. 121.
[4] Там же. Д. 2644. Л. 269.
[5] Там же. Д. 3983. Л. 82.

Правилом в пору «большого террора» было крайне неприглядное поведение подчиненных в отношении своих поверженных шефов. Словно соревнуясь друг с другом, они старались вылить на бывшего начальника побольше грязи, припоминали или присочиняли компрометирующие факты, старательно и со вкусом прорабатывали тех, перед кем еще вчера стояли навытяжку. Нередко даже читать стенограммы подобных заседаний невозможно без чувства брезгливости. Чего было больше во всем этом: желания оправдаться, дабы не попасть в разряд врагов, или хамства, свойственного люду, поднявшемуся «из грязи в князи», готовности с одинаковым наслаждением пресмыкаться перед сильным и оскорблять слабого? Однако из этого правила, несомненно, были исключения. Об их существовании свидетельствует хотя бы дело С. С. Бабицкого, которое рассматривало бюро Ростовского обкома в марте 1938 г. Бабицкий четыре года работал шофером у первого секретаря Таганрогского горкома Варданьяна. Когда Варданьяна арестовали, обвинив в создании подпольного троцкистского центра, у Бабицкого возник шанс отличиться (кто, кроме водителя, знает больше о своем шефе), однако он рассудил иначе, предпочел неприятности сотрудничеству с НКВД, «не проявил желания помочь в установлении лиц, встречавшихся с Варданьяном, ссылаясь на запамятование, незнание и т. п.» [1].

Подобных примеров человеческой солидарности и порядочности встречалось тогда немало, причем буквально на всех этажах общественного организма. Подлость и жестокость сосуществовали с честностью и милосердием. И если одни руководители партийных комитетов легко находили общий язык с НКВД, вносили свою лепту в дело «разоблачения врагов», то дру-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3701. Л. 7 об.

гие, рискуя собой, помогали жертвам произвола, пытались вывести людей из-под удара, как, скажем, произошло с Н. М. Пидемским, одним из старейших учителей страны, о котором рассказала газета «Известия».

В 1937 г., работая на Севере, Пидемский случайно узнал, что в местном отделении НКВД уже есть ордер на его арест. Руководители района — председатель исполкома Степанов и первый секретарь райкома Архипов — решили спасти Пидемского, срочно переправив его в другой район. «В тот же день я заскочил к Архипову...— рассказывал пятьдесят лет спустя Пидемский.— «Поедешь в Пялицу, это далеко, триста километров морем. Школа там есть. Сегодня же... Пароход уходит вечером».— «Вечером меня могут арестовать прямо на пристани». И тогда первый секретарь райкома сумел договориться, чтобы пароход задержали на пристани до рассвета. Пидемскому выделили лошадь и вместе с женой ночью переправили на судно. Его жизнь была спасена. Вполне возможно, что это было не единственное доброе дело Архипова и Степанова. Вскоре их арестовали [1].

По-разному вели себя в годы репрессий и руководители ведомств и учреждений, от которых требовалась виза-согласие на арест подчиненных. Практика эта вводилась в то время, с одной стороны, для того чтобы придать видимость некоторой законности действиям НКВД, а с другой — втянуть в круговую поруку ответственности за репрессии как можно больше людей. Сегодня уже известно, что многие руководители оставили многочисленные визы, причем нередко самого грубого характера. А вот А. П. Завенягин, став незадолго до смерти Орджоникидзе его заместителем, повел себя иначе. Когда новый нарком Л. М. Каганович передал ему дело на академика И. М. Губкина с указанием завизировать

[1] См.: Известия. 1990. 9 февраля.

согласие на арест, Завенягин отважился связаться по прямому проводу со Сталиным и поручился за Губкина. Академика оставили в покое, но самому Завенягину этот звонок не простили. После длительного домашнего ареста он был отправлен в Норильск начальником строительства металлургического комбината. По воспоминаниям близких Завенягина, Молотов, сообщая ему об этом назначении, заявил: «Мы решили вас не добивать» [1].

По-разному вели себя в те годы, скажем, и работники печати, журналисты. Одни с энтузиазмом включились в подготовку погромных статей, выявление компромата, подогревающего репрессии, и благодаря этому печать сыграла крайне отрицательную роль в развязывании террора. Однако отдельные журналисты вели себя иначе, пытались промолчать, смягчить резкие формулировки, а некоторые даже решались просто на отчаянные поступки.

26 августа 1937 г. «Известия» опубликовали статью своего корреспондента М. Сувинского под названием «Паникеры». Автор резко критиковал руководство Саратовской области и местную газету, которые для оправдания плохой организации уборки урожая «пустили гулять по краю чудовищную, ни с чем не сообразную версию о массовом саботаже уборки». В статье, пожалуй, впервые открыто (и в этом заключалась ее основная идея) прозвучало предостережение: политика репрессий активно поддерживается прежде всего некомпетентными и непорядочными людьми, стремящимися с ее помощью удержаться на незаслуженных постах. «Как иному незадачливому руководителю,— писал М. Сувинский,— не воспользоваться таким удобным, все объясняющим лозунгом для оправдания своей собственной бездеятельности и неумения работать... Что

[1] См.: Советская Россия. 1987. 25 октября.

же делают руководители? Окрыленные мыслью о наличии саботажа, они «развернули» отдачу под суд и отстранение от работы в административном порядке десятков председателей колхозов, бригадиров, председсельсоветов и т. д.». Главная же причина прорывов в сельском хозяйстве Саратовской области, утверждал автор, состоит как раз в массовых репрессиях, дезорганизующих колхозы, лишающих людей уверенности и ответственности.

Статья Сувинского столь разительно отличалась от других публикаций того времени, что ее сразу заметили в ЦК ВКП(б). Проработка автора и газеты была организована на заседании Секретариата ЦК, где и были приняты жесткие санкции. Уже 1 сентября «Известия» сообщили своим читателям: «По вине редакции 26 августа в «Известиях» была помещена политически ошибочная статья М. Сувинского «Паникеры», представляющая собою, по существу, вражескую вылазку. Автор статьи, грубо извративший факты и сделавший в своем выступлении совершенно неправильные и политически вредные выводы, снят с работы в редакции «Известий».

Попытки как-то воздействовать на ситуацию, вывести из-под удара хотя бы отдельных людей были в то время не такой уж большой редкостью. Другое дело, что мы все еще ограничены в доступе к архивным материалам, а поэтому не располагаем документами, позволяющими подробно рассказать об этом противодействии. Одна из самых закрытых сфер — деятельность карательных органов — НКВД, прокуратуры, судов. То, что большинство работников этих органов добросовестно, не щадя живота, выполняли сталинские приказы, не вызывает сомнения. Без этого просто не существовал бы «большой террор». Однако факты свидетельствуют: и в этом случае были исключения из правила.

Достаточно частыми, и об этом уже говорилось в предыдущих главах, были столкновения сотрудников НКВД и надзирающей за их деятельностью прокуратуры. НКВД претендовал в этот период на полную бесконтрольность и для быстроты следствия предпочитал использовать любые методы, не считаясь даже с формальным соблюдением видимости законности. Большинство прокуроров, и прежде всего руководство прокуратуры, предпочитали не ссориться с сотрудниками ежовского ведомства, терпели откровенное пренебрежение законом, санкционировали любые действия распоясавшихся чекистов. Некоторые, однако, вступали на путь конфронтации, требовали от органов соблюдения юридических норм, отказывались давать санкции на сомнительные аресты, пытались самостоятельно проверять дела, заведенные НКВД. Как правило, дело заканчивалось арестом строптивых прокуроров. Причем, попадая в застенки, в руки своих недавних противников, они подвергались особенно изощренным издевательствам и пыткам.

Прокурорское противодействие репрессиям в последнее время изучается, пожалуй, лучше всего. Сегодня, как утверждают авторы сборника материалов, специально посвященного данной проблеме, имеются данные о примерно 80 военных прокурорах, репрессированных за попытки помешать НКВД[1]. Примерно такую же цифру называл 4 года назад генерал-лейтенант в отставке Б. А. Викторов, занимавшийся в хрущевские времена реабилитацией. Он собрал материалы о 74 военных прокурорах, которые не дали санкции на незаконный арест и за это были репрессированы[2].

Судя по фактам, выявленным Викторовым, из-за отказа участвовать в фабрикации дел пострадали тогда

[1] См.: Расправа. Прокурорские судьбы. М., 1990. С. 50.

[2] См.: Комсомольская правда. 1988. 21 августа.

и некоторые руководители органов НКВД. Так, начальник управления по Дальневосточному краю Т. Дерибас отклонил как ложные показания, выбитые следователем у арестованного председателя крайисполкома Крутова, и запретил трогать людей, названных в этих показаниях. «Доброжелатели» доложили обо всем Ежову. Дерибаса арестовали. Такая же судьба постигла начальника Саратовского УНКВД Р. А. Пиляра. Его вызвал к себе Ежов и приказал организовать акцию практически против всего саратовского руководства. Пиляр ответил, что компрометирующих материалов на этих людей нет. Ежов дал три дня для размышлений. Пиляр упорствовал и поплатился за это жизнью.

В источниках встречаются данные о мужественном поведении и рядовых работников НКВД. Так, фельдъегерь Гайворонского райотдела в Курской области Г. Ф. Старенко был арестован «за клевету на ВКП(б) и органы НКВД» [1]. А его коллега из Ташлинского района Оренбургской области пострадал за то, что имел связь со своим тестем Агафоновым, «предупредил его через свою жену об аресте, сам его арестовывать отказался» [2].

Как долго можно перечислять подобные примеры? Что происходило внутри ведомств, претворявших в жизнь сталинские планы массовых репрессий? На эти вопросы еще предстоит ответить, и сделать это, учитывая уровень наших знаний и доступности соответствующих архивов, будет непросто. Однако и сейчас можно утверждать, что люди, оказывающие в той или иной мере противодействие произволу, существовали повсюду. И если бы их не было, террор приобрел бы еще более значительные размеры.

---

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2647. Л. 25.
[2] Там же. Д. 5794. Л. 78.

САМОУБИЙСТВА

Самоубийство было последним и, как правило, единственным способом избежать ареста, прекратить издевательства на следствии. Во многих случаях оно выступало как осознанная форма протеста. Ведь при общей задавленности террором, отсутствии каких-либо возможностей открыто выступить и быть услышанным самоубийство, сопровождавшееся обычно предсмертным письмом, оставалось самым сильным аргументом, к которому могли прибегнуть беззащитные перед силой государства люди. Кроме того, преследуемые рассматривали самоубийство как средство доказать свою невиновность и отвести репрессии от родных и близких.

Самоубийства по политическим мотивам, самоубийства-протесты давно были известны в большевистской партии. Памятной оставалась волна самоубийств на почве отрицания нэпа, несогласия с этой, как казалось многим большевикам, капитуляцией перед буржуазией. Значительные последствия имело самоубийство в конце 1927 г. известного дипломата А. А. Иоффе. Одной из причин этого шага было желание продемонстрировать протест против исключения из партии Троцкого. Предсмертное письмо Иоффе, обличавшее порядки, складывавшиеся в ВКП(б), равно как и сам факт самоубийства были использованы оппозиционерами в борьбе против Сталина, которому пришлось предпринимать энергичные контрмеры, чтобы снизить пропагандистский эффект этого события. Ростом самоубийств сопровождалось усиление политического террора в 30-е годы. Первоначально факт самоубийства по традиции рассматривался как свидетельство в пользу жертвы. Случаи самоубийств или покушений на них обязательно расследовались и в результате появлялись специальные решения, в которых почти всегда осуждались должно-

стные лица, побудившие своими действиями жертву к самоубийству. Порядок этот укоренился и по инерции продолжал действовать и в первые месяцы «большого террора».

В качестве иллюстрации можно привести ряд решений Пермского горкома партии, принятых в начале 1937 г. 27 февраля на бюро горкома рассматривался факт покушения на самоубийство заведующего парткабинетом Пермской МТС Иванова. Выяснилось, что, выступая с докладом на собрании рабочих МТС 22 февраля, в канун годовщины Красной Армии, Иванов произнес фразу, которую руководители парторганизации сочли «троцкистской контрреволюционной пропагандой». Третируемый Иванов попытался покончить с собой и написал письмо такого содержания: «Прошу опубликовать в партийной и советской печати. И. В. Сталину. Я считал для себя важнейшей задачей и самой почетной работой пропагандировать учение Маркса — Ленина и Сталина. Я молодой член партии, но всю свою работу подчинял делу социалистического строительства в нашей стране... 22 февраля получилось мое несчастье, когда я делал сообщение о 19-й годовщине РККА на собрании рабочих МТС и меня обвинили в протягивании контрабанды («троцкистская контрабанда» — традиционный штамп того времени.— *О. Х.*). Я как честный гражданин нашей прекрасной Родины такое клеветническое пятно перенести не мог. Прошу расследовать. Прощай, дорогой, любимый вождь, учитель, отец и друг, родной т. Сталин. Всю свою жизнь я ненавидел врагов народа, трижды проклятых Троцкого и его приспешников, а сейчас меня обвиняют в их защите и в клевете на В. И. Ленина».

Попытка самоубийства Иванова дорого обошлась его противникам — руководителям парторганизации. Бюро горкома однозначно встало на сторону пострадавшего. Обвинения в его адрес были признаны «мел-

кобуржуазной перестраховкой», а секретарю и членам парткома объявили выговор. Любопытная деталь: руководители Пермского горкома были настолько уверены в правильности своих действий, что решили отличиться и направили письмо Иванова в ЦК — вот каких преданных вождю коммунистов воспитывает пермская организация! Следуя той же логике, через некоторое время бюро Пермского горкома принимало решение и по факту самоубийства инструктора политотдела железной дороги Волковой. Ее также признали невиновной и сделали внушение за формально-бюрократическое и непартийное отношение к члену ВКП(б) начальнику политотдела. Как выяснилось на этом заседании, в городе были и другие случаи самоубийств. Бюро решило провести во всех организациях, где они произошли, специальные собрания и прислать на эти собрания руководителей горкома с сообщениями о недопустимости «барско-пренебрежительного отношения к людям».

Можно задать вопрос: что было бы с Ивановым, Волковой и другими, не решись они на самоубийство? С большой долей вероятности можно утверждать, что их ждала судьба многих из тех, кого обвинили тогда в «троцкистской» деятельности — исключение из партии, почти неизбежный арест. Значит, сведение счетов с жизнью или попытка предпринять этот шаг оказались спасительными, помогли сохранить доброе имя, а в случае с Ивановым — избежать ареста. Этим и объяснялось широкое распространение самоубийств. В общественном сознании сохранялось сочувствие к самоубийцам, их рассматривали как жертвы произвола и клеветы.

Такая ситуация абсолютно не устраивала верховную власть. Сталин и его помощники быстро поняли, что самоубийства, участившиеся с началом массовых репрессий, становятся помехой. Они бросали тень на

новый поворот «генеральной линии», вызывали сочувствие к «врагам», смущали даже безусловно твердых сталинцев. В этих условиях по инициативе Сталина были предприняты шаги для того, чтобы закрыть этот источник «самоволия», утвердить выгодную властям оценку: застрелился — значит, враг, запутавшийся в преступлениях.

Летом 1936 г. в Москве произошли два громких политических самоубийства-протеста. И в отношении обоих Сталин занял жесткую, непримиримую позицию.

22 августа, после того как на судебном процессе по делу Каменева и Зиновьева прозвучали показания о связи с троцкистскими «подпольными центрами» лидеров бывшей «правой оппозиции», покончил с собой М. П. Томский. В своем предсмертном письме на имя Сталина он отверг все обвинения и, взывая к совести вождя, несомненно для того, чтобы смягчить участь семьи, писал: «Я обращаюсь к тебе не только как к руководителю партии, но и как к старому боевому товарищу, и вот моя последняя просьба — не верь наглой клевете Зиновьева, никогда ни в какие блоки я с ним не входил, никаких заговоров против партии я не делал...» [1] Сталинский ответ не заставил себя ждать. Уже на следующий день «Правда» опубликовала сообщение: «ЦК ВКП(б) извещает о том, что кандидат в члены ЦК ВКП(б) М. П. Томский, запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами, 22 августа на своей даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством».

Так же, хотя и длилось более продолжительное время, закончилось дело о самоубийстве известного московского партийного работника Фурера, подробные воспоминания о котором оставил Н. С. Хрущев [2]. Фурер,

[1] Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 71.
[2] См.: Вопросы истории. 1990. № 5. С. 54.

высокопоставленный сотрудник Московского комитета партии, застрелился после ареста своего товарища — заместителя наркома путей сообщения СССР Лившица. При этом он тоже оставил большое письмо на имя Сталина, в котором доказывал, что арест Лившица и других коммунистов — ошибка. Сила этого письма заключалась в том, что написал его человек, официально не обвиняемый во вражеской деятельности. Переполненное теплыми словами в адрес самого Сталина и других членов Политбюро, оно воспринималось как искреннее предупреждение честного члена партии, который пожертвовал своей жизнью во имя прекращения произвола. Сталина в Москве не было, и Хрущев привез письмо остававшемуся на «хозяйстве» в Политбюро Кагановичу. «Каганович,— вспоминал Хрущев,— зачитал его при мне вслух. Он плакал, просто рыдал, читая. Прочел и долго не мог успокоиться». По поручению Кагановича Хрущев разослал копии письма членам Политбюро. Самоубийцу, вопреки общим правилам, хоронила в этом случае московская парторганизация, подтверждая таким образом невиновность Фурера. Однако возвратившийся из отпуска Сталин дал делу другую оценку. Он вызвал Хрущева и сказал ему: «Фурер застрелился, этот негодный человек... Он взял на себя смелость давать характеристики членам Политбюро, написал всякие лестные слова в адрес членов Политбюро. Это ведь он маскировался. Он троцкист и единомышленник Лившица. Я вас вызвал, чтобы сказать об этом. Он нечестный человек, и жалеть о нем не следует».

Проведя подобную воспитательную работу со своими ближайшими соратниками, Сталин вернулся к вопросу о самоубийствах на декабрьском Пленуме ЦК ВКП(б). Теперь уже для широкого круга членов ЦК он дал установку: Ломинадзе, Томский, Фурер — враги, которые пытались уйти от ответственности и при этом

нанести удар по партии. Самоубийство Томского на пленуме однозначно трактовалось как улика, доказывающая существование контрреволюционной организации «правых», виновность и Бухарина, и Рыкова. «Самоубийство Томского,— заявил Молотов,— это есть заговор, который был заранее обдуманным актом, причем не с одним, а с несколькими лицами Томский уговорился кончить самоубийством и еще раз нанести тот или иной удар Центральному Комитету».

После декабрьского пленума, несмотря на засекреченность его материалов, эти оценки разными путями распространились на местах. Так, сталинскую трактовку причин самоубийства Фурера в начале января 1937 г. на пленуме Азово-Черноморского крайкома партии изложил А. А. Андреев, приехавший в Ростов-на-Дону снимать Шеболдаева: «Фурер, работник Московского комитета, застрелился и оставил длинное письмо, чуть не на 15 страницах. Когда читаешь это письмо, как будто крики души искреннего человека. Что же оказалось? Оказалось, что он был в украинском центре террористов... Видите, чего стоят эти самые самоубийства? Мы это теперь будем принимать только как подтверждение этих показаний, только так, что всякое самоубийство есть подтверждение того, что враг стрелялся» [1].

Это разъяснение участникам пленума потребовалось потому, что в Ростове-на-Дону оказался свой самоубийца — секретарь крайкома партии Колотилин. Пресекая возникшие сомнения, Андреев, полностью исходя из сталинской установки, твердо заявил о Колотилине: «Тем, что он застрелился, он целиком подтвердил свою виновность, потому что стреляться невиновному человеку незачем... Стреляется негодяй, которому

---

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2196. Л. 33.

некуда деваться. Это своеобразный метод... своеобразная тактика, чтобы уйти от следствия» [1].

Итак, официальная точка зрения на самоубийства к началу 1937 г. была сформулирована. Не следовать ей было невозможно. И все же в рамках жестко заданных оценок — безусловного осуждения — наблюдались нюансы, свидетельствующие о более сложном отношении в партии и обществе к каждому конкретному случаю сведения счетов с жизнью. Примером могут служить события, происходившие в марте 1937 г. в руководстве Свердловского обкома партии.

К этому времени истерия массового выявления «врагов» в полной мере охватила и Урал. Одним из тех, кто попал под первую волну репрессий, был член бюро Свердловского обкома ВКП(б) Узюков. Еще до ареста ему предъявили стандартные обвинения — антипартийное прошлое, покровительство «врагам народа». Судьба его была предрешена, оставалось выполнить лишь некоторые формальности: учитывая, что Узюков член бюро, рассмотреть вопрос о нем на пленуме обкома. Однако во время заседаний пленума Узюков написал предсмертное письмо и покончил с собой. Копии письма вручили участникам пленума. Необходимо было реагировать, дать оценку, осудить. Первому решать эту задачу выпало директору Уральского завода тяжелого машиностроения Владимирову. Поднявшись на трибуну, он сказал: «Я только что прочитал письмо и не могу сформулировать всех своих мыслей... Несмотря на то, что письмо как будто бы написано правдиво, но опыт борьбы, которая происходит сейчас внутри партии, говорит о том, что сейчас время такое, что нельзя верить даже посмертным письмам, ибо даже посмертные письма бывают лживыми... При любых условиях выстрел является демонстрацией против партии, выстрел

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2196. Л. 23.

сейчас означает: имейте в виду, если будете так обращаться с людьми, имевшими политические ошибки, так вот какой сигнал мы даем партии, что вы калечите людей и заставляете их браться за револьвер. Это при любых условиях демонстрация, акт враждебный, направленный против партии. Для нас не имеет значения потеря Узюкова, если он честный член партии, жалко, конечно, но иной оценки он не заслуживает» [1]. Значительно более категоричным, хотя и говорил о том же, был другой выступавший: «Для меня совершенно ясно, что это плевок в лицо партии и что это не просто малодушие, а что это демонстрация против партии» [2].

О чем же свидетельствуют эти выступления? Формально все требования политической лояльности были соблюдены и самоубийство Узюкова осуждено. Однако осуждено вовсе не так, как требовал это в своей речи, скажем, Андреев. Для него всякое самоубийство — свидетельство того, что стрелялся враг, стремящийся уйти от возмездия, а участники пленума Свердловского обкома заклеймили Узюкова как возможно и честного коммуниста, но посмевшего предъявлять партии ультиматумы, протестующего при помощи самоубийства против гонений на людей, «имевших политические ошибки», устраивающего демонстрации. Разница очевидна и не случайна. Для современников «большого террора» было ясно, что во многих случаях самоубийства являлись протестом против усиления репрессий, попыткой воздействовать на власти.

Однако руководство партии продолжало гнуть свою линию: самоубийцы — враги. И когда через несколько месяцев после самоубийства Узюкова — в мае 1937 г. — в Свердловской парторганизации началась очередная перетряска руководящих кадров, сопровождавшаяся,

---

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3951. Л. 330.
[2] Там же. Л. 364.

как обычно, самоубийствами, вольности в оценках допущено уже не было. Роль разъездного эмиссара-карателя в Свердловске выполнил тогда — уже который раз в своей политической биографии — Андреев. Собрав пленум обкома, он сообщил решение ЦК о снятии первого секретаря Кабакова и представил нового — Столяра. После этого вечером 22 мая на пленуме выступил второй секретарь обкома Пшеницын. Он каялся, признавал ошибки, доказывал свою преданность и, как выяснилось позже, не случайно.

На следующий день утреннее заседание пленума председательствующий Столяр открыл сообщением: «Вчера по вызову должен был выехать в Москву второй секретарь обкома Пшеницын. Выезд он наметил сегодня утром. Вместо того чтобы выехать сегодня утром, Пшеницын застрелился. Что это означает? Это означает, во-первых, желание уйти от ответственности за все те события, которые мы сегодня обсуждаем, и, во-вторых, это, несомненно, означает, что совесть человека была нечиста, что человек имеет за собой тяжкую вину перед партией. Вот об этом возмутительном поступке я и хотел довести до сведения пленума, об этой возмутительной демонстрации. Я думаю, что можно этим сообщением ограничиться и перейти к работе пленума» [1].

Но «ограничиться сообщением» Столяру не дал Андреев. Действительно, что за формулировки — «совесть нечиста», «возмутительная демонстрация». И Андреев расставил все точки над «і»: «Я думаю, товарищи, что не совсем будет ясно, что предопределило то, что Пшеницын застрелился... То, что он застрелился,— это вещь не случайная. Вчера он распространялся здесь, с этой трибуны насчет преданности партии, преданности тов. Сталину и т. д., но ЦК известно по показаниям арестованных троцкистов, что еще в 1933 г. по работе

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3952. Л. 62.

на Дальнем Востоке Пшеницын был связан с троцкистской организацией. Мы хотели это проверить, а вот то, что он застрелился, подтвердило это обстоятельство. Ясно, человек, у которого совесть чистая и у которого ничего нет преступного в прошлом и настоящем, ему стреляться незачем. Если на него кто-нибудь клевещет, он имеет все возможности оправдаться» [1].

Насчет возможности оправдания Андреев, конечно, лгал, и многие из сидевших в зале знали это. Но понимали они и другое: устами эмиссара из Москвы категорически подтверждена официальная установка: застрелился — значит, враг, самоубийство — доказательство вины. Но несмотря на подобные категорические указания, местные власти были вынуждены гибче реагировать на факты самоубийств, приняв на вооружение своеобразный двойной стандарт — разное отношение к самоубийствам начальников и рядовых граждан. Понять, чем это было вызвано, нетрудно. Ведь одно дело, когда из жизни уходил руководитель, живший под недремлющей охраной НКВД в привилегированном доме, которого мало кто знал и до которого мало кому из сотен тысяч рядовых граждан страны было дело. И совсем по-иному воспринималась смерть «на миру», о подробностях которой сразу же узнавали сотни людей, а молва разносила слухи еще шире. Это подрывало один из основных принципов сталинской системы — делать что угодно, но так, чтобы об этом знало как можно меньше людей, избегать широкой огласки, смущающей умы. Именно поэтому самоубийц из народа, как правило, осуждали лишь за совершение самого самоубийства и оправдывали по обвинениям во вражеской деятельности. Более того, привлекали к ответственности должностных лиц, которые своими преследованиями вызвали самоубийство. Примером здесь может служить

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3952. Л. 62—63.

дело Игнатьева, которое рассматривало 17 мая 1937 г. бюро того же Свердловского обкома.

В селе Сысерть Октябрьского района, как и в других местах, райком партии проявлял «особую бдительность». Одно за другим следовали исключения из ВКП(б), причем лишенных партбилета и членов их семей изгоняли с работы, оставляли без пенсий. Один из таких исключенных — Игнатьев — покончил с собой, предварительно убив членов своей семьи. Понятно, что дело получило широкую и нежелательную огласку. Бюро райкома партии вынуждено было дать ему ход и свалило всю вину на самого Игнатьева, объявив его действия «антисоветскими». Несмотря на формальную верность такого решения, его соответствие «высочайшим указаниям», областное руководство — и это показательно — внесло коррективы. Согласившись, что Игнатьев совершил «антисоветский поступок», бюро обкома потребовало найти «действительных виновников необоснованного исключения Игнатьева из партии». Объявив выговор первому секретарю райкома и сняв с работы второго, оно поручило разобраться с секретарем партийной организации, где Игнатьев состоял на учете, и с инструктором райкома, «не принявшими мер к тщательному изучению дела» [1]. Такое решение, конечно, противоречило установкам из Москвы, но зато позволяло смягчить отрицательные последствия самоубийства Игнатьева, создавало видимость непричастности высоких властей к произволу.

В общем, несмотря на энергичные попытки сбить волну самоубийств, они продолжались, потому что у беззащитных перед силой государственного террора людей практически не оставалось иных методов самозащиты, спасений от преследований родных и близких. Покончили с собой председатель правительства Укра-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3982. Л. 100.

ны А. П. Любченко [1], начальник Политического управления РККА Я. Б. Гамарник, грузинский поэт П. Яшвили и тысячи других известных, менее известных и совсем неизвестных людей. Только в Красной Армии в 1937 г., по данным О. Ф. Сувенирова, было зарегистрировано 782 случая самоубийств, а в 1938 г. (без Военно-Морского Флота) — 832 случая [2].

И часто это были не просто поступки отчаявшихся, раздавленных людей, но протест сильных личностей.

ИЛЛЮЗИИ И ПРОЗРЕНИЕ ПОКОЛЕНИЯ 30-х

Февральский номер журнала «Большевик» за 1937 г. открывался большой передовой, посвященной итогам суда по делу так называемого «антисоветского троцкистского центра». Начиналась она словами: «Единодушным одобрением встретил советский народ приговор Военной коллегии Верховного суда... На фабриках и заводах, в колхозах, на общегородских митингах трудящихся прокатилась бурная волна народного гнева против подлых изменников и предателей нашей Родины, против убийц рабочих и красноармейцев, против германских и японских шпионов, поджигателей мировой войны». А заканчивалась резолюцией общегородского митинга трудящихся Москвы так: «Не уйти от народного гнева, не уйти от революционного правосудия и кровавому псу фашизма, врагу народа Иуде — Троцкому и всей контрреволюционной своре троцкистов и правых» [3].

Проведение многочисленных митингов, собраний и

---

[1] Существует также версия об убийстве Любченко сотрудниками НКВД. См.: *Бачинский П. П., Табачник Д. В.* Афанасий Петрович Любченко//Вопросы истории. 1990. № 12. С. 60—75.

[2] См.: Коммунист. 1990. № 17. С. 73.

[3] Большевик. 1937. № 3. С. 1, 8.

принятие подобных резолюций, как уже говорилось, было составной частью «большой чистки». Центральные и местные газеты после каждого политического процесса буквально переполнялись «народным гневом». Авторы многочисленных заявлений, резолюций, статей, писем словно соревновались между собой в употреблении крепких выражений и эпитетов. Насколько же подобное негодование было искренним и «единодушным»? Во что верили и о чем догадывались люди 30-х годов?

Сегодня в ответ на этот вопрос можно обнаружить несколько точек зрения, в том числе две крайних. Сторонники одной принимают казенное негодование, сохранившееся на газетных страницах конца 30-х годов, за истинные настроения подавляющего большинства советского общества. Другие же считают, что современники террора многое понимали и молчали не потому, что верили Сталину, а потому, что боялись. «Мне казалось и кажется,— пишет по этому поводу В. Кондратьев,— что «ненависть к врагам народа» полыхала больше на страницах газет и в черных тарелках репродукторов, нежели в душе народа. Думал тогда, думаю и сейчас, что в сердцах огромнейшего большинства людей горела не ненависть, а жило сочувствие и, разумеется, страх» [1]. Еще более категоричен другой писатель, И. С. Шкапа, соратник и друг М. Горького, проведший двадцать лет в тюрьмах и лагерях: «Не было уже и тогда столь громко воспеваемого единства народного взгляда на события, на вождя, а вот страх уже холодил многие души... Особенно отвратительны мне те... которые и в то время, и десятилетия спустя делали вид, будто только XX съезд партии открыл им глаза на бесчеловечность, чудовищность сталинского режима. Не верю я им! Все они видели и знали! Но по-обыватель-

[1] Литературная газета. 1989. 24 мая. С. 11.

ски забивались в углы. И это с их молчаливого, лояльного, подлого согласия набивались под завязку тюрьмы и лагеря теми, кто посмел проявить волю, в ком не угасла тяга к самостоятельности мышления, кого в ту пору так легко, безнаказанно можно было оклеветать. Позже, увы, то же самое повторится с теми, кто «прозрел» после смерти Брежнева. Ах, они были не в курсе!» [1]

Так верили все же современники в существование сотен тысяч врагов или, задавленные террором, делали вид, что верят? Думаю, что мы располагаем фактами, позволяющими положительно ответить как на первый, так и на второй вопрос. Более того, между абсолютной верой и безверием располагалась масса, так сказать, промежуточных типов общественных настроений. У поколения 30-х годов были основания как для принятия объяснений официальной пропаганды, так и для сомнений, как для молчания, так и для откровенности.

Сначала о веривших.

Рядовому советскому гражданину в конце 30-х годов было крайне непросто разобраться в обстановке. Не слишком высокий уровень культуры, незначительный политический опыт, скудость информации — все эти обстоятельства делали людей безоружными перед абсолютно господствующей официальной пропагандой. Годами их приучали к мысли, что у нового общества много врагов, как внешних, так и внутренних, и не все из этих утверждений были мифом. В Германии к власти пришел Гитлер. Тревожная обстановка складывалась на Дальнем Востоке. Сталинская политика террора постоянно умножала число недовольных, а то и озлобленных насилием и несправедливостью. Конечно, эти люди не были врагами своего народа, но, несомненно, многие из них ненавидели, и вполне справедливо, созданную

[1] Литературная газета. 1988. 23 ноября. С. 5.

Сталиным государственную систему. Отделить же Сталина от народа и высоких идеалов мог далеко не каждый. А поэтому его враги воспринимались большинством как «враги народа».

Нередко неискушенные люди списывали на врагов — что, впрочем, порой делаем сегодня и мы — многочисленные трудности и вопиющие проблемы, существовавшие в стране. Сложившаяся за годы первых двух пятилеток хозяйственная система порождала такую немыслимую бесхозяйственность, а недемократичная государственность — такой дремучий бюрократизм и злоупотребления, что массы охотно верили в существование разветвленного вредительства. Потому что воистину только враги народа могли завести в стране подобные порядки. Понимая это, сталинское руководство разворачивало репрессии на волне демагогической кампании самокритики, осуждения бюрократизма и злоупотреблений руководящих работников. В народе накопилось недовольство тяжелыми условиями жизни, произволом и преступлениями государства. Многие из руководителей, сложивших голову в 1937—1938 гг., на самом деле были «героями» раскулачивания и выкачивания хлеба из умирающих от голода деревень, преследовали инакомыслящих, железной рукой расправлялись с малейшим недовольством, редко церемонились с законами и простой порядочностью. А поэтому их арест воспринимался зачастую как заслуженная кара, если не сочувственно, то равнодушно.

Несомненно, сыграл свою роль и своеобразный «эффект привыкания» к произволу, о котором вспоминают многие современники тех событий. «К массовым репрессиям конца 30-х годов,— свидетельствует, например, Н. С. Ошивалов, работавший тогда в Свердловском горкоме партии,— мы сами себя готовили шаг за шагом... Сначала гонения обрушились на бывших белогвардейцев, затем на бывших меньшевиков и эсеров, затем на-

ступил черед людей, допускавших когда-либо какие-либо политические колебания, а таких в период построения нового общества всегда немало — точный ответ заранее никому не известен... Наконец, наступил черед верных ленинцев. И партия не ужаснулась расправе над ними» [1].

Репрессии так или иначе затронули миллионы. Но не всех. Для многих и в эти трагические годы жизнь складывалась достаточно благополучно. Они были молоды, работали, наслаждались жизнью, а значит, были счастливы. «Так ли было нам страшно жить, как кажется сейчас, когда читаешь идущую бурным потоком антисталинскую литературу, мемуары, воспоминания, документы?.. Как ни странно — нет. Мы родились уже в клетке, а рожденные в неволе, как известно, не замечают ее, полагая решетку естественным, нормальным атрибутом своего существования. И в этом заключалось наше... счастье, как ни кощунственно произносить это слово в таком контексте» [2] — эти размышления В. Кондратьева многое разъясняют в мироощущении молодого поколения 30-х. Так же воспринимал свою молодость и А. Солженицын: «Ведь воронки ходили ночью, а мы были — эти, дневные, со знаменами. Откуда нам знать и почему думать об арестах? Что сменили всех областных вождей — так для нас это было решительно все равно. Посадили двух-трех профессоров, так мы ж с ними на танцы не ходили, а экзамены еще легче будет сдавать. Мы, двадцатилетние, шагали в колонне ровесников Октября, и, как ровесников, нас ожидало самое светлое будущее» [3].

Это оптимистическое восприятие действительности и перспектив не было только продуктом действия официальной пропаганды. Постепенно, но по нарастающей

[1] 37-й на Урале. Свердловск, 1990. С. 170—171.
[2] Литературная газета. 1989. 24 мая. С. 11.
[3] *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М., 1989. С. 160.

повышался в те годы уровень жизни. Другое дело, что был он еще очень низким, едва достиг отметки 1928 г. Но ведь тот далекий 1928 г. уже забылся, зато хорошо помнили голодные 1932—1933 гг. И на этом фоне торговля без карточек, достаток хлеба воспринимался как великое благо, вселял уверенность, укреплял симпатии к руководству. Ему уже словно простили прошлый голод. Главное — чтобы сегодня было сытым.

Приносило свои плоды тщательное сокрытие того, что происходило в застенках НКВД, лагерях. Люди жили в неведении, а официальная пропаганда прилагала немало усилий, чтобы это неведение укрепить. Страна жила как бы в двух измерениях. В одном оставались ночные аресты и расстрелы, тюрьмы и лагеря. В другом — устанавливали рубиновые звезды на Кремлевских башнях, принимали решения о снижении розничных цен, высаживали экспедицию на Северный полюс, восторженно встречали Чкалова, Байдукова и Белякова, впервые в истории совершивших беспосадочный перелет по маршруту Москва — Северный полюс — Северная Америка. Во всех городах страны в моду входили коллективные воскресные массовки и выезды на природу, гуляния в честь многочисленных профессиональных праздников, выборов и т. п. 17 июля 1938 г. в Центральном парке им. Горького открылся четвертый московский карнавал. 100 тыс. человек должны были стать его участниками. Выступали артисты оперетты, цирка, эстрады, устраивались игры, пляски, танцы...

Добавим, что именно в эти годы и именно благодаря массовым репрессиям многие делали головокружительные карьеры, «выбивались в люди». И если удавалось им тогда уцелеть, прочно войти в «номенклатурную обойму», кто мог после этого доказать им, что жили они в период произвола и преступлений?!

Особая восприимчивость поколения 30-х годов к официальным версиям происходивших событий объяс-

нялась еще и тем, что всякие сомнения в их справедливости были просто опасны. Рассуждая сегодня о сознании людей того времени, писатель А. Письменный в статье под заголовком «Я искренне верил Сталину...» рассказывает: «В те годы было несколько способов душевного существования или поведения. Перечислю четыре главных; вероятно, они не исчерпывают все возможности.

Первый способ — выступить активным борцом против партии, а значит, и против Советской власти, потому что партия и Советская власть в СССР едины...

Второй способ существования... остаться в стороне от всяких общественных интересов, замкнуться в равнодушии, безучастности, превратиться в обывателя, с равным безразличием относящегося и к светлым, и к темным явлениям жизни...

Был третий путь — путь лицемерия. Это был весьма распространенный, но отнюдь не самый легкий путь. Не так просто, как кажется, постоянно делать вид, что участвуешь в общей работе, а то и горишь на ней, а то и захлебываешься от энтузиазма...

Можно ли посчитать справедливым мое суждение или нет, но самым правильным и, если не сказать честным, то самым разумным, во всяком случае, чистосердечным, был четвертый способ существования — слово «поведение» к нему неприменимо — *поверить*. Поверить в то, что идет ожесточенная классовая борьба, что остротой ее формы объясняются все странности, даже таинственности происходящего вокруг. Поверить, что Сталин отстаивает интересы простого народа и ведет широкую борьбу с врагами и оппозиционерами» [1].

Трудно сказать, насколько этот четвертый путь был действительно «чистосердечным». Но очевидно, что он был самым простым, а поэтому по нему шли очень мно-

[1] Книжное обозрение. 1989. 6 октября. С. 10.

гие. Для того чтобы выжить, нужно верить. Осознанно или неосознанно, люди гнали от себя крамольные мысли, предпочитали не перегружать сознание и совесть раздумьями о многочисленных несостыковках официальной идеологии и жизни. Те же, кто вырывался из этого состояния, все равно опасались высказать свои мысли вслух. Таким образом, официальные версии не встречали существенных препятствий.

Все эти и многие другие обстоятельства переплетались, образуя сложную картину, в которой сливались воедино реальность и ложь, объективные проблемы и порочные методы их разрешения, страх и вера в вождей, в Советскую власть. Разобраться в этом калейдоскопе человеку 30-х годов было непросто. И все же постепенное прозрение охватывало определенные слои общества. Потрясающие масштабы репрессий, самые невероятные обвинения в адрес часто малограмотных и не имевших никакого отношения к политике людей или, наоборот, руководителей, которых еще недавно боготворили,— все это рождало сомнения, стимулировало самостоятельные поиски ответов на уже разъясненные официальные вопросы.

Свидетельства о таких настроениях сохранились в многочисленных документах. Категорическим отказом верить в виновность репрессированных пронизаны многочисленные жалобы и прошения. В ряде писем на имя руководства страны вопрос о репрессиях ставился резко, а действия НКВД объявлялись преступными. Немало фактов, свидетельствовавших о прозрении людей, понимании ими преступной сути происходившего, приводилось выше. Дополнением к ним могут стать сохранившиеся дневниковые записи тех лет, время от времени извлекаемые из небытия.

Особенно интересны дневники академика В. И. Вернадского за 1938 г. Вот некоторые из его записей.
5 января: «Мильоны арестованных. Это **быт.** Мильоны

заключенных — даровой труд, играющий очень заметную и большую роль в государственном хозяйстве».
11 января: «Всюду [разговоры] о терроре. В крестьянской среде масса высылок. Очень нервные настроения кругом. Расстрелы среди верхушки колхозов».
25 января: «Все больше говорят о болезни или вредительстве руководителей НКВД».
20 февраля: «Все больше слышишь о вредительстве Ежова. Опять ненужная, возмущающая кругом жестокость. Опять разговоры о сознательном вредительстве».
19 марта: «Всюду известия об арестах и суровом режиме в тюрьмах. Никого не пугает, но недоверие растет — совершенно пассивное. Никакой силы [власти] не чувствуется. Большую ошибку сделали с процессом. Сейчас как будто люди подумали и меньше верят, чем раньше. Это новое для меня впечатление».
24 марта: «Со всех сторон слухи об арестах. Накапливается недовольство, и слышишь его проявления, несмотря на страх. Раньше этого не было».
12 апреля: «Сколько ненужных страданий и жестокости, ничем не оправдываемой, от НКВД кругом. Стон и недоумение».
17 апреля: «Для меня ясно, что все это безумие безнадежно — и страна не может жить, развиваться под такими давлением» [1].

Несомненно, эти дневники интересны не только как свидетельство всепонимания самого Вернадского, но и как наблюдение очевидца, который сталкивался с настроениями, в значительной части вовсе не восторженными, а скорее критическими. Определенным свидетельством их достаточно широкого распространения, кстати, могут служить и другие дневниковые записи — школьника из маленького городка Буй (ныне Костромской области) Юрия Баранова.

[1] Совершенно секретно. 1990. № 8. С. 10—13.

Его дневник — документ большой силы. Написал его человек чистый, глубоко преданный Родине, но не бездумный усвоитель официальных истин. Как и многие его сверстники, Юрий в 1937 г. потерял отца. По поводу его ареста он писал: «Страшное несчастье постигло нашу семью. Папу арестовали по обвинению в самом страшном — во вредительстве. Я уверен, нет, более, чем уверен, что он этого не заслуживает, а даже наоборот...» Запись после суда: «В результате случилось то, чего мы все боялись и о чем боялись даже думать,— папу приговорили к расстрелу. Это совсем не значит, что я отказываюсь от своих замечаний о папе, которые давал в этом дневнике. Нет. Я мог бы много написать о его суде, но не могу сделать этого, как не мог писать даже замечаний об этом до сих пор».

И как вывод стихи:

Не ждал я такого исхода
И горьких не ждал этих слез.
В страну, где кончалась свобода,
Меня этот год перенес.
Но разве сломить нашу силу
Рукою неверной судьбы.
Пока не увижу могилу,
Своей не закончу борьбы [1].

«Страна, где кончалась свобода» — такое мироощущение было тогда не у одного Ю. Баранова. И с этим обстоятельством не мог не считаться Сталин. Назревал очередной поворот «генеральной линии».

---

[1] *Баранов Ю.* Голубой разлив. Дневники, письма, стихотворения. 1936—1942. Ярославль, 1988. С. 30, 35—36.

ЗА ФАСАДОМ «БЕРИЕВСКОГО ПОТЕПЛЕНИЯ»

На протяжении 30-х годов Сталин неоднократно осуществлял политические повороты, отступления и маневры. Каждый из них определялся, конечно, своими индивидуальными, конкретными причинами. Однако существовали и общие закономерности таких зигзагов: сначала состояние общества доводилось до критического, кризисного уровня, а затем следовало отступление, но не до конца, а лишь до тех пределов, которые руководство, и прежде всего Сталин, считало необходимыми, чтобы как-то умиротворить страну. Разницу между захваченным в период «атаки» и уступками во время «отступления» и составлял тот итог, который Сталин отвоевывал в свою пользу у общества и партии.

ПАДЕНИЕ ЕЖОВА

К середине 1938 г. Сталин решил, что пришло время постепенного свертывания репрессивного курса. И так же, как в свое время «большую чистку», этот новый поворот вождь начал готовить загодя, медленно дозируя его и тщательно скрывая свои намерения. Опытные и достаточно искушенные люди, правда, могли заметить, что вождь что-то задумал. Явным признаком этого были, например, значительные перестановки в НКВД, начавшиеся с лета 1938 г. Недавние «герои-чекисты» почуяли недоброе, и некоторые попытались предупредить свой арест. Широкий резонанс в ежовском наркомате получило известие о бегстве за границу одного из высоких чинов этого ведомства начальника УНКВД Дальневосточного края Г. С. Люшкова. В 1937-м — начале 1938 г. под его ру-

ководством твердой рукой проводились сталинские предначертания: аресты, расстрелы, депортация из приграничных районов в Среднюю Азию около 200 тыс. советских корейцев. В конце мая 1938 г. Политбюро приняло решение освободить Люшкова от работы на Дальнем Востоке и отозвать его в центральный аппарат НКВД. Опытный Люшков понял, что означает это «повышение». В ночь с 12 на 13 июня, прихватив ценные документы, под видом инспекционной поездки он перешел границу с Маньчжоу-Го. В дальнейшем Люшков сотрудничал с японской разведкой, сообщая ценные данные, в том числе и то, что на Дальнем Востоке с 1937 по 1938 г. было репрессировано 250 тыс. человек, включая 7 тыс. расстрелянных. В августе 1945 г. отступавшие японцы застрелили много знавшего перебежчика [1].

Но вернемся в 1938 год. Вскоре уже многим стало ясно, что предчувствия не обманули Люшкова и ему подобных. Сталин продолжал проводить свою линию. В августе первым заместителем Ежова был назначен секретарь ЦК КП Грузии Л. П. Берия. Ежов чисто внешне оставался в фаворе и силе, но рядом с ним появился человек, которого сам наркомвнудел по доброй воле никогда бы не выбрал себе в заместители.

После переезда в Москву Берии прошло некоторое относительно спокойное для Ежова время. Но с октября сталинские маневры вокруг НКВД стали более активными. 8 октября Политбюро сформировало комиссию, которой поручалось в десятидневный срок подготовить проект постановления ЦК, СНК и НКВД о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия. Председателем комиссии был назначен пока Ежов, а в ее состав вошли Берия, Прокурор СССР Вышинский, Председатель Верховного

[1] Книжное обозрение. 1990. 26 октября. С. 6.

суда СССР Рычков и курировавший в ЦК ВКП(б) деятельность административных органов Маленков. В намеченный для подготовки бумаги десятидневный срок комиссия не уложилась, и постановление СНК и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» было утверждено Политбюро лишь 17 ноября.

Документ этот стал своеобразным «манифестом» нового поворота. Прежде всего в нем отмечалось, что в 1937—1938 гг. органы НКВД под руководством партии проделали большую работу по разгрому врагов народа и шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок. Таким образом, общая принципиальная верность прежнему курсу не отвергалась, более того, в постановлении констатировалось, что дело очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов необходимо продолжить. Однако многое в предшествующей деятельности НКВД было подвергнуто критике: «массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов... при упрощенном ведении следствия и суда — не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры»; «работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов»; глубоко укоренился «упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными»; нередко «показания арестованного записываются следователями в виде заметок, а затем, спустя продолжительное время... составляется общий прото-

кол, причем совершенно не выполняется требование... о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях», и т. д.

Происхождение этих «недостатков» и «извращений» объяснялось в постановлении традиционно: во всем виноваты враги и шпионы, которые пробрались в НКВД, нарушали законы и производили массовые необоснованные аресты. А значит, для того чтобы исправить положение, необходимо укрепить НКВД и Прокуратуру новыми кадрами. Но привычными рецептами на этот раз дело не обошлось. Постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» в практических предложениях было радикальным, во всяком случае, провозглашало возвращение к соблюдению хотя бы формальной законности. Отныне органам НКВД и Прокуратуре запрещалось производить какие-либо массовые операции по арестам и выселению, а сами аресты предписывалось осуществлять в соответствии с Конституцией страны только по постановлению суда или с санкции прокурора. В центре и на местах ликвидировались судебные тройки, дела необходимо было передавать на рассмотрение судов или Особого совещания при НКВД СССР.

Соответствующие поручения ЦК и СНК дали Прокуратуре — тщательно проверять обоснованность постановлений об арестах. Органам НКВД напомнили о необходимости соблюдать требования уголовно-процессуальных кодексов при ведении следствия: заканчивать расследование в установленные законом сроки, производить допросы арестованных не позже 24-х часов после их задержания, по завершении каждого допроса составлять протокол.

Резкие обвинения в адрес НКВД и формулировки о засилии вредителей в этом ведомстве не оставляли сом-

нений в том, что Сталин решил свалить всю вину за массовый террор на руководство и работников наркомата. Так и произошло. Причем одной из первых жертв нового курса стал Ежов. Буквально через день после утверждения постановления об арестах и ведении следствия — 19 ноября — Политбюро занялось обсуждением заявления начальника управления НКВД по Ивановской области Журавлева. Судя по всему, это был очередной донос, возможно, спровоцированный сверху. Журавлев сообщал, что в свое время докладывал Ежову о подозрительном поведении ряда ответственных работников НКВД, но нарком не проявил к этому должного внимания, хотя сигналы оказались верными.

Разбор записки Журавлева на Политбюро превратился в проработку Ежова. Ему предъявили обвинения в засорении следственных органов шпионами иностранных разведок, но главное — в недосмотре за отделом охраны членов ЦК и Политбюро, где якобы окопались заговорщики. Как реагировал на это Ежов, чем занимался в последующие дни, какие и кто вел с ним разговоры — неизвестно. С уверенностью можно утверждать, что дело не обошлось без Сталина. Во всяком случае, только по его «подсказке» Ежов мог написать 23 ноября покаянное заявление, которое в тот же день стало предметом рассмотрения на заседании Политбюро. В этой бумаге, составленной на имя Сталина, нарком внутренних дел полностью признал свою вину и ответственность за недостатки работы наркомата, засоренность чекистских рядов врагами и просил освобождения от обязанностей руководителя этого ведомства. Хорошо понимая, в каком направлении развиваются события, Ежов, кроме того, пытался напомнить Сталину о своей верной службе и энергично клялся в безграничной преданности вождю. Свое письмо он закончил так: «Несмотря на все эти большие недостатки и промахи в моей работе, должен сказать, что при повсед-

невном руководстве ЦК НКВД погромил врагов здорово. Даю большевистское слово и обязательство перед ЦК ВКП(б) и перед тов. Сталиным учесть все эти уроки в своей дальнейшей работе, учесть свои ошибки, исправиться и на любом участке, где ЦК сочтет необходимым меня использовать, оправдать доверие ЦК»[1].

Получив это заявление, члены Политбюро удовлетворили просьбу Ежова. Формулировка принятого решения была щадящей: отставка объяснялась как мотивами, изложенными в письме Ежова, так и якобы болезненным состоянием бывшего наркомвнудела, не позволявшим ему руководить одновременно двумя крупными наркоматами: внутренних дел и водного транспорта (эту последнюю должность Сталин, очевидно не без умысла, навесил на Ежова в апреле 1938 г.). Удалив Ежова из Наркомата внутренних дел, Политбюро сохранило за ним должности секретаря ЦК ВКП(б), Председателя КПК при ЦК ВКП(б) и наркома водного транспорта.

Несмотря на это, и члены Политбюро, заседавшие 23 ноября, и многие из тех рядовых советских граждан, кто вскоре прочитал сообщение о смещении Ежова в газетах, конечно, понимали, что его судьба предрешена. В апреле 1939 г. Ежов был обвинен в руководстве контрреволюционной организацией в НКВД и шпионаже, арестован и в феврале 1940 г. расстрелян. Проделано это было без обычных шумных кампаний и отрепетированных процессов. Аккуратность, с какой убирали Ежова, свидетельствовала о том, что Сталин опасался вызвать слишком широкий общественный интерес к вопросам деятельности НКВД и его руководителей. Гласное осуждение Ежова и методов рабо-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1003. Л. 82—84.

ты карательных органов могло поставить под сомнение всю «большую чистку», а этого Сталин как раз и не хотел. Отказ от массовых репрессий происходил тихо, без лишнего шума и разоблачений. И одним из исполнителей этого спектакля стал назначенный 25 ноября 1938 г. на пост наркома внутренних дел Берия.

Вступив в должность, уже на следующий день, 26 ноября, Берия подписал приказ о порядке осуществления требований постановления «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». А еще через несколько дней по поручению Политбюро занялся делом Т. Г. Садалюка.

Это было одно из тех сравнительно малозначительных и неприметных дел, которые, попав в руки людей, делавших большую политику, возводились ими на принципиальную высоту и превращались в символ, знак перемен, понятный в своей конкретности и узнаваемости самым широким массам. Правда, справедливости ради нужно сказать, что история, приключившаяся с молодым директором сельской школы в Тираспольском районе Молдавской АССР Тимофеем Григорьевичем Садалюком, была не совсем обычной даже по меркам того времени.

Сын старого коммуниста, член комсомола с 1928 г., он получил высшее образование и чувствовал себя хозяином в новой советской жизни. В 1938 г., в разгар репрессий, Садалюк написал письмо украинским руководителям Хрущеву и Коротченко о том, из какой он семьи, чем занимается, как верит в идеалы, как по призыву прославленного летчика Героя Советского Союза Водопьянова изучил автомотор, «культурно и экономически вырос», а потому желает... иметь автомашину. Эта на первый взгляд невыполнимая в стране, где люди испытывали многочисленные лишения и трудности, просьба тем не менее была услышана. Киевские руководите-

ли решили поощрить молодого специалиста и сделали красивый пропагандистский жест — СНК УССР выделил Садалюку легковой автомобиль «ГАЗ-А». Произошло это в начале мая, а через два месяца, 10 июля 1938 г., местное отделение НКВД вручило Садалюку ордер на арест.

После двух месяцев заключения без единого допроса ночью Садалюка вызвали к следователю, и тот предъявил молодому директору школы обвинение: участие в «военно-фашистской троцкистской контрреволюционной организации молодежи». «От предъявленного обвинения,— писал Садалюк позже,— я буквально остолбенел. Но следователь продолжал и говорит: «Это не все. Садись, фашистская морда, и пиши, что Коротченко и Хрущев дали тебе машину с целью ездить по Молдавии и производить вербовку в организацию». Я ответил следователю, что ничего подобного не слыхал и не совершал. Не знаю, для чего вы требуете оговорить лучших представителей тов. Сталина среди украинского народа. В ответ от следователя я получил сильный удар в живот...» Несмотря на старания следователя, Садалюк не сдался и через некоторое время — ситуация в стране постепенно менялась — был освобожден.

Однако на этом неприятности Садалюка не закончились. После долгих проволочек вместо своего «ГАЗ-А» он получил развалину: мотор, кузов, резина были в совершенно непригодном состоянии. Похоже, что именно это и переполнило чашу терпения Садалюка. Немало времени провозившись с бесполезным ремонтом автомобиля, он в конце ноября 1938 г., в те самые дни, когда в Москве за закрытыми дверями решалась судьба Ежова, написал жалобу и послал ее Сталину, Молотову, Ежову, Хрущеву, Коротченко и наркому внутренних дел Украины Успенскому. Подробно изложив историю своих злоключений, Садалюк писал: «Я теперь уверен, что не я был нужен Тираспольскому НКВД, а машина, ко-

торую превратили в негодность. Но зачем следователь хотел, чтобы я оговорил, оклеветал товарищей Хрущева и Коротченко? Очевидно, для своей карьеры. Зачем к моему отцу... даже после моего освобождения Немировский райпартком относится с неодобрением?» Надеясь восстановить справедливость, он просил прислать для проверки людей из центра, «потому что ко мне, для оправдания отдельных лиц НКВД, найдут новое обвинение». А в заключение, решив, видимо, идти до конца, Садалюк выдвинул и вовсе уж неожиданное требование: заставить Тираспольский отдел НКВД забрать испорченный автомобиль, заплатить ему, Садалюку, соответствующую сумму денег и дать возможность приобрести на них новую машину «М-1». «И клянусь перед Вами, как перед Сталинским знаменем, что я был честный гражданин, воспитан отцом-коммунистом и остаюсь довечно»,— писал Садалюк вождям.

В секретариате Молотова (а именно этот экземпляр письма цитировался выше) поступление жалобы Садалюка зарегистрировали 1 декабря 1938 г.[1] Вряд ли намного быстрее она пришла и в другие высокие кабинеты. Однако в тот же день, 1 декабря, в срочном порядке и практически без дополнительной подготовки дело Садалюка было вынесено на рассмотрение Политбюро. Подобная поспешность свидетельствовала, что руководители партии решили воспользоваться подходящим случаем для организации новой кампании. Действительно, 1 декабря Политбюро решило выдать Садалюку легковую машину «М-1» и обязало Берию, проверив это дело, привлечь к ответу следователя и «его вдохновителей». В случае же подтверждения заявления Садалюка «организовать открытый суд, расстрелять виновных и опубликовать в печати (центральной и местной)»[2].

---

[1] ЦГАОР. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 108. Л. 173—174.
[2] ЦПА. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1004. Л. 6.

Проверка, проведенная ведомством Берии, длилась три недели. 22 декабря Политбюро было доложено, что факты подтвердились. Одобренное тогда же постановление предписывало провести в Киеве гласный судебный процесс «над виновниками создания искусственного, провокационного дела», а его ход освещать в прессе[1].

Суд над молдавскими чекистами был лишь одним звеном в широкомасштабной кадровой перетряске, которая проводилась в это время в Наркомате внутренних дел. Многие из тех, кто руководил террором в 1937—1938 гг., были арестованы как враги народа. Помимо чисток в центральном аппарате наркомата, репрессии обрушились и на руководителей местных управлений и отделений.

Так, был предан суду начальник Загорского районного отделения УНКВД Московской области младший лейтенант госбезопасности Н. К. Сахарчук. Его обвинили в преступном извращении методов следствия, составлении ложных протоколов допросов обвиняемых и свидетелей, которых он «путем физического воздействия принуждал подписывать несоответствующие действительности показания». 5 февраля 1939 г. Берия подписал приказ об аресте и привлечении к ответственности группы работников Особого отдела Краснознаменного Балтийского флота за производство массовых необоснованных арестов и применение незаконных методов ведения следствия[2].

Конечно, и младший лейтенант госбезопасности Сахарчук, и особисты Балтийского флота, и другие осужденные за нарушения законности не были исключением из общих правил. Их наказали скорее для примера, для создания видимости стремления к укреплению за-

---

[1] Там же. Л. 30—31.
[2] Берия: конец карьеры. С. 391—392.

конности. На самом же деле пытки и фабрикация дел применялись НКВД и после смещения Ежова. Такой же скорее демонстративный характер носила частичная реабилитация заключенных. Согласно опубликованным данным из отчетности ГУЛАГа, в 1939 г. были освобождены 327,4 тыс. человек [1]. Учитывая, что значительную часть из них, скорее всего составляли уголовные преступники, можно утверждать, что из заключения в период «бериевского потепления» вышла лишь малая доля арестованных по политическим статьям. Под миллионами погибших или оставшихся в лагерях подвели черту, лишив их и их близких последней надежды па торжество справедливости.

В связи со сменой курса в конце 1938 — начале 1939 г. была в очередной раз проведена перетряска в партийном руководстве ряда областных и краевых организаций. Большую группу первых секретарей сняли за отсутствие бдительности в отношении разоблаченных руководителей местных НКВД, необоснованные исключения из партии и избиение кадров. Так, 25 декабря 1938 г. ЦК признал неудовлетворительной работу Краснодарского крайкома и его первого секретаря, который, как говорилось в постановлении, «не выполнил указаний ЦК ВКП(б) о внимательном разборе апелляций коммунистов, исключенных из партии, и тем самым способствовал продолжению вражеской практики избиения честных работников партии, оклеветанных провокаторами, пробравшимися в ряды ВКП(б)». 30 декабря такая же судьба постигла Свердловский обком партии и его первого секретаря. Им вменялось в вину наличие в области «провокационной вражеской практики избиения честных работников путем массовых огульных репрессий». 9 января 1939 г. за непринятие мер для очищения аппарата НКВД был освобожден от своих

[1] См.: Аргументы и факты. 1989. № 45. С. 7.

обязанностей первый секретарь Башкирского обкома ВКП(б). Такие же претензии 17 января ЦК предъявил руководству Дагестанского и Иркутского обкомов, а 16 февраля — Алтайского крайкома ВКП(б). Подобных примеров много.

И все же, несмотря на продолжавшиеся репрессии против руководителей парторганизаций и рядовых коммунистов, положение партии в целом несколько изменилось. Если в период массового террора партийные комитеты во многих случаях, по существу, попадали под власть органов НКВД, то теперь наметилось определенное возвращение к ситуации до 1937 г. С одной стороны, массовые чистки и аресты в НКВД в какой-то мере ослабляли фактическую власть карательных органов, с другой — выдвинутые Сталиным новые партийные руководители постепенно упрочивали свое положение. В какой-то мере укрепление власти партийных органов в ущерб Наркомату внутренних дел было рассчитанной и специально проводившейся сверху политикой. Уже в постановлении «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» отмечалось, что нарушения законности «были возможны только потому, что пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры враги народа всячески пытались оторвать работу органов НКВД и Прокуратуры от партийных органов, уйти от партийного контроля и руководства...». Таким образом, фактически был поставлен вопрос об укреплении партийного контроля над карательными органами.

Между прочим, с 1 ноября 1938 г. секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, горкомов и окружкомов ВКП(б) значительно повысили заработную плату. Теперь первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий получали от 1,4 до 2 тыс. рублей в зависимости от размеров и значимости организации, вторые и третьи секретари — от 1,1 до 1,7 тыс. В горкомах же заработки первых секретарей колебались в пределах

1,1—1,7 тыс., а вторых и третьих — 900—1,4 тыс. рублей. По тем временам это были большие деньги. И не случайно подобные затраты производились именно в тот период, когда начались перемещения и чистки в НКВД, обозначился очередной поворот «генеральной линии».

Стремлением вселить уверенность в руководителей-выдвиженцев, продемонстрировать решимость ограничить поползновения НКВД на бесконтрольность, его претензии на верховенство в партийно-государственных структурах было вызвано, несомненно, и принятое в декабре 1938 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов». В нем говорилось, что отныне разрешения на аресты депутатов Верховного Совета СССР, Верховных Советов союзных республик должны согласовываться с председателями президиумов соответствующих Советов, а аресты руководящих работников наркоматов, центральных учреждений, специалистов этих ведомств — с соответствующими народными комиссарами. На репрессии против членов и кандидатов ВКП(б) требовалось согласие первого, а в его отсутствие второго секретаря районного, городского, краевого, областного комитета или ЦК компартии по принадлежности. Аресты же работников — коммунистов (а они практически все были коммунистами), занимающих руководящие должности в наркоматах Союза, других центральных учреждениях, могли производиться только с согласия Секретариата ЦК ВКП(б) и т. д. Все это воспринималось тогда как гарантии, пусть не стопроцентные, но гарантии относительной защищенности «номенклатуры», прекращения кадровых перетрясок и произвола.

Почувствовав силу, местные партийные руководители стали решительнее брать власть в свои руки, утверждать верховенство парторганов над НКВД. Более смело стали пресекать они попытки организации новых дел,

«выявления» новых «заговоров» и «контрреволюционных центров». Под горячую руку берущих реванш партийных комитетов попали тогда многие «разоблачители» и «специалисты» по доносам. В качестве одного из примеров можно привести дело некой Савченковой, которым занимался Киевский обком ВКП(б).

Трудно сказать, что двигало заведующей парткабинетом Переяславского райкома партии. То ли вдохновила слава «героини из маленьких людей» Николаенко, то ли обида и озлобленность, которым нет предела, возобладали над разумом, но написала У. В. Савченкова заявление, в котором обвинила руководство райкома в связях с врагами народа и во вражеских действиях. И кто знает, чем бы закончилась борьба этой новоявленной Николаенко районного масштаба, если бы не снятие Ежова и поворот «генеральной линии». Осмелевшие, как и многие другие руководители, члены бюро Киевского обкома приняли в январе 1939 г. решение: «Считать, что выдвинутые в заявлениях Савченковой обвинения... являются безосновательными и клеветническими», объявить ей выговор с занесением в учетную карточку и снять с работы в райкоме [1].

Однако Савченкова и ее сторонники решили стоять до последнего. Может, не понимали, что происходило тогда в стране, а может, просто, как говорят, «закусили удила». Получив выговор, лишившись работы, ославленная в Переяславле как клеветница, она не только продолжала писать заявления и жалобы, но и собрала вокруг себя группу людей, недовольных районным руководством. Один из них — член партии Семида написал в ЦК ВКП(б) новое заявление, в котором называл переяславских начальников врагами и бандитами. И хотя Семида подписался чужим именем, его авторство «вычислили». Этот факт переполнил чашу терпения киевских руководителей. Решив покончить с интрига-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5027. Л. 6 об.

ми, бюро обкома КП(б)У в начале марта 1939 г. вновь вернулось к делу Савченковой. На этот раз были приняты суровые решения: Савченкову исключили из партии, а Семиду, лишив партийного билета, сняли с должности парторга ЦК КП(б)У при Иванковском леспромхозе. Более того, бюро поручило прокуратуре привлечь Савченкову и Семиду к судебной ответственности за клевету [1].

Подобные разбирательства наблюдались тогда практически повсеместно. Неоднократно занимался ими секретариат Московского обкома партии. 17 апреля 1939 г. он рассмотрел вопрос о заявлениях членов ВКП(б) Михайловой, Леоновой, Стапович, которые обвиняли во вредительстве, пособничестве и покровительстве врагам ряд должностных лиц Подольского района. После изучения вопроса заявление было признано необоснованным и клеветническим. Михайлова и Леонова получили строгий выговор и предупреждение, что «в случае продолжения подачи клеветнических заявлений они поставят себя вне рядов партии». Стапович отделалась указанием «на предъявление необоснованных обвинений ряду членов партии» [2]. Через несколько месяцев — 20 августа 1939 г. такое же указание секретариат Московского обкома сделал члену партии Доронкину, пытавшемуся разоблачить «контрреволюционные связи» секретаря Шатурского горкома ВКП(б) Трутко [3]. А в октябре 1939 г. секретариат признал необоснованными и клеветническими заявления Шахияна, в течение полутора лет подавшего десять заявлений в ЦК, Московский комитет, Комитет партийного контроля и Прокуратуру с обвинением группы членов партии в связях с врагами народа. Шахияну было сделано внушение, что «в случае продолжения с его стороны клеветнических

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5028. Л. 86.
[2] Там же. Д. 3070. Л. 43.
[3] Там же. Л. 156.

обвинений он будет привлечен к строгой партийной ответственности» [1].

Постепенное ослабление репрессий, чистка в НКВД, упрочение положения «номенклатурных» работников и власти партийных комитетов, потесненных ведомством Ежова в предшествующие годы, укрощение всякого рода «разоблачителей», которых еще недавно обхаживали и ублажали,— все эти явления составляли новый поворот сталинской политики. И вызван он был достаточно вескими причинами.

ПРИЧИНЫ ОТСТУПЛЕНИЯ

На XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. Сталин объявил, что за период с января 1934 по март 1939 г. на руководящие посты по государственной и партийной линии было выдвинуто более 500 тыс. новых работников [2]. Особенно значительные перемены произошли в «генералитете» партии и в государственно-хозяйственном аппарате. Среди 333 секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий, работавших в начале 1939 г., 293 выдвинулись после XVII съезда, который состоялся в 1934 г., причем основная часть из них — в 1937—1938 гг. Понятно, что большинство в «номенклатуре» составляли теперь молодые работники как по возрасту, так и по партийному стажу.

Среди секретарей обкомов, крайкомов и нацкомпартий 8,4% были в возрасте от 26 до 30 лет, 53,2% — от 31 до 35 лет и 29,4% — от 36 до 40 лет. По партийному стажу 80,5% составляли коммунисты, вступившие в ВКП(б) после 1923 г., а более четверти из них пришли в партию после 1928 г. Для сравнения можно отметить, что в начале 1937 г. среди секретарей обкомов 38,6% имели партийный стаж до 1917 г., 41,6% — с 1918 по

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3070. Л. 177.

[2] См.: XVIII съезд ВКП(б)... С. 30.

1920 г. и лишь 12,6% вступили в партию после 1923 г. Еще меньшим в 1939 г. был партийный стаж у секретарей райкомов, горкомов и окружкомов партии — 93,5% пополнили ВКП(б) с 1924 г. и позже.

Таким образом, в руководстве партии произошло полное перераспределение власти из рук старой гвардии в руки партийной молодежи, выдвинутой непосредственно Сталиным. Для того чтобы облегчить этот процесс, XVIII съезд ВКП(б) внес изменения в Устав, в соответствии с которыми партийный стаж для секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий вместо 12 лет устанавливался не менее 5 лет, для секретарей горкомов вместо 10 лет не менее 3 лет, для секретарей райкомов вместо 7 не менее 3 лет[1]. Не успев вступить в партию, можно было получить важный пост. На практике нередко так и случалось. Партийная молодежь делала в условиях массовых репрессий головокружительную карьеру, и это еще больше укрепляло ее преданность вождю, поддержку репрессий против старой гвардии.

Аналогичные кадровые перемещения происходили повсюду. Из 70 наркомов СССР, РСФСР, начальников главных управлений и председателей комитетов при СНК СССР и РСФСР, работавших в начале 1939 г., 29 человек были выдвинуты в 1937—1938 гг. Из 125 их заместителей в эти годы получили свои должности 77 человек, из 548 начальников главных управлений и объединений наркоматов СССР и РСФСР — 366 человек. Всего же из 32 899 государственно-хозяйственных руководителей, входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б),— от наркома до парторга ЦК ВКП(б), которые работали в начале 1939 г.,— 15 485 были назначены в 1937—1938 гг. Столь бурное выдвижение новых кадров вызвало их значительное омоложение. Из 70 наркомов,

[1] См.: XVIII съезд ВКП(б)... С. 675.

начальников главных управлений и председателей комитетов при СНК десять были в возрасте от 31 до 35 лет, 28 — от 36 до 40 лет и 22 — от 41 до 45 лет, причем некоторые из них только в 1937—1938 гг. закончили высшие учебные заведения. А в целом среди 32 899 государственно-хозяйственных руководителей, входивших в номенклатуру ЦК, 426 человек были в возрасте до 25 лет, 3331 — от 26 до 30 лет и почти 59% числились в группе 31—40 лет.

Около половины новых выдвиженцев пришли с «низовой работы», многие заняли высокие кресла, не успев сойти со студенческой скамьи. Карьера этого поколения государственно-хозяйственных руководителей складывалась не менее головокружительно, чем карьера их партийных сотоварищей.

Устранив даже потенциальную угрозу со стороны старой партийной гвардии, уничтожив большую часть ЦК, избранного на XVII съезде, расправившись с рядом членов Политбюро и окончательно запугав остальных своих соратников, Сталин достиг наконец «самой высшей власти», утвердился как единодержавный диктатор. Отныне ни один орган в партии, включая Политбюро, которое долго играло значительную роль, не мог претендовать на сколько-нибудь самостоятельную роль. Все решал Сталин, советуясь лишь с теми из своих помощников, с кем считал нужным. Уже в апреле 1937 г. Сталин провел решение о создании в Политбюро узкой группы — Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Ежов,— которой давалось право, в обход остальных членов Политбюро, решать срочные и секретные вопросы. А таковыми, по существу, были или могли быть объявлены все важнейшие проблемы, выносимые на рассмотрение этого органа. Фактически лишившись власти, Политбюро перестало регулярно собираться.

Многие складывавшиеся годами порядки функционирования высших органов партийной власти — шпро-

кая рассылка информации о решениях Политбюро, доступность для членов ЦК сведений высшей секретности, их участие в качестве наблюдателей в заседаниях Политбюро — были упразднены. Сталин все реже заботился даже о формальном соблюдении «приличий» внутрипартийной демократии. Пять лет не созывался очередной XVIII съезд ВКП(б), в 1938 и 1939 гг. было проведено лишь по одному пленуму ЦК.

Несомненно, были достигнуты и другие цели «большой чистки»: уничтожены многие инакомыслящие и сомневающиеся, запугано общество в целом. Многие сотни тысяч новых рабов получили объекты быстро растущей индустрии НКВД.

Для самого Сталина все эти обстоятельства были, наверное, главными аргументами в пользу смягчения репрессивного курса. Главными, но не единственными. Отступление, наметившееся в конце 1938 г., во многом было вынужденным, проводилось под давлением кризисных явлений, углублявшихся в обществе.

Наиболее очевидно пагубные последствия репрессий сразу же проявились в сфере экономики. Кадровые перетряски, переквалификация хозяйственных проступков и неудач в политические преступления, как обычно, привели к снижению инициативы, ответственности, дисциплинированности, резко ухудшили самочувствие работников, отбивали у них всякое желание предпринимать самостоятельные шаги, идти на малейший риск. Дело усугублялось еще и тем, что в самое короткое время на разные должности в народное хозяйство, в том числе на ответственные, пришло большое количество молодых специалистов. Они не обладали необходимыми знаниями и опытом, а некоторые были просто не способны справиться с новыми обязанностями. Как правило, выдвиженцы приходили на пустые места, и арестованные предшественники не могли даже элементарно ввести их в курс дела. Не обладая необходимыми

навыками, новички нередко боялись ошибиться, сделать неверный шаг, тем более что перед глазами постоянно маячил пример репрессированных предшественников.

Однако кризис в народном хозяйстве усиливался не только потому, что недоставало квалифицированных кадров. Существует и даже широко распространено такое мнение: репрессии — это-де плохо, но тогда был все же порядок и дисциплина. Не вдаваясь в длительные рассуждения по поводу того, что такое порядок вообще и чем его измерять — своевременным ли приходом-уходом или уровнем добросовестности и инициативы,— следует сказать, что периоды массовых репрессий сопровождались абсолютным падением дисциплины и организованности даже в административном смысле этих понятий. Уничтожение немалой части инициативных работников, истерия выявления врагов приводили к тому, что хозяевами положения во многих случаях становились нравственные подонки, пользовавшиеся ситуацией для сведения счетов, терроризировавшие требовательных руководителей. В результате падала дисциплина, широко распространялись безответственность и перестраховка.

С разрушительными последствиями репрессий в экономике власти вновь столкнулись буквально с первых шагов «большого террора». Зимой и весной 1937 г. в очередной раз резко ухудшилась ситуация в основной угольной базе страны — Донбассе. За второе полугодие 1936 г. здесь сменилось более 20% начальников участков и свыше 30% заведующих и главных инженеров шахт. В первом квартале 1937 г. на волне репрессий этот процесс пошел еще быстрее — сменилось еще 20% всего командного состава шахт [1]. Многочисленные аресты, растерянность инженерно-технических работников лихорадили производство. Выработка угля в пер-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4683. Л. 20.

вые четыре месяца 1937 г. отставала не только от плана, но и от уровня добычи в соответствующие месяцы предыдущего года.

В Москве забили тревогу. В апреле на заседание Политбюро ЦК ВКП(б) были приглашены работники шахт Донбасса. Выслушав их жалобы, Сталин, как рассказывал вскоре присутствовавший на этом заседании известный стахановец М. Дюканов, сказал: «У вас с трудовой дисциплиной совершенно неблагополучно» [1].

Через несколько дней — 28 апреля — СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о работе угольной промышленности Донбасса. Основной причиной угрожающего положения в отрасли в нем было названо падение дисциплины, «растерянность, вплоть до самоустранения от руководства» администрации предприятий. На шахтах, говорилось в постановлении, широко распространились «невыполнение приказов и распоряжений руководителей, прогулы, самовольный и преждевременный уход с работы, нарушение правил техники безопасности...». Происходило это, по мнению авторов постановления, потому, что «многие партийные и профсоюзные организации угольного Донбасса вместо действительного выявления и устранения причин, тормозящих подъем добычи угля и выполнение плана подготовительных работ... прибегают к огульному обвинению инженеров и техников, не встречая при этом сопротивления со стороны хозяйственных органов». Осудив репрессии, исключения из партии, профсоюзов, увольнения, отдачу под суд, ЦК и СНК требовали поддержать добросовестно работающих специалистов [2].

Выполняя это постановление, Прокурор Союза ССР А. Вышинский, как вскоре было сообщено в газетах, не только отдал распоряжение соблюдать осмотритель-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4665. Л. 96.
[2] См.: КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 388—391.

ность при привлечении к уголовной ответственности инженерно-технических работников, но и затребовал из Донбасса все дела осужденных за производственные преступления в 1934—1937 гг. с целью их сплошной проверки. Шахтерам пообещали, что приговоры, вынесенные без достаточных оснований, будут опротестованы, а в отношении лиц, которые хоть и были осуждены правильно, но в последнее время показали себя честными работниками, будет поставлен вопрос о снятии судимости[1]. Свои меры приняли и украинские власти. 13 мая 1937 г. Политбюро ЦК КП(б)У обязало Донецкий обком «вскрыть и осудить факты допущенных искривлений и перегибов в отношении к ИТР и хозяйственникам, широко поставив эти вопросы на обсуждение в парторганизациях» и установило порядок, «при котором ни один работник номенклатуры «Донбассугля» не менялся бы без личного согласия управляющего «Донбассугля» [2].

Апрельское постановление по Донбассу вселило в хозяйственников новые надежды. Рассчитывая на изменение политической ситуации, они несколько осмелели, активнее отстаивали свои позиции. «Критика и самокритика,— говорил на XIII съезде Компартии Украины в мае 1937 г. директор металлургического завода им. Дзержинского И. П. Манаенков,— направленная на устранение всех недостатков административно-технического аппарата, была не всеми воспринята так, как нужно. Одна часть эту критику и самокритику встретила враждебно, вторая — затаилась, молчит, а третья — приспособилась к обстановке и куда ветер дует, туда и идет... Происходит простое невыполнение прямых своих обязанностей каждым, стоящим на своем участке. Администрация же не предъявляет требований к под-

---

[1] См.: Правда. 1937. 15 мая.
[2] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4683. Л. 21.

чиненным, боясь подвергнуться критике. Если сейчас в вопросах массовой работы, дисциплины, единоначалия,— пригрозил Манаенков в заключение своей речи,— не будет достигнуто перелома... то мы не придем к выполнению плана... Таким образом, 1937 год, последний год второй пятилетки, стоит под большой угрозой» [1].

А через некоторое время, в июне, другой известный хозяйственный руководитель — директор Горьковского автозавода С. С. Дьяконов, анализируя причины невыполнения планов, предупреждал с трибуны областной партконференции: «Критика и самокритика захватила все наши районные организации... В результате этого, когда руководитель того или иного участка беспомощно озирается, не зная, за что взяться... когда ряд хозяйственников-руководителей стоят перед активом... как школьники и отчитываются... когда ряд руководящих работников не борются за дисциплину, боясь критики, не борются с нарушителями дисциплины, тогда падает производство, тогда валится программа, тогда сменяют и перемещают людей, лишь бы критики оставили его в покое, тогда не креннет, а разваливается организация» [2].

Аналогичные претензии к руководству Свердловской области предъявлял в мае 1937 г. на пленуме обкома партии директор Уралмашзавода Л. С. Владимиров. «Что происходит сейчас на заводе,— говорил он,— это требует серьезного вмешательства со стороны нашего обкома партии... Если мы в ближайшее время, в ближайшие дни не включимся в разбор дел Уралмашзавода, мы можем нанести колоссальный вред нашей стране... За последнее время у нас выявилась такая тенденция — все вредители, все враги, дискредитация

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4665. Л. 110 об.— 112.
[2] Там же. Д. 872. Л. 224.

командного состава пошла вовсю... Если такое положение будет на заводе оставаться, это будет означать, по существу, разложение завода, а задачи перед нами поставлены чрезвычайно серьезные и большие» [1].

Активность руководителей предприятий была не случайной. Пример Донбасса, казалось, свидетельствовал, что экономическая целесообразность вразумит вождей страны, заставит их притормозить репрессии. Однако этого не произошло. Сталинская группировка в очередной раз поставила превыше всего политические цели. И экономика в очередной раз была принесена им в жертву. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать хотя бы газету «Правда» за 1937 г.

Спустя два месяца после постановления по Донбассу, 24 июня, в передовой «Большевистская самокритика и трудовая дисциплина» центральный орган партии вынужден был признать, сколь малы достижения на поприще преодоления дезорганизации производства. Хозяйственники, отмечала газета, опасаясь демагогии нарушителей, шли у них на поводу. Рабочие перестали слушать мастеров, мастера — начальников цехов, начальники — дирекцию. Изложив все эти факты, «Правда» грозно предупредила, что партия не позволит под видом самокритики разрушать дисциплину. Однако через несколько недель известный стахановец И. Гудов вновь жаловался на страницах «Правды» на резкое ослабление трудовой дисциплины, когда рабочие опаздывают, уходят от станков, а это вызывает аварии. Основная причина этого, писал Гудов, состоит в том, что «мастера и высший цеховой персонал в последнее время немного развинтились, некоторые из них трусят и не решаются наказывать нарушителей дисциплины. Некоторые мастера опасаются критики (до-

---

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3952. Л. 137.

носов.— *О. Х.*) со стороны нарушителей дисциплины, а поэтому их не осаживают»[1].

Прошло еще полгода, и быстро восходящий по ступенькам карьеры — нарком, заместитель Председателя Совнаркома СССР, а пока инженер Коломенского паровозостроительного завода В. Малышев уговаривал на страницах «Правды» своих коллег-инженеров: «Пора отбросить имеющуюся у некоторых инженеров техническую боязнь, которая иногда сводится к перестраховке, к боязни ответственности... Перестраховщиков немало среди инженеров, начальников цехов... Нашим инженерам дана полная возможность экспериментировать в интересах производства, им предоставлено право на технический риск. Рабочие массы всегда сумеют отличить честное новаторство, поиски нового от бесцельной траты денег, вредительских действий»[2]. А если не сумеют? На собственном опыте люди очень хорошо знали цену подобным заверениям, а поэтому призывы работать, не опасаясь последствий, чаще всего оставались безответными.

Ситуация в экономике ухудшалась. Темпы роста общего объема промышленного производства, составлявшие в 1936 г. 28,8%, снизились в 1937 г. до 11,1%, а в 1938 г.— до 11,8%. Одновременно падала производительность труда.

Для руководства страны хозяйственные затруднения были сильным аргументом в пользу корректировки «генеральной линии». Экономика моментально отвечала на террор многочисленными сбоями и провалами. Политическая обстановка в стране выглядела более стабильной. Запуганное общество, казалось, не доставляло властям особых проблем. Однако покорность эта не могла длиться долго. Террор распространился столь

[1] Правда. 1937. 19 июля.
[2] Там же. 1938. 2 января.

широко, что отчаяние людей грозило пересилить их страх.

Одним из самых очевидных свидетельств социального перенапряжения было огромное количество письменных заявлений, буквально захлестнувших все государственные и партийные инстанции, от которых могла зависеть судьба заключенных. Только в приемную Наркомата обороны в 1937—1939 гг., по некоторым данным, поступало в среднем 1827 писем в день [1]. А количество обращений в союзную Прокуратуру было столь велико, что в конце апреля 1938 г. там приняли решение: часть жалоб без всякой проверки складировать в особые тюки. Через год с небольшим работавшая в Прокуратуре комиссия КПК при ЦК ВКП(б) обнаружила в этих тюках 160 тыс. документов.

Руководители страны хорошо знали о шквале жалоб и ходатайств, но долгое время сдержанно, скорее для порядка реагировали на этот факт. Характерно в этом отношении письмо, которое 28 декабря 1937 г. направил Ежову М. И. Калинин. «Посылаю Вам жалобы на следственные органы Наркомвнудела,— писал он.— Число их растет... Хорошо, если бы Вы взяли два места, послали своего доверительного (так в тексте.— *О. Х.*) человека, минуя ведомственные инстанции. Нельзя поручиться, что в таких местах не орудуют враги. Конечно, с целью дискредитации враги могут писать и такие письма. Во всяком случае их нельзя оставлять без внимания» [2].

Оснований оставлять жалобы без внимания у руководства страны было все меньше. Мало того, что поток писем не иссякал, они становились все более резкими и отчаянными. Наряду с относительно спокойными ходатайствами приходили письма-протесты, в которых по-

---

[1] См.: Коммунист. 1990. № 17. С. 70.
[2] ЦПА. Ф. 78. Оп. 1. Д. 652. Л. 116.

дробно сообщалось о бесчинствах НКВД, методах допросов, пытках. Причем в ряде случаев — и это тоже был сигнал тревоги — свое негодование, открыто подписывая письма, высказывали люди, сами не пострадавшие, но возмущенные окружавшим их произволом. В декабре 1938 г. в ЦК партии обратили внимание на два таких письма. Автор первого — В. Черноусов из Одессы писал: «Вместе с враждебными Советской власти элементами арестованы и сосланы сотни тысяч ни в чем не повинных, честных и частью даже преданных Советской власти людей. Ведь сейчас нет в стране почти ни одного дома, откуда кто-либо не сидел бы. Получилась в конце концов такая картина, что вся страна против Советской власти. При этом совершались неслыханные жестокости. Под тяжелыми пытками люди вынуждены были «сознаваться» в никогда не деланных преступлениях. Жена арестовывается потому только, что муж сидит. Дети бросались на произвол судьбы. О сосланных никому из родных ничего не известно. Получился резкий контраст между объявленной у нас Конституцией и проводимым в стране жестоким произволом. При чрезвычайно низкой у нас заработной плате, при отсутствии предметов первой необходимости никто еще, вдобавок, не уверен, что он завтра не окажется в тюрьме. Трудно ли после этого догадаться, какие настроения существуют в массах».

Аналогичные мысли высказывал в своем письме ленинградец В. Антипов: «Проезжая по делам службы по ряду областей и районов за лето и осень текущего года, а особенно последнее время, приходилось наблюдать: жуткие картины на вокзалах больших и маленьких городов. Тысячи семейств ютились и в некоторых местах теперь еще ютятся около вокзалов и в самих вокзалах — женщины, дети, старики, больные. Это все люди, выселенные из разных городов за то, что в их семьях были когда-то судимые или осужденные и отбы-

вающие наказания... В Котельниче, Вятке, Глазове, Буе и других мелких городах — везде они пабиты битком, помимо тех, которых выселяют в определенные места... Я полагаю, что это неизвестно ЦК партии, а поэтому и решил написать вам, потому что это вещь нездоровая и, видимо, работники некоторых управлений НКВД распоясались до произвола... Дают 24 часа на выезд — люди в панике продают за бесценок имущество и едут куда глаза глядят. И больных не щадят. Тут надо ЦК дать определенные какие-то установки НКВД, чтобы не было на местах произвола...»

Еще более резко высказывались авторы анонимных писем, образцом которого может служить заявление, поступившее в ЦК ВКП(б) за подписью «Иванова». «К вам, старым членам партии, пишу и думаю, что вы обратите внимание на все действия нашего НКВД,— говорилось в этом обращении, судя по стилю и содержанию составленном женщиной.— Неужели до вас еще не дошли все те ужасы, которые творятся у нас в провинциальных городах... Пишу от имени сотни женщин, которые пролили потоки слез, которые называют советскую тюрьму «стеною слез», где молодые следователи, чтобы пробить себе дорогу и проявить якобы свою бдительность, издеваются над арестованными... Да, мы, женщины Советского Союза, требуем от власти, чтобы наших мужей судили открытым судом... Да, у нас, женщин, нет веры в этот суд — все обвинения, которые им шьют, не больше, как злая клевета для того, чтобы выслужиться и проявить свою бдительность». Из партии, продолжала «Иванова», уходят лучшие люди, соратники Ленина, которые «вдруг стали врагами народа. Неправда! Ложь! Иногда хочется кричать во всеуслышание: не они враги народа, а их делают врагами народа мерзавцы, подлецы, которые хотят выслужиться и получить звание бдительного, по вернее лжебдительного».

Самым же неприятным для властей было то обстоятельство, что подобные протесты-обличения не только оседали в архивах ведомств, но и попадали в виде листовок на улицы. Доктор исторических наук В. Ф. Некрасов опубликовал несколько таких документов, распространявшихся в Москве осенью 1938 г. и изъятых сотрудниками НКВД. В них, в частности, говорилось: «Уважаемый товарищ! Вам, вероятно, как и всем мыслящим людям, стало безумно тяжело жить. Средневековый террор, сотни тысяч замученных НКВД и расстрелянных безвинных людей, лучших, преданнейших работников Советской власти — это только часть того, что еще предстоит!!! Руководители Политбюро — или психически больные, или наймиты фашизма, стремящиеся восстановить против социализма весь народ. Они не слушают и не знают, что за последние годы от Советской власти из-за этих методов управления отшатнулись миллионы и друзья стали заклятыми врагами...»; «Товарищи по крови. Снимите ваши шапки и станьте на колени перед страданиями народа и ваших товарищей по борьбе. Это вы же виноваты в их муках — перед вами реки крови и моря слез. Помогите. Не ждите циркуляров и инструкций... Сталин и сталинцы должны быть уничтожены»; «...Наша власть — не Советская, а большевистская, и притом тех большевиков, которые подхалимствуют и раболепствуют перед Сталиным,— истребила и продолжает истреблять многих честных сторонников Советской власти, социализма и коммунизма. Эта власть, в нарушение Конституции, сотнями тысяч арестовывает в огромном большинстве случаев ни в чем не повинных советских граждан, ссылает и расстреливает их.

Все граждане нашей страны делятся на две категории: на уже арестованных или на бдительных и подозрительных.

Нет установленных Конституцией ни неприкосно-

венности личности и жилища, ни свободы мысли и слова, ни свободы печати и собраний.

Все боятся слово сказать, все боятся друг друга.

Наша власть — это Сталин и его чиновники, подхалимы и негодяи без чести и без совести...»; «Вечная память легендарным героям Красной Армии, погибшим от кровавой руки НКВД, тт. Блюхеру, Бубнову, Тухачевскому, Егорову и др.» [1].

По стране распространялись слухи об открытых проявлениях протеста против беззаконий. Об одном из них писал, например, в своей книге воспоминаний американский рабочий Дж. Скотт, живший в те годы в СССР: «Рассказывают, что однажды в Свердловске у здания НКВД собралось несколько сот женщин, которые принесли для своих арестованных передачи с едой и одеждой. После того как они простояли там несколько часов, им в грубой и резкой форме сказали, что в этот день передачи приниматься не будут. Измученные волнением и тревогой женщины (некоторые пришли с детьми на руках, другие отпросились с работы, рискуя потерять место, чтобы передать своим любимым немного сахара и чистую одежду) возмущались. В толпе началось волнение. Кого-то толкнули, разбилось окно, и через пять минут на втором этаже здания не осталось ни единого целого стекла. Власти так и не смогли найти и арестовать зачинщицу, а посадить в тюрьму пятьсот женщин было невозможно, потому что тюремные камеры были уже переполнены» [2].

Разумеется, подобные волнения и листовки, разоблачающие режим, не представляли для него серьезной угрозы. Разветвленный и мощный карательный аппарат без особого труда подавлял малейшее сопротивление. Не следует исключать, однако, что руководство госу-

[1] Берия: конец карьеры. С. 389—390.

[2] *Скотт Дж.* За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали. Свердловск, 1991. С. 204—205.

дарства достаточно серьезно относилось к таким сигналам. Мы не знаем, какую информацию о положении в стране получал в те годы Сталин, о чем докладывали ему органы НКВД, партийные инстанции. Однако есть основания полагать, что некоторые из писем-протестов доходили до вождей партии — ряд из цитированных выше документов отложился среди материалов, которые шли на доклад руководителям ЦК. В любом случае, из каких бы источников ни получали информацию в высших эшелонах власти, там просто не могли не заметить, что в народе усиливается недовольство, что общество измучено террором, неуверенностью в завтрашнем дне.

В той или иной степени эта неуверенность касалась всех: и рядовых граждан, и руководителей, в том числе тех, кто получил должности совсем недавно, сделал карьеру на волне кадровой перетряски. Многие из таких выдвиженцев, активно потрудившись на ниве разоблачения «врагов народа» и нисколько не сомневаясь в виновности своих арестованных предшественников, сев в кресло, с удивлением обнаружили, что их собственное положение не так уж прочно. Вплотную столкнувшись с методами работы НКВД, реальной практикой взаимоотношений карательных органов с партийно-государственными структурами, новые руководители не могли не понять, что их судьба в случае сохранения принятого политического курса висит на волоске. И тогда они начали роптать, разными способами пытались переломить ситуацию в свою пользу и заручиться в этом соответствующей поддержкой у руководителей партии.

Показательный в этом смысле конфликт возник в октябре 1938 г. в Сталинградской области. Началось все с того, что начальник Котельнического райотдела НКВД Евдушенко 16 октября подписал сообщение, в котором секретари райкома партии, председатель и секретарь райисполкома, другие работники обвинялись в контрреволюционной деятельности. Ситуация для тех

лет была достаточно типичной. И появись сообщение Евдушенко несколькими месяцами раньше, котельническим руководителям не сносить головы. Однако на этот раз бюро обкома заупрямилось и встало на защиту своих. После разбирательства дело было признано сфабрикованным. Более того, воспользовавшись поводом, 23 октября новый секретарь Сталинградского обкома А. Чуянов обратился со специальным письмом к Сталину. Он писал, что при проведении следствия органы НКВД применяют методы физического воздействия, избивают арестованных, используют непрерывные допросы и стойки по двое-трое суток. Чуянов просил создать специальную комиссию и проверить органы НКВД по Сталинградской области. Его письмо заведующий отделом руководящих парторганов ЦК ВКП(б) Маленков направил новому наркому внутренних дел Берии [1].

Судя по всему, подобных обращений было немало. И, видимо, этим объясняется тот неожиданный на первый взгляд факт, что 10 января 1939 г. Сталин направил секретарям обкомов, крайкомов, нацкомпартий, начальникам управлений НКВД и наркомам республиканских наркоматов внутренних дел шифрованную телеграмму, в которой говорилось: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде

[1] См.: Берия: конец карьеры. С. 393—394.

исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод» [1].

Однако, защитив органы НКВД, Сталин не мог не считаться и с настроениями партийно-государственного аппарата. Продолжение перетрясок, кадровая нестабильность не только дезорганизовывали управление государством, но и подрывали социальные основы режима.

В общем, протесты против репрессий шли со всех сторон. Проявилось это недовольство и во время подготовки очередного XVIII съезда партии.

ОБСУЖДЕНИЕ ЖДАНОВСКИХ ТЕЗИСОВ

Осуществляя очередной поворот «генеральной линии», Сталин хорошо понимал всю сложность этого шага. Маневр нужно было провести в строго очерченных рамках: свалить всю вину на неких злоумышленников и «головокружение от успехов» у местных руководителей, вывести из-под удара высшее руководство, подновив его ореол верховного арбитра и защитника народа, и, главное, не допустить сомнений по поводу обоснованности многомиллионных репрессий, свести все дело к отдельным «перегибам». Сделать же это было непросто. Сталин хорошо помнил, как в 1930 г., возложив в знаменитой статье «Головокружение от успехов» вину за эксцессы коллективизации на рядовых работников, он столкнулся с оппозицией. В многочисленных письмах, заявлениях, которые частично пришлось тогда даже опубликовать, коммунисты доказывали, что «головокружением» не в меньшей мере, чем «низы», страдали московские изобретатели колхозов, и в первую очередь сам вождь.

[1] Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145.

С тех пор, правда, прошли годы, и благодаря многочисленным чисткам и расправам с инакомыслием в стране осталось не слишком много людей, способных открыто спорить с официальными установками. Но и в 1938 г. известия о снятии Ежова и чистках в НКВД вызвали нежелательную для властей реакцию, активизировали нападки на «генеральную линию» в целом. О том, как это происходило, рассказывал, например, автор одного из писем в ЦК партии: «Ни политика, ни законы Советского государства, ничто не оправдывает то, что произошло в Туле за этот 1938 год. Тысячи арестов за один-два месяца, из которых очень небольшой процент арестов по законам, по существу. В массы просачиваются сведения, слухи, факты, которые только создают вредные настроения и недоверие. Даже в партийных рядах есть много осторожных разговоров о перегибах, о неверии в то, что справедливо судят и ссылают людей. После того как распространились в массах слухи о снятии и аресте начальника управления НКВД и снятии бывшего наркома НКВД и аресте по другим городам представителей власти, стали говорить открыто о том, что тысячи невинных людей томятся в тюрьмах и в ссылке».

Пресекая подобные разговоры, власти срочно занялись формированием официальной версии нового поворота, определением рамок, за которые не могла выходить критика прежней политики. Важную роль в этом тщательно контролируемом «умиротворении» общества, по замыслу сталинского руководства, должна была сыграть кампания обсуждения материалов XVIII съезда ВКП(б), проведение которого после долгого перерыва наметили, наконец, на весну 1939 г.

Подготовка к XVIII съезду начиналась с традиционной публикации тезисов докладов — о третьей пятилетке (докладчик В. М. Молотов) и об изменениях в Уставе ВКП(б) (докладчик А. А. Жданов). Затем, как

и в прежние годы, состоялось обсуждение этих проектов на партийных собраниях, конференциях, на страницах печати. Немало писем и предложений по этому вопросу получили ЦК ВКП(б), а также «Правда», которая вела накануне съезда специальный «Дискуссионный листок».

Кампания обсуждения в большинстве случаев носила формальный характер. Все положения тезисов в основном «горячо одобрялись». Малейшее несогласие воспринималось настороженно, а порой расценивалось как враждебная вылазка. Понять подобную «бдительность» несложно: репрессии, прокатившиеся по стране, не располагали к вольнодумию. О том, в какой обстановке обсуждались предсъездовские документы, может свидетельствовать такой факт. Слушатели Высшей школы пропагандистов при ЦК ВКП(б) Т. С. Лейзаренко и С. И. Головин выступили в «Дискуссионном листке» «Правды» против отдельных положений ждановских тезисов. Критика была безобидной и даже выгодной для руководства (поэтому-то, кстати, «Правда» и поместила письмо). В докладе Жданова предлагалось отменить категории при приеме в партию, а Лейзаренко и Головин доказывали, что решение это несвоевременное, что нужно продолжать учитывать социальное происхождение принимаемых. За это письмо в своей партийной организации Лейзаренко и Головин подверглись проработке. И не вмешайся редакция «Правды» и ЦК ВКП(б), неизвестно еще, как бы сложилась их судьба. И это в Москве, в школе пропагандистов при ЦК! О том, какие нравы господствовали тогда в задавленной репрессиями провинции, догадаться нетрудно.

Рвение «бдительных» партработников грозило полностью сорвать задуманное мероприятие, задушить даже видимость обсуждения. Встревоженное этим руководство партии решило умерить пыл разоблачителей. В качестве повода был избран конфликт во Фрунзен-

ской районной парторганизации города Иваново, где один из делегатов районной конференции, Никольский, возразил против какого-то положения тезисов доклада о третьем пятилетнем плане и был немедленно исключен из партии. В конце февраля 1939 г. Политбюро обсудило этот случай и приняло по нему специальное решение. Никольского восстановили в партии, а местным партийным руководителям сделали внушение: «ЦК разъясняет, что дискуссия не исключает, а предполагает различие во мнениях и взаимную критику...» Это в общем-то нелепое разъяснение еще раз свидетельствовало о том, какая нелегкая обстановка сложилась в партийных организациях. Понятно, что рассчитывать на полную откровенность обсуждения в таких условиях не приходилось.

Однако, как бы там ни было, предсъездовская кампания была единственным официальным «референдумом» по поводу политики, проводившейся в 1937—1938 гг. Как к «референдуму» относилось к этому мероприятию и руководство партии: для него составляли обзоры писем и предложений, выделяя наиболее характерные настроения и высказывания. Трудно сказать, какие цели преследовались в этом случае. Но если речь шла о том, чтобы выяснить, в какой мере «большая чистка» воспитала единомыслие, то результаты опроса были неоднозначными. Наряду с многочисленными «поддерживаем» почта «Правды» и ЦК ВКП(б) содержала немало писем «не для печати», которые до сих пор скрываются в архивах.

В ряде случаев в таких письмах достаточно резко подвергались критике тезисы доклада о третьей пятилетке, вскрывалась фальсификация итогов выполнения второго пятилетнего плана. «Все сравнения, производимые в тезисах Молотова,— писал А. М. Аладжанов из Горького,— выраженные в рублях, неубедительны. Какие могут быть сравнения, когда самое мерило — со-

ветский рубль — на глазах у всех непрерывно падает... Необходимо прекратить инфляцию и ввести золотое обращение». О том, что показатели экономического роста подтасовываются в официальных документах при помощи «накручивания» повторного счета при учете валовой продукции в стоимостном исчислении, писал также автор материала, поступившего в «Правду» за подписью И. Горшкова. В рукописи содержались многочисленные самостоятельные перерасчеты, которыми опровергались оптимистические оценки тезисов доклада Молотова. Автор показал, в частности, и это составляло один из наиболее острых моментов письма, что вместо ожидаемого роста населения за вторую пятилетку со 165,7 до 180,7 млн человек оно уменьшилось до 155—160 млн (о причинах в письме не говорилось, но они были ясны: голод, репрессии). Отметив высокую степень информированности И. Горшкова, работники ЦК ВКП(б) переслали корреспонденцию в НКВД[1]. Дальнейшая судьба этого человека неизвестна. Можно только сказать, что в НКВД хорошо научились выявлять анонимных авторов.

В сводке писем, которые пересылались из «Правды» в ЦК в связи с «невозможностью публикации», содержались и другие достаточно резкие высказывания. Их авторы ставили и требовали решить те вопросы, о которых открыто говорить было не принято, а значит, небезопасно. Так, Б. В. Транин из Борисоглебска обращал внимание на значительное падение уровня жизни населения (и это при том, что материалами о неуклонном подъеме материального благосостояния были переполнены газеты и официальные доклады). «Получавший в 1926—1927 гг., допустим, 40 рублей,— писал он,— мог обеспечить себя всем необходимым, а теперь он тратит не 40, а 400 рублей, потому что выросли не только зарплата, но и цены на многие товары». Член ВКП(б)

[1] ЦПА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 57. Л. 104—123.

Павлюченко из Ачинска Красноярского края полагал, что в решения съезда необходимо включить положение о «ликвидации блата, очередей, спекуляции».

Отдельной строкой в резолюции о третьем пятилетнем плане руководство партии предлагало записать решение об окончании к концу пятилетки основных строительных работ по сооружению Дворца Советов в Москве, проект которого был утвержден в сентябре 1938 г. Это грандиозное здание — по замыслу, самое высокое в мире — замышлялось как символ мощи сталинской власти, великий памятник его эпохи. 416 метров высотой (вместе со стометровой статуей Ленина, увенчивающей Дворец), центральный зал на 21 тыс. мест, да еще несколько залов поменьше, 135 эскалаторов, 200 лифтов. Правительство, одобрившее этот проект, казалось, вовсе не волновала ни его стоимость — речь шла о миллиардах,— ни огромные затраты крайне дефицитных стройматериалов. А ведь в стране в это время катастрофически не хватало жилья. Скромные планы его строительства постоянно срывались. Даже в Москве в 1937 г. они были выполнены всего на 30,5%, а в 1938 г.— на 53,6% [1]. В других районах ситуация обычно была еще хуже, и в результате средние нормы обеспеченности жилплощадью в СССР из года в год снижались. К этой удручающей реальности возвращал авторов широкомасштабных прожектов врач из Москвы Хейфиц. Он возражал против строительства Дворца Советов, предлагал вместо этого позаботиться, чтобы «к концу третьей пятилетки не было бы больше той страшной жилищной нужды».

Большое количество писем пришло в связи с публикацией тезисов доклада Жданова об изменениях в Уставе ВКП(б). Внесение этого вопроса в повестку дня съезда должно было продемонстрировать растущий де-

---

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3002. Л. 162.

мократизм политики сталинского руководства, вселить в людей уверенность, что 1937 г. уже не повторится. С этой целью в новый Устав предлагалось внести положение о правах членов партии, в том числе право «требовать личного участия во всех случаях, когда выносится решение об их деятельности или поведении», «обращаться с любым вопросом и заявлением в любую партийную инстанцию вплоть до ЦК ВКП(б)». Партии была обещана также отмена массовых чисток, причем с признанием, что при их проведении ранее «имели место многочисленные необоснованные исключения». И наконец, в ждановских тезисах записали, что Устав необходимо дополнить положениями, которые обеспечат «внимательный подход и тщательный разбор обоснованности обвинений, предъявленных члену партии», оградят «права члена партии от всякого произвола» [1].

Руководством партии была предложена также формула причин, породивших произвол. Все дело, оказывается, заключалось в том, что практика «формального и бездушно-бюрократического отношения к вопросу о судьбе членов партии... была широко использована проникшими в партию карьеристскими элементами, старавшимися отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, равно как замаскированными врагами внутри партии, старавшимися путем широкого проведения мер репрессий перебить честных членов партии и посеять излишнюю подозрительность в партийных рядах» [2].

Таким образом, в предсъездовских тезисах проблема репрессий была введена в строго ограниченные рамки. Во-первых, запрещалось говорить о сотнях тысяч расстрелянных и заключенных в лагерях. Всех, кто стал «жертвой террора, словно прикрыли благообразной формулой — «необоснованно исключенные из рядов

[1] Большевик. 1939. № 2. С. 23—24.
[2] Там же.

партии». Во-вторых, осуждать за произвол можно было только врагов, карьеристов и клеветников, ни в коем случае не додумывая до конца, до корней, никак не обнаруживать понимания связи клеветников и карьеристов с правительством, запустившим маховик репрессий и вызвавшим затопившую все волну демагогии и клеветы. Однако недовольство репрессиями было столь значительным, а стремление добиться гарантий против их повторения столь сильным, что обсуждение предсъездовских документов время от времени словно переливалось через воздвигнутые плотины, выдавая сохранившиеся в обществе самостоятельность мысли и непослушание.

Прежде всего многие из тех, кто прислал письма в «Правду» и ЦК ВКП(б), прямо или косвенно критиковали сложившуюся в результате двухлетнего террора обстановку. Так, в начале марта 1939 г. на стол помощника Сталина Поскребышева легло письмо от М. Пахомова из Москвы, направленное на имя Сталина. Автор доказывал вождю, что в стране исключительно плохо обстоит дело с подбором кадров. Безоглядное выдвижение молодежи, которой не хватало знаний и опыта, писал он, мешало делу. Высокое положение, достигнутое слишком рано, развращало людей. Достаточно откровенно ставил он вопрос о последствиях репрессий: «Атмосфера недоверия и излишняя подозрительность, которые существуют во взаимоотношениях людей и на работе, ни в какой мере и ни в чем не оправдываются... Такая атмосфера и излишняя подозрительность суживают размах работы, тормозят инициативу и энергию работников и чрезвычайно вредно сказываются на всей работе». Именно это, по мнению Пахомова, привело к ухудшению деятельности промышленности, ослаблению дисциплины. «В заключение,— писал Пахомов,— считаю необходимым обратить Ваше внимание на совершенно ненормальное положение старых членов пар-

тии, подпольщиков и особенно членов партии с 1917—1920 годов, активных участников революции и гражданской войны. На руководящей работе старых членов партии можно найти единицы... Говорят, что им теперь нет доверия. Я не согласен с такой практикой...»[1]

Особенно значительным был поток писем, в которых выражались требования сурово наказывать клеветников, оговаривающих честных людей. В этих призывах нередко негласно соединялось как возмущение соотечественниками, вставшими на путь доносов, так и властями, вызвавшими к жизни этот мутный поток. О том, что многие понимали, что клеветники и карьеристы были лишь одной из шестеренок мощного механизма репрессий, запущенного правительством, свидетельствовали предложения привлекать к ответственности не только доносчиков, но и руководителей парторганизаций, допустивших исключение из партии по клеветническому заявлению. А ленинградец С. Северов критиковал даже ЦК ВКП(б) за опоздание с исправлением ошибок, что, по его мнению, привело к слишком большому распространению произвола. Такие письма, понятно, не публиковались.

Судя по обзорам, которые помещались в то время в «Правде», большинство писавших о клеветниках требовали внести в Устав пункт о привлечении их к партийной ответственности. А один из корреспондентов, Агафонов из Дагестана, предлагал зафиксировать в Уставе положение не только о партийной, но и об уголовной ответственности за клевету[2]. Накал, резкий тон, многочисленность подобных писем свидетельствовали о том, сколь значительным было негодование людей, измученных постоянным страхом перед доносом.

Одним из основных мотивов обсуждения предсъездовских документов было требование создать хоть ка-

[1] ЦПА. Ф. 17. Оп. 120. Д. 336. Л. 10—16.

[2] См.: Правда. 1939. 2 марта.

кие-то механизмы предупреждения произвола, выработать гарантии соблюдения законности. Этим, в частности, были вызваны многочисленные предложения зафиксировать в Уставе положение о неотвратимости ответственности всех виновных в необоснованном преследовании коммунистов. Редактор газеты «Красноярский рабочий» Н. Кононыхин и его заместитель Н. Савушкин считали, что в резолюции съезда должно быть записано: «При отмене основанных на клевете решений первичных организаций или райкомов об исключении коммунистов из партии вышестоящие партийные организации — горком, обком или крайком, ЦК национальной компартии — должны находить *виновников* исключения коммунистов из партии и привлекать их *к строгой партийной ответственности*»[1].

Определенную гарантию против произвола многие корреспонденты видели во включении в Устав положения о правах членов партии. Наиболее решительно выдвигались требования максимально демократизировать процедуру исключения из партии. Критике в связи с этим подвергалась предложенная руководством партии формулировка о праве члена партии требовать личного участия в рассмотрении его персонального дела. Авторы ряда писем предлагали сформулировать этот пункт четко и определенно: член партии имеет право участвовать в таких заседаниях. С учетом реальной практики исключений, когда запуганные участники собраний единогласно поднимали руки, поступило немало предложений о введении процедуры тайного голосования при решении судьбы коммуниста.

Обсуждение ждановских тезисов выявило недовольство утвердившейся в стране и партии практикой разделения людей по социальному происхождению, составления разного рода анкет, ведения досье о прошлой

[1] Правда. 1939. 7 февраля.

деятельности. По опыту люди знали, что в период массовых репрессий именно эти материалы нередко служили поводом для ареста и фабрикации дел. Каждый, кто хоть раз в жизни подверг критике политику руководства, либо встречался с людьми, попавшими в разряд «врагов народа», или имел взыскания и т. п., терял доверие и жил под постоянной угрозой разного рода неприятностей вплоть до ареста. «Коммунисты, имеющие партийные взыскания (в прошлом или настоящем),— писал об этом Калиновский из Москвы в «Правду» (заметка, естественно, не была опубликована),— зачисляются в рубрику людей второго сорта. Но есть еще группа коммунистов, имеющих родственников или знакомых, оказавшихся врагами народа. Все эти коммунисты по неписаному обычаю райкомами отстраняются от активной политической жизни». Для того чтобы сломать эту систему, авторы многих писем предлагали прекратить составление секретных дел на коммунистов, не фиксировать в документах сведения о взысканиях, если они были отменены или признаны необоснованными, чтобы, как писал Маркеев из Орловской области, не рассказывать о них «всю жизнь». Распространенным было требование снять с коммунистов, имевших взыскания, ярлык «неполноценных», искоренить, требовал А. Смага из Баку, «теорию» деления коммунистов на два или три сорта.

Поступили тогда в «Правду» и в ЦК, но не были преданы гласности, и многочисленные письма с критикой нарушения уставных норм в самых высших партийных эшелонах. Ряд корреспондентов предлагали четко придерживаться периодичности проведения съездов и конференций ВКП(б). А. Измайлова из Москвы прямо писала, что, несмотря на требования Устава о созыве всесоюзного съезда партии не реже раза в три года, фактически между XVII и XVIII съездами прошло пять лет. Ашхабадец Ф. Шипицын пред-

ложил заменить многоступенчатые выборы в руководящие парторганы, начиная от района и заканчивая съездом, прямыми выборами, путем тайного голосования. Предложения о прямых и тайных выборах делегатов на XVIII съезд вообще достаточно часто звучали в письмах. Высказывалась также идея об избрании на съезде тайным голосованием Генерального секретаря ЦК ВКП(б). Подобные предложения настолько не соответствовали реалиям сталинской «демократии», что руководство считало даже опасным выносить их на открытое обсуждение. Их просто отвергали и складывали в архив.

Сохранившиеся материалы обсуждения ждановских тезисов свидетельствовали о том, что в обществе достаточно активно проявлялись настроения как осуждений репрессий, так и требования перемен. С аналогичными настроениями приехали на съезд и некоторые делегаты. Так, известный стахановец-комбайнер К. Борин, участвовавший в работе съезда, вспоминал, что хотел выступить по вопросу о необоснованности арестов на местах и даже «подал записку в президиум». «Но мне было сказано, что о подобных «перегибах» всем известно, выступать незачем» [1].

Видимо, учитывая в какой-то мере все эти настроения, сталинское руководство провело на съезде демонстрацию разрыва с прежней репрессивной политикой, ее осуждения. Немало слов о необходимости «ценить кадры, как золотой фонд партии и государства, дорожить ими, иметь к ним уважение» [2] произнес в отчетном докладе ЦК Сталин. При решении кадровой проблемы он пообещал «держать курс на сочетание, на соединение старых и молодых кадров в одном общем оркестре руководящей работы партии и государства»,

[1] Московские новости. 1988. 20 марта.
[2] XVIII съезд ВКП(б)... С. 29.

вызвав, как следует из стенограммы, продолжительные аплодисменты[1]. Являясь организатором лихорадивших общество на протяжении десяти лет антиинтеллигентских кампаний, на XVIII съезде Сталин оценил враждебность к интеллигенции как несовместимую с позицией партии[2].

Указания вождя в какой-то мере подхватили на съезде и его соратники. Берия в своей речи заявил, что относить хозяйственные прорывы исключительно на счет подрывной деятельности врагов неверно. В известной мере они объясняются «плохой, неумелой» работой ряда руководителей[3]. А ведь еще совсем недавно официальные установки требовали пресекать всякие разговоры о наличии объективных трудностей и ошибок в хозяйственном строительстве, утверждали, что за каждым провалом обязательно стоит вражеская деятельность. О недопустимости неправильных исключений из партии порассуждал в своем выступлении и новый начальник Главного политического управления РККА Л. З. Мехлис. «Мы должны признать, что количество неправильно исключенных из партии очень велико»[4],— заявил он.

Но больше всего внимания уделил осуждению клеветы и «бездушно-бюрократического отношения к вопросу о судьбе членов партии» Жданов. Он признал и нарушение прав членов партии, и многочисленные необоснованные исключения, и широкое применение формулы «связь с врагами народа», которая позволяла навесить ярлык на любого гражданина объятой массовыми репрессиями страны. Жданов буквально смешил зал (в стенограмме эта часть доклада Жданова пересыпана ремарками: «Смех», «Громкий смех», «Общий смех»,

---

[1] См.: XVIII съезд ВКП(б)... С. 30.

[2] См. там же. С. 36.

[3] См. там же. С. 143—144.

[4] См. там же. С. 276.

«Хохот в зале») рассказами о случаях клеветы и беззакония. Ну, в самом деле, разве не смешно, когда один из киевских клеветников подал в обком КП(б)У просьбу: «Я выбился из сил в борьбе с врагами, а поэтому прошу путевку на курорт», а еще смешнее, что некоторые члены партии, окончательно запутавшись в происходящем, прибегают к помощи врачей и берут справки: «Тов. (имярек) по состоянию своего здоровья и сознания не может быть использован никаким классовым врагом для своих целей» [1]. Такими трагикомическими случаями Жданов «разряжал» рассказ о произволе, охватившем страну, при их помощи сводил трагедию, постигшую общество, к многочисленным, но... эпизодам беззаконий.

О том, что действительно происходило тогда в стране и партии, внимательный читатель может лишь догадаться по отдельным пассажам ждановского доклада. Вот секретарь Иссинского райкома ВКП(б) Тамбовской области некий Калякайкин в короткое время из 175 человек, входивших в парторганизацию, исключил из партии 58. Один из исключенных, Назаров, был арестован НКВД. Через семь месяцев его освободили за недоказанностью обвинений (крайне редкий случай — добавим от себя). Но за это время за связь с ним были исключены из партии его жена и семь коммунистов, исключены из комсомола 28 человек и десять учителей сняты с работы. В Архангельской партийной организации некто Прилучный написал 142 доноса. В Ключевом районе Актюбинской области из партии было исключено 64% всей организации, а колхоз «Прогресс» этого района остался вообще без коммунистов. Нужно сказать, что подобные факты, включенные Ждановым в доклад, приукрашали ситуацию. Ни слова не сказали

[1] XVIII съезд ВКП(б)... С. 521—522.

лидеры партии о сотнях тысяч расстрелянных, пытках, миллионах, прошедших через лагеря.

Такая сглаженная критика предшествующих «перегибов» отражала суть политики руководства партии. Проведенная «большая чистка» объявлялась безусловным благом, укрепившим страну. Более того, поиски врагов обещало было продолжать, и одной из пяти задач партии в области внутренней политики Сталин назвал укрепление «социалистической разведки», систематическую помощь ей в разгроме и выкорчевке врагов народа.

В ответ на массовое недовольство репрессиями руководство страны предложило забыть о жертвах 1937—1938 гг. Взамен за эту «забывчивость» оставшимся на свободе было обещано постепенное движение к коммунизму — цель эту провозгласил XVIII съезд — и смягчение репрессивной политики, ликвидация «перегибов».

Задумаемся над очевидным фактом: почти сразу после смерти Сталина его преемники отказались от прежней репрессивной политики. Именно с отрицания массового террора началась постепенная десталинизация общества. Причем среди многочисленных задач, которые предстояло решить на этом пути, страна оказалась прежде всего способной к демонтажу и осуждению ГУЛАГа в его сталинском варианте. Прорыв на этом направлении был, пожалуй, глубже и основательнее, чем в других сферах экономики и политики. И что бы ни происходило в 60—70-е годы, возврата к насилию над десятками миллионов и к абсолютному презрению законов не случилось. Несмотря на значительную сопротивляемость сталинистских структур, террористический режим сменился более мягкой системой. И свою роль в закреплении этого процесса сыграли ан-

тирепрессивные настроения, имевшие место в советском обществе еще во времена сталинского террора.

Протест против чрезмерного произвола государства с самого начала превратился в ядро, вокруг которого объективно формировалась более широкая антисталинская волна. До самого последнего времени изобличение репрессий оставалось практически единственным в полный голос заявленным аргументом противников «государственного социализма». Да и в ходе перестройки осуждение преступлений прошлого было одним из важнейших рычагов продвижения вперед политики преобразования общества, а поэтому вызвало острое противоборство между приверженцами различных идеологических направлений. Вспомним, какие бурные споры вызывали тогда публикации, осуждавшие Сталина. Какое негодование обрушилось на писателей и публицистов, осмелившихся впервые после десятилетий полуосуждения назвать вождя государственным преступником. Сколь значительным был интерес к деятельности Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов.

В общем, в нашей стране проблема репрессий, гарантий защищенности личности от беззаконий стала оселком демократизации, а ее разрешение — одной из опор нового политического механизма. Но, воздавая должное тому, что сделано в этом смысле в последние годы, мы поступим справедливо, если вспомним и о тех, кто предвосхитил будущую открытую десталинизацию, закладывая в ее фундамент первые камни.

«Сопротивление! Где же было ваше сопротивление?» — бранят теперь страдавших те, кто оставался благополучен. Да, начаться ему было отсюда, от самого ареста. Не началось» [1] — так пишет в своем знамени-

[1] *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М., 1989. С. 26.

том исследовании «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицын. Неоднократно обращаясь к этой теме, он всякий раз исходит из того, что сопротивление фактически отсутствовало и это стало одной из причин потрясшего страну массового террора. «Если бы во время массовых посадок, например, в Ленинграде,— замечает писатель,— когда сажали четверть города, люди не сидели бы по своим норкам, млея от ужаса при каждом хлопке парадной двери и шагах на лестнице, а поняли бы, что терять им уже дальше нечего, и в своих передних бодро бы делали засады по нескольку человек с топорами, молотками, кочергами, с чем придется? Ведь заранее известно, что эти ночные картузы не с добрыми намерениями идут,— так не ошибешься, хрястнув по душегубцу. Или тот воронок с одиноким шофером, оставшийся на улице,— угнать его либо скаты проколоть. Органы быстро бы недосчитались сотрудников и подвижного состава, и, несмотря на всю жажду Сталина, остановилась бы проклятая машина!

Если бы... если бы... Мы просто заслужили все дальнейшее» [1].

Так ли уж заслужили? Не требует ли эта важнейшая проблема по крайней мере столь же тщательного рассмотрения, какое предпринял Солженицын в отношении истории функционирования ГУЛАГа? Кто знает, сколько шестеренок «проклятой машины» были сломаны противодействием общества террору? Кто считал, сколько людей спасли те, кто в невероятно сложных условиях шел поперек сталинскому государству? Хочется верить, что изложенные выше факты доказывают обоснованность постановки подобных вопросов.

Их дальнейшее исследование может стать частью изучения проблемы более высокого порядка: каким же

---

[1] *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. С. 24.

был в целом механизм функционирования сталинской системы? Пройдя первый, крайне сложный и необходимый этап познания сталинизма — его разоблачение, историки неизбежно столкнулись именно с этим вопросом. Насколько удалось претворить в жизнь сталинский идеал: построить общество, однообразно действующее по жесткому принципу «приказ — подчинение»?

Общепризнано, что одна из самых энергичных попыток реализации этого идеала была предпринята с конца 20-х годов. Утвердившаяся тогда у власти сталинская группировка взяла на вооружение следующую программу. При помощи насилия в короткие сроки ликвидировать частнособственнический сектор в экономике — экспроприировать нэпманов и кулаков, коллективизировать бедняцкие и середняцкие хозяйства. Сосредоточив в своих руках все производительные силы, государство перестанет считаться с экономическими закономерностями, интересами производителя, отменит деньги, организует прямой продуктообмен и сосредоточит все ресурсы на выполнении приоритетных целей — прежде всего создании мощной тяжелой промышленности и укреплении вооруженных сил. Отсутствующее в стране современное оборудование можно будет купить на Западе и благодаря этому в самый короткий срок приобщиться к тем достижениям цивилизации, которые передовые государства приобретали постепенно, путем длительной эволюции. Более того, ничем не ограниченный революционный скачок позволит быстро вырваться вперед, обогнать другие державы. Все зависит лишь от упорства, настойчивости и жесткости правящей партии, ее умения мобилизовать массы, сжать в кулак все силы. А отсюда и политические цели — никакого разномыслия, все подчинено «генеральной линии», личное — ничто, общественное — все. Отсюда материальный интерес — пережиток буржуазности, терпимый лишь до тех недалеких времен, когда

советские люди будут руководствоваться исключительно революционным энтузиазмом и сознательно-беспрекословно претворять в жизнь предначертания вождей. Что же касается самих лидеров, то для общества они вне критики. Всякие перемещения в высших эшелонах — дело властей предержащих. Участие народа в руководстве государством — важная идеологическая составляющая режима, но не более чем лозунг, призванный обеспечить сознательный энтузиазм.

Короче говоря, идеальное общество мыслилось сталинским руководством как слаженный механизм, на вершине которого — абсолютно независимый и от общества, и от обязанностей учитывать какие-либо социально-экономические закономерности руководящий центр, а в основании — беспрекословно и сознательно подчиняющиеся массы. Для тех, кто согласен на эти правила,— обещание всяческих благ в грядущем социализме. Для тех, кто против,— принуждение под угрозой суровых репрессий.

Прилагая огромные усилия, пренебрегая многочисленными жертвами, правящая верхушка прошла значительную часть пути к этому идеалу. Но достичь его, навязать обществу так и не смогла. Уже с первых шагов выяснилось, что советский народ — не податливая масса, из которой можно лепить любые фигуры, даже если у «скульптора» предельно сильные руки. Сталину и его сторонникам пришлось со многим смириться: и с тем, что никак не удавалось отменить деньги, и с тем, что неистребимыми оставались человеческие интересы, более глубокие и разнообразные, чем чувство восторженного энтузиазма и абсолютного доверия к вождям. Общество отчаянно противилось «скачкам» и административным экспериментам. Уже первая пятилетка была провалена. В 1932—1933 гг., когда пришло время рапортовать о победах, обещанных в конце 20-х, страна оказалась в глубоком кризисе: до минимума упало про-

мышленное производство, хроническими стали острейшие продовольственные трудности, а ряд районов охватил жесточайший голод.

В общем, утверждение сталинской системы совсем не напоминало шествие победителей, а походило скорее на тяжелые изнурительные бои с более слабым, но отчаянно сопротивляющимся противником. Бои, в которых приходилось неоднократно отступать, довольствоваться меньшим, чем намечалось в приказах командования, а то и вовсе обходить слишком уж неподдающиеся укрепления. Сформировавшаяся в результате этого система, наряду с преобладанием административно-репрессивных начал, сохраняла в себе инородные вкрапления, своеобразные ниши, где хоть и под спудом, но функционировали элементы иной, объективно антисталинской формации. Репрессии и чистки так и не искоренили до конца инакомыслие, критиков «генеральной линии». Наряду с официальной, унылой и заидеологизированной развивалась талантливая культура. Кстати, именно на примере культуры хорошо видно, как ценности, возникшие еще в сталинское время, послужили фундаментом для открытой десталинизации. Ведь многие из созданных при Сталине художественных произведений, впервые опубликованные десятилетия спустя, оказали огромное воздействие на духовное возрождение советского общества.

Разрыв со сталинизмом в период максимального его могущества так или иначе проявлялся в мыслях и поступках людей. Одни из них доверяли свое видение путей развития страны бумаге, и эти интереснейшие документы — яркое свидетельство антисталинских настроений того времени. Другие, часто менее осознанно, чем писавшие, действовали наперекор «генеральной линии» на практике: боролись за более разумные формы хозяйствования, отстаивали гонимую научную истину, противились произволу, помогая его жертвам,

и т. д. Судьбы этих людей во всех отношениях складывались трагично. Немало пережив в те годы, они фактически оказались забытыми и в наше время. С одной стороны, по причине недоступности и скудости соответствующих источников, с другой — став жертвой неблагоприятной политической конъюнктуры. Для официальной историографии эти люди были не более чем антисоветскими элементами, обреченными на забвение или проклятие. Демократическое же мировоззрение, стремясь к абсолютному отречению от старых порядков, объективно игнорирует все то, что нарушает стройность и целеустремленность преодоления прошлого.

И все же у названного направления историографии, несомненно, богатое будущее. С большой долей вероятности можно прогнозировать, что по мере открытия архивов и успокоения политических страстей нетронутая целина истории десталинизации будет интенсивно осваиваться. Последствия этого предсказать трудно. Конечно, общие оценки периода и неприятие его сути новые исследования поколебать не смогут. Но не исключено, что наша, казалось бы, уже хорошо известная история предстанет в неожиданном свете, наполнится многими неизвестными именами и событиями, а значит, будет лучше понята.

СОДЕРЖАНИЕ

Хлевнюк О. В.

Х55 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество.— М.: Республика, 1992.— 270 с.

ISBN 5—250—01537—9

На протяжении ряда лет, шаг за шагом шел Сталин к организации «большого террора». Как это происходило, в чем его причины, столкнулись ли Сталин и его окружение с противодействием в советском обществе — эти вопросы рассматриваются в книге.

С использованием новых архивных материалов автор рассказывает о таких событиях, как гибель С. Орджоникидзе и смещение П. Постышева, подготовка февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б) и замена Ежова Берией.

Рассчитана на широкий круг читателей.

$Х \frac{0503020500—043}{079(02)—92}$ 127—92

ББК 63.3(2)716

ХЛЕВНЮК ОЛЕГ ВИТАЛЬЕВИЧ

1937-й: СТАЛИН, НКВД
И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Заведующая редакцией Л. С. Макарова
Редактор А. С. Кочеткова
Младший редактор Е. А. Дмитриева
Художник Т. В. Колоскова
Художественный редактор О. Н. Зайцева
Технический редактор Т. Н. Иванова

ИБ № 9287

Сдано в набор 12.09.91. Подписано в печать 11.12.91. Формат 70×108[1]/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,90. Уч.-изд. л. 12,17. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6128. Цена 3 р. 80 к.

Российский
государственный
информационно-издательский
Центр «Республика»
Министерства печати
и информации РСФСР.

Издательство «Республика». 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени
типография издательства «Звезда».
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

ЛЕВЫЙ

3 р. 80 к.
РАВЫЙ УКЛОН

О.В. Хлевнюк 1937-й: СТАЛИН, НКВД И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО